

ТЕХНОТЪМА

НАЕМНИКИ ФОРТУНЫ

андрей / алексей
ЛЕВИЦКИЙ / БОБЛ

Андрей Юрьевич Левицкий
Алексей Бобл
Наемники фортуны
Серия «Технотьма»

Текст предоставлен издательством «АСТ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67412531

Андрей Левицкий, Алексей Бобл. Наемники фортуны: АСТ, Астрель;

Москва; 2011

ISBN 978-5-271-38881-1

Аннотация

Егор Разин – пилот-наемник. Он убивает, потому что за это платят, но теперь пришел его черед умирать. И единственным спасением становится опасный эксперимент, из-за которого он попадает в эпицентр войны с неведомым врагом – некрозом, уничтожающим саму реальность...

В сборник вошли романы «Пароль: „Вечность“» А. Левицкого, А. Бобла и «Падение небес» А. Бобла из фантастического цикла «Технотьма».

Содержание

Андрей Левицкий, Алексей Бобл	4
Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	32
Глава 4	45
Глава 5	57
Глава 6	76
Глава 7	89
Глава 8	110
Глава 9	117
Глава 10	131
Глава 11	147
Глава 12	172
Глава 13	186
Глава 14	202
Конец ознакомительного фрагмента.	204

Андрей Левицкий, Алексей Бобл Наемники фортуны (сборник)

**Андрей Левицкий, Алексей Бобл
Пароль: «Вечность» (Технотьма-1)**

Глава 1

Поздней весной небо над Киевом высокое и чистое, с Днепра дует свежий ветер, колышет кроны деревьев на склонах холмов. Посверкивают золотом купола Лавры, и статуя Родины-Матери, в просторечии – Железная Женщина, высится над городом, похожая на грозную богиню войны.

Таким запомнился мне Киев с тех пор, когда в юности я несколько раз приезжал сюда. Но сейчас все иначе: дым пожара застилает небо, деревья повалены, на склонах холмов – воронки. Некоторые из них появились благодаря мне.

В наушниках прозвучало:

– Работаем как обычно?

Под крылом «Су-25» проносились крыши панельных коробок. Справа, над центром города, поднимались клубы дыма, впереди горела Лавра.

– Как обычно, – ответил я ведомому. – Завидуешь?

Шмакин помолчал, обдумывая ответ.

– Развалить мост Патона... – протянул он, и я усмехнулся. – Не каждый день такое бывает, но если...

– Пятнадцать градусов влево, – перебил я.

С крыши высотки по нам открыл огонь крупнокалиберный пулемет. И тут же в кабине пискнула сигнализация: чья-то РЛС пыталась захватить нас в свои сети. Я выстрелил тепловые ловушки, закладывая вираж и снижаясь. Выровняв штурмовик, бросил взгляд через плечо. Ведомый держался в стороне и чуть выше.

Мы летели над правым берегом Днепра, приближаясь к статуе. Ну и страхолюдина! И зачем братья-украинцы изуродовали так свою столицу? Хотя их этой штукой, насколько знаю, осчастливили еще во времена СССР, а тогда народ не очень-то спрашивали, чего он хочет, а чего нет.

Впрочем, судя по происходящему, с тех пор мало что изменилось.

– Работаем. Зенитчики твои. – Я начал набирать высоту.

Дымные трассы снарядов снизу вверх перечеркнули небо. С площадки возле статуи по нам вела огонь зенитка, и Шмакин спикировал на нее.

Внизу у берега мелькнули притопленный земснаряд, баржа, развалины кирпичного завода. Я включил форсаж, пролетел над набережной. Закрутив «бочку», увел машину к городу, чтобы развернуться и сделать заход на мост Патона.

Штурмовик Шмакина вышел из виража над Днепром.

По спине пробежал знакомый холодок, и я завертел головой в поисках опасности. В кабине опять запищала сигнализация.

Предчувствие не обмануло – над горящей Лаврой набирал высоту «Ми-24» национальной гвардии. Вертушка выпустила две ракеты, которые рванулись на сверхзвуке за самолетом Шмакина, и сразу ушла на разворот, пытаясь скрыться в дымной пелене над холмами.

– Катапультируйся! – крикнул я.

В полной уверенности, что ведомый выполнит мою команду, разрядил кассету с тепловыми ловушками и спикировал над мостом.

Конструкция архитектора Патона соединяла два берега. Я вел штурмовик над единственным в мире цельносварным мостом, к которому, по данным разведки, с юго-востока подходили механизированные подразделения национальной гвардии.

Сняв вооружение с предохранителей, вдавил кнопку пуска неуправляемых ракет. Одновременно с ними вниз ушли две фугасные авиабомбы.

Снова форсаж. Набор высоты.

Грохот взрывов догнал самолет. Мост провалился, воды Днепра вскипели вокруг обломков.

Разворачиваясь по пологой дуге над высотками левого берега, я попытался найти ведомого. Его нигде не было, только густой шлейф дыма висел над рекой.

– Серега? – позвал я. – Серега!

Эфир молчал. Конечно, у Шмакина не было шансов спасти машину: от ракет «воздух – воздух», пущенных с близкой дистанции, никакие маневры не спасут. Но почему он не катапультировался? Отказала техника?

Или все же успел? Я пытался высмотреть купол парашюта на фоне зеленых холмов и клубов серого дыма, но не видел его.

А вот раскрашенная в сине-желтые цвета вертушка летела к огромной железной статуе, повторяя маневры Шмакина над правобережьем Киева. Должно быть, она из боевого охранения колонны противника, движущейся к мосту.

Когда мы легли на встречные курсы, я сразу ушел на «мертвую петлю». Кровь прилила к лицу, застучала в висках. В зените сделал «полубочку», свернул к реке. Поймав в прицел «Ми-24», облетающий статую с другой стороны, выстрелил.

В кабине взвыла сигнализация.

Самолет привычно вздрогнул, когда обе управляемые «Р-60» с шипением ушли вперед.

Горите в аду, уроды! Это вам за моего ведомого!

Поворачивая, я не смотрел вперед, мне хотелось видеть, как на Киев упадет сбитая вертушка. Эти, на «Ми-24», убили Серегу! Он был хорошим пилотом и хорошим товарищем. Не другом – у меня вообще нет друзей, – но когда-то в Казахстане Шмакин спас меня. Вернулся и посадил своего «Грача» на плато за минуту до того, как там появились душманы...

Обе ракеты попали в цель, одна угодила в кабину, взрыв другой разрубил хвостовую балку. Но за мгновение до этого вертолетчики, развернув машину, успели дать залп.

Я летел к статуе. В кабине пронзительно запищала сигнализация, и руки сами легли на ручку катапультирования.

Две ракеты сближались с моим самолетом лоб в лоб. Когда я рванул рукоять, сработали пиропатроны и над головой сорвало фонарь. Ремни врезались в плечи, перегрузкой сдавило грудь, и кресло вместе со мной выбросило вверх из кабины.

Самолет мгновенно ушел вперед, и через миг там грохнуло. Лицо обдало волной горячего воздуха.

Загоревшийся штурмовик врезался в статую и расколол ей голову. Железная Женщина вздрогнула, но устояла.

Быстро осмотрев купол, я расправил стропы. Бросил взгляд на горящие обломки своего «летающего танка», упавшие к подножию монумента, определил направление ветра и начал снижаться.

Далеко внизу из кустов на набережную выскочили два че-

ловека в черных шлемах и серо-зеленых, как и у меня, комбинезонах. Один замахал руками.

Наемники. Я шумно выдохнул – свои! Хорошо, ветер дует в нужную сторону...

Ударившись ногами в асфальт, упал, перекатился на бок и сразу вскочил.

– Не ранен? – спросил подбежавший ко мне черноусый наемник. Лицо его показалось знакомым, хотя из-за шлема и больших темных очков трудно было разобрать толком. – Ну ты силен, пилот! Мы с Барцевым видели, как ты вертушку разделал.

– Опанас, валим быстрее! – крикнул второй.

Он опустился на одно колено и поднял автомат, глядя в сторону холмов.

Я отстегнул парашют, сбросив подвесную систему, вытащил из кобуры под мышкой пистолет-пулемет «кедр» и разложил приклад. Статуя, в которую врезался мой самолет, высилась над нами – голова расколота, строгое металлическое лицо в черных подпалинах. В трещине выступили края оплавленной арматуры.

– Куда теперь? – спросил я.

– К Крещатику, там точка сбора, – ответил черноусый Опанас. – Не удержим Киев, армия из нейтралитета вышла. Ты в курсе?

– Ничего не слышал. – Я вынул магазин из пристегнутого к голени подсумка и зарядил «кедр». – Когда?

– Минут с десять как прошла инфа по радио. Сообщение только приняли, тут же связиста нашего гвардейцы подстрелили, и станция вдрызг. Но мы успели узнать: армейские части уже на бульваре Шевченко, там на президентскую гвардию напоролись.

Значит, армия. Третья сила вступила в конфликт... Я нащупал подсумок с гранатами на поясе, открыл клапан.

С армией тягаться бесполезно – задавят быстро, надо валить. Получается, что глава одной из самых крупных украинских партий не рассчитал силы. Он собрал в Киеве ополченцев, разбавил их отрядами наемников и нанял летчиков для проведения «миротворческих мероприятий» в родном государстве, власть над которым очень хотел заполучить. Да не вышло. Премьер-министр ввела чрезвычайное положение, президент отменил его, а сейчас в дело вмешались сохранявшие нейтралитет армейские генералы и заварилась такая каша, что нас бросили на произвол судьбы.

Я стал рассовывать гранаты по карманам.

– А что президент?

– Убит, – сказал Опанас. – Премьер-министр договорилась с генералами. Хотя такой слушок еще прошел, будто это тупфта, президент на самом деле в Москву успел свалить и к русским за помощью обратился. Хрен поймешь, правда или брешут.

Ну да, обратился он там или нет, а наш наниматель, потерпевший поражение, уже, наверное, летит на личном са-

молете куда-нибудь на Мальдивы. Армия скоро сомнет президентскую гвардию. Премьер-министр при поддержке генералов – если только русские вовремя не введут свои войска, проигнорировав протесты Евросоюза, – станет первым диктатором Незалэжной Украины. А нас, ставших ненужными ополченцев с наемниками, просто раздавят, как мошку между двумя ладонями...

Теперь каждый за себя – надо выбираться из этой мясорубки.

Обидно, что мне заплатили только половину обещанной суммы и вторую часть оставшихся денег теперь не видать. А ведь хватило бы покончить наконец со всем этим и открыть свое дело...

– Выбираться надо. – Барцев оглянулся. – На Майдане грузовики ждут.

– Почему на Майдане? – удивился я. – Он же внизу, между холмами. Кто в таком месте сбор устраивает?

Опанас пожал плечами:

– Не знаю, говорят, на Институтской сейчас еще опасней, а с другой стороны...

Он не договорил – присел, дернув меня за рукав, когда с холма за статуей донесся шум мотора, а следом беспорядочная стрельба.

– Уходим, пилот, быстро.

Опанас побежал обратно в кусты, я за ним. За спиной хрустнули ветки, когда Барцев вломился следом.

Из окон здания Кабинета министров на улице Январского Восстания работали снайперы, пришлось делать большой крюк.

Опанас оказался разговорчивым мужиком, поведал, что родом из запорожских казаков, а Барцев откуда-то из-под Винницы, служил там прапорщиком в мотострелковой бригаде, прежде чем подался в наемники. Еще черноусый рассказал, что на Майдане сколачивают колонну из грузовиков, которая всех оставшихся в живых наемников должна вывезти в лагерь, наскоро разбитый в одном заброшенном колхозе под Броварами. Там же на бывшем колхозном поле устроили аэродром. Когда он заговорил про это, я и вспомнил, что видел Опанаса на том самом аэродроме, когда украинский конфликт только разгорался и мы прилетели сюда. Взвод наемников, где служил Опанас, прислали охранять наши самолеты, ими еще командовал седой сержант из Донецка... Как же его звали?

Вспомнить имя не удалось: двигаясь по бульвару Леси Украинки, мы нарвались на группу гвардейцев, засевших в одном из домов. Пришлось поворачивать на Госпитальную – название улицы я сумел прочесть на покосившейся табличке, висящей на стене магазина с выбитой витриной и трупом в распахнутых дверях. Гвардейцы попытались нас преследо-

вать, хотели, наверное, взять живыми. Я бросил в них две гранаты и израсходовал почти весь боекомплект, прикрывая отходящих к Дворцу спорта Опанаса с Барцевым.

Догнал наемников у площади Льва Толстого. Мы успели добежать до Крещатика, когда совсем рядом громынуло. Не знаю, что там взорвалось, – может, выстрелили управляемой ракетой?

Мы присели за мусорным баком, и Опанас сказал:

– Вон, видите, домина с лепниной на крыше? Это рынок крытый, Бессарабским называют.

Огонь быстро исчез, ветер унес дым, и стало ясно, что по зданию отработали термобарическим боеприпасом.

– Ох ты! – Барцев машинально потрогал свой черный шлем. – Как по крыше ему засадили... Чья это вертушка была? Вон она, за дома полетела.

– Не знаю, – сказал я. – В нацгвардии таких машин вроде нет.

Запах гари висел над Крещатиком, лучи вечернего солнца едва пробивались сквозь дым. Улица, изрытая воронками, между которыми стояли брошенные машины и лежали тела, напоминала сцену из фильма-катастрофы. Перебегая от укрытия к укрытию, мы спешили дальше к точке сбора на Майдане Незалежности. Все трое тяжело дышали, и я тяжелее всех – не привык таскать бронежилет. Его я снял с убитого ополченца, когда пробирались по бульвару Леси Украинки. Спина болела после катапультирования, хотелось швыр-

нуть броник на землю и посильнее пнуть ногой, но бежать осталось недалеко, лучше потерпеть.

Мой комбез был порван на плече; солнцезащитное стекло треснуло, пришлось сдвинуть его на шлем. Проверил магазин – всего шесть патронов.

Со стороны оставшегося позади бульвара Тараса Шевченко донесся звук автоматных очередей, потом гроыхнули взрывы.

– Опанас, прикрывай, – сказал я. – Барцев, давай к тому киоску.

Закусив черный ус, Опанас привстал и повел из стороны в сторону стволом АК. Мы с Барцевым побежали по тротуару к газетному киоску с сорванной взрывом крышей. До него оставалось метров десять, когда по нам выстрелил снайпер.

Я понял, что он прячется в здании на другой стороне улицы, потому что за мгновение до этого что-то такое ощутил, как тогда, в кабине, перед тем как сбили Серегу, – будто ледяным ветром дунуло оттуда. Но предупредить Барцева не смог. Он двигался ближе к проезжей части, потому снайпер выбрал целью его. Пуля пробила шлем, и наемник без вскрика повалился на асфальт.

Сзади застучал автомат Опанаса. Я прыгнул в сторону, скатился с поребрика и оказался за черным «мерседесом» с мертвецом в кабине.

Пуля ударила в машину. Я сел, прижавшись к ней спиной, и увидел на тротуаре неподвижное тело в серо-зеленом пят-

нистом комбезе.

Машинально похлопал себя по карманам, но гранат не было. Хотя если бы они и остались... Ясно, где прячется снайпер: в здании... кажется, местной администрации... точно, столичной мэрии. Верхняя часть обвалилась, но три этажа целы, и он засел где-то там. Я не смог бы попасть гранатой в окно с такого расстояния, да и как определить, куда именно бросать?

Выстрелы на бульваре Шевченко стали громче. Похоже, армия давит всех без разбора: ополченцев с наемниками, гвардейцев... Как быстро военные доберутся до Крещатика? Судя по всему, гвардейцы сдерживают их примерно в квартале отсюда, у памятника Ленину напротив Бессарабского рынка, но надолго их не хватит. Смяв гвардейцев, воюки примутся за нас. Надо бежать к Майдану, где, возможно, еще дожидаются грузовики, которые прислали, чтобы забрать остатки отрядов ополченцев и наемников. Но как выскочить, если на другой стороне караулит снайпер?

Опанас выглянул из-за бака и сделал непонятный жест.

– Что?! – крикнул я.

Звуки выстрелов и взрывы мешали нам расслышать друг друга. Он отпрянул, когда в бак ударила пуля.

Я отщелкнул магазин, постучал пальцем по зеленой гильзе верхнего патрона... Пять внутри, один в стволе. И всё, больше вообще ничего нет.

Опанас вдруг дал очередь в мою сторону. Пули застуча-

ли по кузову «мерседеса», подбираясь ко мне, я вскинул «кедр», не понимая, что происходит, а черноусый приподнялся, подавая отчаянные знаки... И тогда в его правое плечо у самого края бронежилета попала пуля. Опанас свалился за бак, еще секунду оттуда торчали его ноги, вторая пуля ударила рядом, отколов кусок асфальта, а потом наемник согнул ноги в коленях и целиком пропал из виду.

Что-то мелькнуло слева. Я развернулся – и здоровенный черный пес прыгнул на меня.

На инструктаже, перед тем как получить полетное задание, крепкий седой сержант из Донецка, тот самый, который командовал взводом охраны аэродрома, долго втолковывал нам, как разобраться с псом-убийцей, если собьют и останешься без боеприпасов. Нас предупредили, что гвардейцы используют специально обученных волкодавов, но мы, летчики, слабо верили в такую встречу. И вот – свезло.

Пес прыгнул на меня, опрокинул на бок. Не успев развернуть пистолет-пулемет, я врезал зверю прикладом по морде. Крупные сильные челюсти сомкнулись на запястье, защищенном длинной перчаткой. Я вскрикнул. И ударил широким армейским ножом.

Сержант говорил, что бить лучше всего в мягкое место под нижней челюстью и сразу проворачивать нож, разрывая гортань, но я попал между челюстями сбоку. Клинок глухо скрежетнул, зацепив кость, прорезал мясо и сухожилия. Пес клацнул когтями по бронежилету у меня на груди, дергаясь,

суча лапами. Я надавил, провернул нож – он почти до рукояти ушел в собачью голову. Пес хрипло тьякнул и сдох.

Спихнув его с себя, я кое-как сел и сунул магазин в приемник. Опанаса видно не было. Скорее всего, он сидел за баком в той же позе, что и я, и перетягивал жгутом плечо.

А вот Барцев лежал на том же месте. Он спас мне жизнь ценой своей. И Опанас ранен тоже из-за меня, ведь он хотел предупредить о псе, которого заметил раньше, стрелял в него, за что и получил пулю в плечо. Как ему теперь добраться до Майдана, где ждут грузовики?

Если еще ждут.

Хозяин пса – наверняка тот снайпер. Я привстал и сразу упал обратно, когда над шлемом свистнула пуля.

Асфальт взломан почти по всему Крещатику, здесь полно обгоревших машин и воронок, неподалеку стоит киоск с сорванной взрывом крышей – но ни к одному укрытию не перебежать, если снайпер специально пасет нас.

С бульвара Шевченко выстрелили из гранатомета: белая дымовая струя пронеслась мимо памятника Ленину, пятнистого от копоти и с отбитой головой, пересекла улицу и воткнулась в здание Бессарабского рынка. Грохот покатился по Крещатику, со стены рынка посыпались камни. Армия все ближе, еще минута – и сопротивлению у памятника конец, а после и нам. Что делать? Как выбраться отсюда?

Из-за бака высунулся Опанас. Увидев, что я жив, он кивнул и опять спрятался.

Я встал на колени, низко пригнувшись, посмотрел в кабину сквозь дыру на месте выбитой дверцы. «Мерседес» выглядел лучше большинства других машин на улице. Багажник помят, фары разбиты, одной дверцы нет, но в целом тачка казалась на удивление целой в сравнении с обугленными остовами вокруг.

За рулем сидел толстый мужик в костюме, белой рубашке и галстуке. Мертвый. Наверное, водитель одного из депутатов или какого-то важного чиновника, привезший патрона в мэрию на очередное заседание Чрезвычайного комитета и на свою беду оставшийся ждать его, когда центр Киева неожиданно атаковала национальная гвардия.

Ключа зажигания в замке не было. Передвинув «кедр» за спину, я подполз к водителю и стал ощупывать его пиджак. В левом кармане ничего, в правом тоже. Я сунул руку под пиджак и полез во внутренний карман.

Раздался глухой звук, будто молотком стукнули по подушке. Труп дернулся и тут же еще раз... Снайпер заметил меня и пытался подстрелить сквозь разбитое окошко второй дверцы. Хорошо хоть сама дверца на месте, а не выворочена взрывом, как та, что справа.

Значит, стрелок на первом этаже. Максимум на втором – с третьего он так стрелять не смог бы, угол слишком большой. Хреновая у него позиция, снайперы обычно высоко сидят, да к тому же баррикадируются... Или он полный лох в своем деле – среди гвардейцев вряд ли сыщется и пара професси-

оналов, а иначе мы бы не добрались до Крещатика, – или у него есть причины прятаться именно на нижних этажах.

Того, что мне было нужно, не оказалось и во внутреннем кармане. Тело водителя снова дернулось. И еще раз. Кровь текла по его груди и животу, белая рубашка стала темной. Я кое-как впихнул руку в карман черных брюк, нащупал гладкий пластик – и вытащил ключ вместе с овальной коробочкой сигналки.

С трудом развернувшись и просунув ногу под руль, вставил ключ в замок, нажал, повернул. Запищало, на панели зажглась красная спираль, стала белой, погасла. Я крутанул ключ.

Двигатель заурчал и включился.

Пуля врезалась в рулевую колонку, с хрустом пробив ее. Пригнув голову, я рванул рукоять автоматической коробки, ногой надавил на газ и вцепился в баранку. «Мерседес» поехал, тяжело набирая ход, раскачиваясь, шлепая пробитыми покрышками по мостовой. Я повернул руль, объезжая остовы микроавтобуса и милицейской машины, и «мерседес» потянуло в сторону, будто на льду. Вплотную приблизиться к мэрии не выйдет – к дверям ведет широкая каменная лестница, – но я все равно утопил газ до предела. В лобовое стекло ударила пуля, и оно покрылось узором трещин с белым пятном в центре. Машина дернулась, налетев на поребрик, и понеслась дальше. В стекло попала вторая пуля, оно осыпалось, в салон ворвался ветер.

В последний миг я опять крутанул руль, и машина левым передним колесом врезалась в нижнюю ступень.

Меня бросило на панель. От удара я до крови прикусил язык. Выбрался наружу и кинулся вверх по ступеням к распахнутым дверям Киевской мэрии.

Сзади стучал автомат – Опанас сообразил, что я затеял, и стрелял над мусорным баком, прикрывая меня. В окне слева от дверей что-то мелькнуло. Я дважды выстрелил туда, запрыгнул на мраморную площадку перед дверями, с разбега упал на спину и ногами вперед въехал в здание.

Человек в бледно-синем, с желтыми разводами комбинезоне стоял на одном колене на куче мусора перед окном и целился в меня из винтовки с оптическим прицелом. Небритый, без шлема и бронежилета, с длинным темным чубом.

Он выстрелил. Все еще скользя на спине, я вдавил спусковой крючок. Его пуля рикошетом ушла от бронежилета, а мои наискось полоснули снайпера по груди. Он отклонился назад, выпустив винтовку, потом качнулся вперед, упал лицом вниз и медленно съехал по груде мусора.

Держась за грудь, я кое-как встал. Сердце колотилось, ныли ребра. Оглядел просторный холл. Обе ведущие наверх лестницы обрушились – вот почему он не поднялся выше. Подойдя к снайперу, я сложил и убрал в кобуру разряженный «кедр», взял винтовку, вытащил из его подсумка два магазина и побежал на улицу.

Теперь стреляли прямо под памятником безголовому Ле-

нину, я видел желто-голубые комбезы гвардейцев и зеленую, с бурыми разводами форму солдат регулярной армии. Все они лежали за брустверами с двух сторон от памятника. Несколько солдат пробирались за кустами сбоку, и гвардейцы их, судя по всему, не видели.

Опанас сидел за баком. Когда я встал над ним, он поднял ко мне смертельно бледное лицо и просипел:

– А я думал... конец пилоту... пристрелили...

Я молча ухватил его за плечи, поднял и потащил в сторону Майдана.

В этот момент военные перешли в атаку и быстро смяли гвардейцев. Мы уже подходили к Майдану, когда нас заметили и открыли огонь. Стрелки были далеко, между нами стояли машины, дым стелился по Крещатику. Пули взвизгивали вокруг, били в асфальт, в обгорелые остовы автомобилей. Я тяжело дышал, волоча едва ковылявшего Опанаса. Голова его то падала подбородком на бронежилет, то откидывалась назад, он кашлял и все спрашивал:

– Грузовики есть? Есть?

– Есть, – отвечал я, хотя видел: нет.

По словам погибшего Барцева, они должны были ждать нас у большого ступенчатого фонтана, но там лишь зияли воронки взрывов. Я сделал еще несколько шагов и остановился.

– Что? – спросил Опанас. – Почему встали, пилот? Не вижу ни хрена, темно в глазах... К машинам идем!

Слева раздался гудок. Я повернул голову – одинокий грузовик стоял между колоннами, подпиравшими широкий козырек Центрального городского почтамта. Наверное, на открытом месте у фонтана стало опасно, и командир приказал отъехать туда. Но где остальные машины?

– Эй! – донеслось сквозь частый стук выстрелов. – Сюда!

Стоящий на подножке худощавый человек махал рукой. Я поволок Опанаса к почтамту. Военные почему-то начали стрелять в другую сторону – возможно, с площади Льва Толстого появился еще один отряд гвардейцев. Худощавый нырнул в кабину, и вскоре от грузовика к нам бросились двое бойцов в комбинезонах, бронежилетах и шлемах.

Подбежав, они схватили Опанаса под мышки и поволокли к грузовику. Я обогнал их.

Два высотных дома справа от почтамта были полностью разрушены, у третьего проломлена крыша, из дыры валил дым. Мы почти дошли до грузовика, когда тяжелый низкий рокот заглушил звуки боя, начавшегося на Крещатике.

– Чьи это вертушки? – прохрипел Опанас, а потом из-за крыш домов вылетели вертолеты. Массивный грузовой «тандем» с двумя винтами сопровождала пара узконосых «черных крокодилов» с блоками ПТУР на подвеске и пулеметными турелями под кабиной.

Они открыли огонь, и грузовик исчез в яркой вспышке.

Взрывная волна едва не сбила меня с ног, я присел, потом упал на колени. Загрохотал пулемет, полоса разрывов побе-

жала ко мне по асфальту, но вертолет отвалил в сторону, не прекращая стрелять, и она изогнулась дугой, ушла за спину...

Сквозь грохот донесся короткий вскрик.

Я оглянулся.

Увидел три неподвижных тела. Расколотый шлем Опанаса. Кровь, бегущую по черным усам.

И тогда мне стало все равно. Спасения не было – некуда бежать, незачем прятаться.

Не на что надеяться.

Я уже давно ни на что не надеялся. Все шло к этому, другого будущего у меня не было.

Сев, я стянул через голову ремень винтовки, отстегнул кобуру с «кедром» и бросил оружие на асфальт. «Крокодилы» понеслись над Крещатиком, «тандем» опускался посреди Майдана, а из-за домов вылетали все новые вертолеты, и на боках их изгибали шеи двуглавые орлы.

Глава 2

– Ты военный преступник, – произнес мужчина в штатском. – Хотя это слишком громко звучит для обычного наемника, но по закону ты – военный преступник и в качестве такового подлежишь уничтожению.

Сидевший рядом с ним генерал российской армии молчал.

Звякнув наручниками, я откинулся на спинку неудобного, твердого стула. В комнате был низкий потолок с лампочкой под решетчатым колпаком, покрытые бетонной «шубой» стены, железная дверь, стол, за которым в креслах расположились эти двое, и стул, на котором сидел я.

Я облизал рассеченную губу. Заживающая ссадина на скуле зудела, но почесать ее было нельзя – руки скованы за спиной. И обритая прошлым вечером голова, смоченная дешевым одеколоном, тоже чесалась.

– Суд состоялся, приговор вынесен. Тебя расстреляют.

– А был суд? – спросил я. – Наверное, я его случайно пропустил.

Гражданский – сдержанный в движениях, с властным взглядом и сединой в волосах. На столе перед ним лежал черный лэптоп, на экран которого он все время посматривал. Еще у него была манера сжимать левую руку в кулак и потирать подбородок большой золотой печаткой на безымянном

пальце.

Генерал – средних лет, молодцеватый и румяный. Глядел на меня с легким презрением, но в целом вполне равнодушно, как на букашку, которую скоро раздавят, после чего о ней не вспомнит ни одна живая душа. А вот у гражданского взгляд был иной: заинтересованный и острый.

– Не помню зала с судьей и свидетелями, – продолжал я, – адвоката, прокурора... Что там еще положено в суде?

Кажется, этим я немного вывел генерала из себя. С того момента, когда конвой ввел меня в комнату, он сидел молча, только кивал иногда, но теперь заговорил:

– Трибунал это был, а не суд. А для тебя и расстрела мало. Сколько жизней у тебя на совести, наемник?

– Не знаю, – честно сказал я. – Я же военный летчик. Пилот, такая у меня работа.

– Пилот-наемник, какая разница? Убивал ты за деньги.

– Все, кого я убил, были солдатами или бандитами. Вооруженные бандформирования, слышали о таких? Если б не я их – они бы меня.

– Да лучше б тебя духи сбили из «стингеров» своих, не тратили бы мы сейчас время. Надо было вас всех прямо там, на Майдане, к стенке поставить, а не везти сюда.

Генерал повернулся к седому:

– Как времена изменились! Раньше наемники эти... ну чистые бандиты, зря, что ль, их душьем прозвали? А теперь вон самолеты у них!

Я криво улыбнулся:

– А ты скольких на смерть отправил? Сколько солдат из-за тебя домой не вернулись из горячих точек к мамкам своим? Взвод, два? Батальон?

Все-таки это был генерал, а не лейтенант какой-нибудь желторотый – он не полез вокруг стола двинуть мне по морде, даже не выругался, лишь бросил презрительный взгляд.

А седой посмотрел на экран лэптопа и сказал:

– Егор... Редкое имя сейчас. Кто тебя так назвал?

Я пожал плечами:

– В детдоме.

– А фамилия еще интереснее – Разин. О детстве совсем мало сведений... Может, расскажешь нам?

– Не было у меня детства. Детдом, и все дела. Потом летно-военное училище...

– Которое ты не окончил. Так, из характеристики: малоэмоционален, замкнут, неразговорчив, предпочитает роль стороннего наблюдателя, нет друзей... Короче, общительным болтуном тебя не назовешь, а, Разин? Интровертный тип, вот как это в психологии называется. Самодостаточен, себе на уме. До выпуска не дотянул полтора месяца и вместо красного диплома получил два года условно за драку... – седой опять кинул взгляд на экран, – с нанесением тяжких телесных повреждений. Двоим.

– Эти уроды девчонку в машину тянули. Ночью. Школьницу. Платье на ней было порвано, и кричала она. А я в учи-

лице шел из увольнительной...

– И один из уродов оказался сыном вице-губернатора края, – продолжал седой. – В результате девушка так и не подала заявления о попытке изнасилования, тебя же выгнали из училища, после чего про Егора Разина долго не было слышно. Почему?

– Да завербовали его! – Генералу явно надоели все эти разговоры. – Наемники ведь как шлюхи со своими сутенерами, которые на них деньги имеют. Завербовали, в лагере каком-нибудь в горах отсиживался, потому и сведений нет. А, Разин? Что, не так было?

Я покачал головой:

– Это ты сутенер, солдат своих под пули ко всяким моджахедам посылаешь. А я сам места выбирал, куда лететь и за кого воевать.

– Солдат Родина посылает! Они за страну свою воюют! А ты... ты за бабки сраные!

– Родина или правительство? А гибнут они за страну или за хозяев страны?

Я мог говорить что думаю, терять мне было нечего – больше одного раза не расстреляют. Вот только зачем этот разговор, к чему тут штатский хрыч, расспросы о детстве, лэптоп на столе? Хотели бы завалить – вывели бы из КПЗ в тюремный дворик, окруженный глухими высокими стенами, да пулю в затылок.

Седой произнес:

– А ты вроде равнодушен к своей судьбе, Разин. Неужели такой смелый? Или такой глупый? Мы ведь не пугаем – тебя и вправду расстрел ждет.

– Не очень я смелый, – сказал я. – Хотя глупый, иначе не сидел бы здесь. Но тут в другом дело: просто все к этому шло.

Он посмотрел на меня с интересом:

– Что именно?

– Судьба моя к этому катилась. К ракете, летящей прямоком в кабину, или вот к такому... Я свыкся уже, что так все закончится. Ну или примерно так.

Седой потер печаткой на пальце подбородок.

– Неужели? Ты же деньги зарабатывал. Зачем тогда?

– Летать люблю. Хотел на острове в Карибском море поселиться и частный аэродром открыть. Был там когда-то... Хорошие места.

– И много заработал? – хмыкнул генерал.

– Туристов возить, – закончил я, проигнорировав его.

– Ясно. – Седой глядел мне прямо в глаза. – А перед тем как в Киев попасть, что ощущал?

– Что это последнее мое дело... Последнее место, куда я попаду. Уже не выберусь оттуда.

– И все же полетел?.. Фаталист. Хотя из Киева таки выбрался. Тебе, впрочем, от этого не легче. – Седой перевел взгляд на лэптоп. – Продолжаем. Что нам тут база данных говорит?.. Второе место в училище по боксу, мастер спорта. Так... Тургай, операция на Медео, Свободная Молдавия...

Надо же – и в Крыму был, Бахчисарай бомбил. Теперь вот украинский конфликт...

Он закрыл лэптоп и вопросительно посмотрел на генерала.

– Да ладно, делайте что хотите! – как-то совсем не по-военному, почти что с детской обидой бросил тот. – Мне Илья Андреич наказ дал... Хотя я бы убийцу этого кровавого, будь моя воля, собственноручно... – Он сжал кулак, взмахнул им и отвернулся.

Седой кивнул. Блеснув золотой печаткой, снова потер подбородок, достал мобильник-раскладушку и свел брови над переносицей, что-то прикидывая. Я сидел неподвижно, борясь с желанием развернуться на стуле и почесать скулу об угол спинки.

Седой раскрыл мобильник и в упор посмотрел на меня.

Было в этом человеке что-то магнетическое. Взгляд холодный, властный, гипнотизирующий даже. Вроде бы какой-то штатский стручок, но явно чувствовалось, что из этих двоих главный он и судьба моя зависит сейчас не от генерала.

Я внутренне подобрался. Зуд в скуле мгновенно прошел, и между лопаток пробежала волна озноба. Что-то должно произойти! Подобные предчувствия не раз спасали мне жизнь – я вовремя уходил на вираж или сбрасывал скорость, давил на кнопку, пуская ракету. Вот только не помогли они мне спасти ни Барцева, ни Опанаса, ни Серегу Шмакина... никого, кроме себя.

– Еще можешь выжить, Разин, – произнес седой, в такт словам постукивая по крышке лэптопа указательным пальцем. – Мне нужен человек для эксперимента. Опасного. Шансы где-то тридцать на семьдесят, что жив и цел останешься. Если согласишься и если выживешь – тебя отпустят. Если откажешься – в расход. Выбирай. У тебя две минуты.

Он ждал, не опуская мобильный. Я открыл рот. Закрыл. Опять собрался задать вопрос – и промолчал. Как оно все неожиданно повернулось! Надо было спросить, что за эксперимент, как долго он продлится и где гарантии, что, если выживу, меня отпустят, а не поставят к стенке... но я и так знал ответы. Вернее, знал, что их не будет. Я пойму, что за эксперимент, только когда он начнется. А про гарантии седой ответит, что их нет. Только его слово... слово человека, даже имени которого я не знаю.

– Почему я? У вас мало «мяса» по тюрьмам и колониям?.. – Я замолчал, вспомнив, как вчера тюремный врач налысо обрил мне голову. Потом конвой притащил в камеру какую-то аппаратуру, пришел узколицый молодой парень в белом халате, явно не из местного персонала. Под халатом костюм, на ногах дорогие туфли, пахло от него хорошим одеколоном. Он нацепил какие-то датчики мне на голову и снял показания. Потом долго хмурился, рассматривая бумажную ленту с закорючками, выползшую из прибора, после чего побежал звонить куда-то.

Внимательно наблюдавший за мной седой кивнул.

– Вспомнил? У тебя необычная динамика изменения амплитуд биопотенциалов мозга. Найти такого человека нелегко.

– Но во мне ничего такого нет. Я никакой не экстрасенс, не телепат. Ничем от остальных людей не отличаюсь.

Он приподнял брови:

– Уверен? У человека с таким отклонением обычно лучше развита интуиция. Как у тебя с интуицией, Разин?

Я моргнул. Интуиция... Он что, про мои предчувствия говорит?

– А зачем вы вообще моего согласия спрашиваете? У смертника? Можете ведь сделать со мной что хотите...

– Мы не частная корпорация, Разин, перед тобой армейский генерал и старший научный сотрудник государственного учреждения сидят. Нам нужно твое согласие, подпись на документе.

– Хотите сказать, если я откажусь, не будет никакого эксперимента? – Я недоверчиво покачал головой.

– А ты не откажешься. Не идиот же ты.

Опять мучительно зачесалась скула. Я задрал плечо, кое-как потер ее. И сказал:

– Ладно, тогда одно условие. Чтоб руки за спиной мне больше не сковывали.

Седой кивнул; нажав на кнопку, поднес телефон к уху. Подождал немного и бросил:

– Мы выходим. Забирайте нас.

Глава 3

Не знаю, где находилась эта база. Меня сначала везли в фургоне для заключенных, потом посадили в самолет, а после мы с двумя хмурыми конвоирами долго ехали в микроавтобусе, окна которого были закрыты железными шторками.

Седой назвался доктором Губертом, но ни имени своего, ни отчества так и не сообщил. Передав меня конвоирам, он исчез и появился вновь уже только в лаборатории, куда мы попали через охранный тамбур с лазерной системой. Красная световая решетка опустилась с потолка к полу, ощутив наши тела, а после нас заставили раздеться и долго стоять под каким-то ионным душем (так его обозвал сухой голос, прошелестевший в невидимом динамике). Старую одежду я не получил, вместо нее в нише возле душевой кабинки лежали бежевый пластиковый комбинезон и легкие мокасины, тоже из пластика, но более жесткого.

Вскоре выяснилось, что здесь все ходят в такой униформе, только цвета разные – наверное, в зависимости от должности.

Пока те же конвоиры, уже в черных комбезах, с кобурами и дубинками на поясах, вели меня от шлюза в глубь лабораторного комплекса, я пытался разобраться, чем тут занимаются, но ничего толком не понял. Мы прошли несколь-

ко пустых помещений и два длинных коридора. В третьем стена справа оказалась прозрачной, за нею открывался зал со стеклянным куполом. Там мерцало изображение Земли в 3D. Вокруг планеты кружились маленькие красные смерчи-спирали, между ними то и дело протягивались тонкие линии, порой такая линия устремлялась к Земле, и тогда внизу вспыхивал красный световой круг, расходящийся по голубому шару планеты. Под голограммой стояли трое и оживленно жестикулировали, тыча вверх пальцами. Один держал дистанционку, нажимал на кнопки и крутил джойстик, отчего смерчи то вращались быстрее, то замедлялись. Когда мы уже почти прошли коридор, между всеми спиралями одновременно протянулись изогнутые и прямые линии, составившие объемную решетку-куб. Она опустилась на планету, накрыв ее. Мигнула. Мне показалось, что шар из голубого стал болотно-зеленым, а очертания континентов как-то уродливо, отталкивающе изменились. Я приостановился, чтобы посмотреть, но один из конвоиров молча толкнул меня в спину, и зал с куполом остался позади.

Мы прошли мимо дверей, на которых был изображен череп с костями, разминувшись с двумя учеными, спорившими на ходу. До меня донеслось:

– Нет, онтологическая основа метасистемы одинакова для всех вариантов.

– Но различные исходные параметры могут привести к существенным изменениям конечных условий. Там может от-

личаться все, от базовых законов до каких-то мельчайших деталей...

Потом был еще один коридор со стеклянной стеной, за которой находилось помещение с круглым столом в центре. На нем, закрепленная на кронштейнах, на боку стояла металлическая полусфера с решеткой на выпуклой стороне и пультом на плоской. Сидящий на высоком табурете человек в белом комбезе и шлеме с прозрачным окошком нажимал на кнопки. Воздух перед решеткой дрожал – казалось, откуда бьет едва видимый луч какой-то энергии, – а у стены из пластиковой кадушки с водой торчало нечто, что я поначалу принял за кусок светло-коричневого хозяйственного мыла размером с тумбочку. Эта штука, на которую и был направлен луч, мелко дрожала и плавилась, верхушка ее курилась желтоватым дымком, плыла, как лед на сильной жаре, крупные капли стекали в воду.

– Это что такое? – удивился я, показав на «мыло», но не получил ответа.

В конце концов меня привели в светлую комнату, похожую на операционную, посреди которой стояла койка на колесиках, заправленная белоснежной простыней. Один из конвоиров буркнул:

– Раздевайся и ложись.

– Что, эксперимент здесь будет? – спросил я.

– Раздевайся, – повторил он, кивнув на столик возле койки.

Я покачал головой:

– Нет, сначала я хочу поговорить с Губертом.

– Ну, ты! – Второй охранник шагнул ко мне, взявшись за короткую черную дубинку на поясе. – Делай, что сказали.

Раздался голос доктора Губерта:

– Разин, выполняй указания персонала. Сейчас моя помощница снимет твои параметры. Эксперимент начнется немного позже.

Голос лился из динамика где-то под потолком. Я повернулся, задрал голову, увидел глазок видеокамеры в стене над шкафом и посмотрел прямо в нее.

– Я есть хочу. На той базе кормили только перловкой. Никаких экспериментов на пустой желудок, понятно?

После паузы Губерт сказал:

– Я распоряжусь. А теперь разденься и ложись.

Когда я сделал это, появилась молодая женщина в белом комбинезоне, катившая перед собой столик, заваленный всякими инструментами. Она взяла у меня анализ крови из вены, помигала в глаза световым карандашом, померила давление; надев мне на голову металлические обручи с проводами, сняла энцефалограмму.

Из динамика опять раздался голос доктора:

– Сколько еще, Элла?

– Закончила, Леонид Анатольевич. – Она впервые посмотрела мне в глаза и добавила: – Одевайтесь.

Я натянул комбез. Столик, на котором лежали медицин-

ские инструменты, включая пару скальпелей, стоял рядом, но незаметно стянуть что-то оттуда не было возможности: охранники у двери не спускали с меня глаз.

Надев мокасины, я обдумал другой вариант – схватить скальпель, приставить к шее Эллы и командовать конвоирам, чтобы бросили оружие... Нет, тоже не получится. По ним хорошо видно, что они успеют достать пистолеты и открыть огонь прежде, чем я проверну все это, а если не успеют, то мои угрозы перерезать девице горло не помешают им хладнокровно стрелять.

– Михаил, подопытного в столовую номер три, – приказал Губерт. – Там все готово. Пятнадцать минут на обед, потом в центральный зал. Элла, с результатами анализов немедленно ко мне.

Вскоре мы оказались в небольшой опрятной столовой. Здесь все было пластиковым – мебель, панели на стенах, тарелка, блюдце, даже ложка, вилка и нож, поджидающие меня на столике у двери.

– Стой! – Конвоир шагнул к столу и забрал оттуда маленький белый ножик. – Теперь садись. Ешь быстро.

За десять минут я разделался с тушеным мясом, салатом и стаканом апельсинового сока. Вытер губы салфеткой, встал и зевнул, потянувшись:

– Поспать бы сейчас.

Вместо ответа конвоир взял меня за плечо и подтолкнул к двери.

Потом были несколько коридоров, комнаты, тихо переговаривающиеся люди в разноцветных комбинезонах и непонятные приборы. Распахнув очередную дверь, охранник сказал мне:

– Шагай.

Я оказался в небольшом зале с керамической плиткой на стенах. В центре его была слегка приподнятая над полом железная площадка, опоясанная трубой метрового диаметра, то ли из дымчатого стекла, то ли из полупрозрачного пластика. Вокруг вились провода, по углам зала высились массивные емкости, полные бледно-желтой вязкой жидкости, внутри которой то и дело всплывали пузыри.

На краю площадки доктор Губерт, облаченный в ярко-оранжевый комбинезон, рассматривал рулон компьютерной распечатки, которую перед ним держала Элла.

– Как настроение, Разин? – спросил Губерт, не поднимая головы. – Ложись туда.

Посреди площадки на раскладных кронштейнах стояла пластиковая плита-лежак с фиксаторами для рук и ног. На ней черной краской была нарисована восьмерка – или знак бесконечности, это с какой стороны смотреть.

Я не двинулся с места.

– Вначале расскажите, что за эксперимент.

Тут Губерт впервые взглянул на меня.

– Зачем? – спросил он немного удивленно. – Тебе это ничего не даст, абсолютно ничего. А объяснения довольно

сложны и займут много времени. Ложись.

– Нет, сначала вы все расскажете.

С легкой досадой доктор кивнул охраннику, стоявшему позади меня:

– Миша, пожалуйста...

Я не успел обернуться – конвоир ткнул меня дубинкой между лопаток.

Что-то подобное я видел у коменданта авиабазы в Казахстане, только та дубинка громко трещала, а разряды выдавала послабее, когда комендант испытывал ее на местных дворнягах.

Меня тряхнуло, ноги подогнулись, и я повалился на пол. В голове будто молния полыхнула. Все потемнело – и когда я опять смог видеть, охранники волокли меня к лежаку из пластика.

Тихо клацнули фиксаторы на запястьях. Зрение прояснилось, и я понял, что два бледных овала – лица склонившихся надо мной доктора и Эллы. Раздались шаги, в поле зрения появился узколицый парень в белом комбезе, с папкой в руках. Тот самый, что приходил ко мне в камеру и снимал какие-то показатели. Губерт, выпрямившись, что-то сказал ему и опять склонился надо мной, упершись рукой в край лежака. Я повернул голову и увидел прямо перед глазами его пальцы и перстень с квадратным черным камешком, украшенным инкрустацией: что-то вроде толстой шестерни, а в ней – человек. Перевел взгляд обратно на лицо доктора.

Губы его зашевелились.

– Егор... – услышал я. – Разин, очнись, ну!

Я моргнул. Зажмурился, открыл глаза.

– Разин, слышишь?

– Слышу, – хрипло сказал я.

– Слушай внимательно, – продолжал Губерт. – Сейчас твое сознание будет ненадолго перемещено в иную среду. Мы используем твой разум как шпионский зонд, понимаешь? Среда может оказаться смертельной или просто враждебной. А может и дружественной. Ты ничего не должен делать, просто наблюдать. Собственно, ты ничего и не сможешь сделать. А мы будем наблюдать за тобой. – Он повел вверх рукой, и я разглядел тонированные окна под потолком зала. – Наблюдать и снимать показания приборов. Все это продлится около минуты. Если получится, если сознание выдержит поток чужеродных сигналов, расскажешь все, что смог понять и запомнить. Все, что увидишь там. А видеть ты будешь, скорее всего, очень странные вещи.

Он выпрямился, и я спросил:

– Минута? А что потом?

– Завтра повторим опыт с иными исходными условиями.

Наша задача – добиться корреляции между параметрами, которые мы вводим, и особенностями конечной среды. Грубо говоря, научиться управлять процессом...

– Завтра? – перебил я. – Ты сказал, после эксперимента меня отпустят.

Губерт вышел из поля зрения, его голос донесся слева:

– Конечно. Но ведь я не говорил, сколько будет длиться эксперимент. Он состоит из серии опытов, и это первый из них. Продолжительность всей серии определится в зависимости от того, как сознание будет справляться с воздействием различных конечных сред.

Что-то защелкало, раздался тихий звонок. Передо мной возник ассистент и сказал:

– Постарайся расслабиться. Медитировать никогда не пробовал? Сейчас...

– Заткнись! – выдохнул я. – Губерт! Эй!

– Да, Разин? – На этот раз его голос раздался сзади.

– А что меня ждет в этой конечной среде?

После паузы он откликнулся:

– Вечность.

– А серьезно?

– Я всегда серьезен, Разин. Кстати, это у нас кодовое слово, вроде внутреннего пароля для всех участников эксперимента. Запомни его на случай, если сознание потеряется в конечной среде.

– Что за бред? Губерт, сколько до меня... сколько людей ты раньше отправлял в эти конечные среды?

– Четверых, – откликнулся он после паузы. – Иногда материальное тело целиком проваливается туда вслед за сознанием, иногда нет.

Ассистент ушел. Щелканье стало громче.

– И ни один не выжил?

– Трое мертвы. Насчет четвертого мы не уверены. Хорошо, включайте контроллер виртуальных частиц.

Прозвучали и стихли шаги. Раздался стук. Я не видел, но спинным мозгом почувствовал: дверь в зал закрылась, теперь, кроме меня, здесь никого нет.

Согнув левое запястье и просунув кончики пальцев под рукав комбеза, я коснулся спрятанной там вилки, которую незаметно прихватил в столовой, и попытался вытащить ее. Пальцы заскользили по гладкому пластику.

Свет в зале начал гаснуть.

Вытащив вилку, я покрепче сжал ее, уперся концом в защелку браслета на запястье и попробовал сдвинуть. Свет пульсировал, по залу сновали тени.

Когда я стянул вилку в столовой, у меня не было никакого плана. Ведь нельзя же, в самом деле, надеяться с помощью этой ерунды разделаться с двумя вооруженными охранниками. Я просто хватался за соломинку, за любую возможность хоть как-то повлиять на ход событий.

Защелка не поддавалась. Жужжание сменил гул, тени метались по залу все быстрее, и вдруг я понял, что они возникают из-за пузырей, которые поднимаются в емкостях по углам помещения. Вязкая жидкость внутри тех двух, что я мог видеть с лежака, светилась, переливаясь блеклыми красками.

Я перестал давить на защелку и попытался поддеть ее. Из-

под потолка донесся голос доктора Губерта:

– Базовая онтология загружена?

Его ассистент что-то неразборчиво пробубнил в ответ, и доктор продолжал:

– Хорошо, надеюсь, в этот раз получится и он не повторит судьбу Баграта. Вы должны снять все показания, включая... Почему работают наружные динамики?

В окне под потолком зала я разглядел три силуэта. Один исчез, возник в соседнем окне, раздался треск динамика, щелчок – и голоса смолкли.

Губерт придвинулся ближе к стеклу. Отступил назад. За его спиной прошла Элла.

Тени метались в безумном хороводе. Опясывающая площадку труба начала разгораться призрачным сиянием, внутри нее по кругу неслись темные пятна.

Площадка затряслась.

Защелка браслета откинулась, и тут же вилка, треснув, сломалась. Я высвободил вторую руку, сел и занялся браслетами на ногах.

Гудение стало еще громче, пузыри в емкостях взлетали сплошным потоком, там клокотало и шипело, несущиеся по трубе темные пятна слились в узкие полосы. Я будто попал внутрь какой-то чертовой карусели. Выпрямился. Голова закружилась. Вцепившись в лежак, чтоб не упасть, увидел доктора Губерта, прикившего к тонированному стеклу.

Затрещал динамик, сквозь гудение донесся голос:

– Разин! Разин!

Сжав руку в кулак, я отсалютовал ему.

И зашагал к краю площадки.

– Разин, стой на месте! Мы уже не остановим загрузку новых параметров! Не двигайся, из-за тебя может произойти сбой метасистемы! Разин, стой! Тебя целиком засосет в конечную среду!!!

Идти было тяжело – все вокруг вращалось, площадка тряслась, надсадный гул заполнил помещение. Но все же я медленно шел к трубе.

– Разин, назад!!!

Силуэт за окном исчез. Я шагал дальше, а навстречу катились волны энергии, стремящиеся отбросить меня обратно. Глаза слезились, меня шатало, пришлось нагнуться вперед и сощуриться. На что я рассчитывал? Даже если удастся добраться до двери, даже если она не заперта – что дальше? Лабораторный комплекс большой, здесь полно людей, как я выберусь отсюда? Хотя можно разоружить охранника, взять кого-то в заложники...

Ничему этому не суждено было произойти. Подойдя к трубе, я остановился в изумлении. С этого места стал виден купол, накрывший площадку. Труба была его основанием, он как бы вырастал из нее – большой радужный пузырь, вернее, половина пузыря, тончайшая полусфера. Я разглядел сквозь нее силуэты – странные, чужеродные, они извивались, перемещаясь с места на место, сливались и распадались.

Я шагнул через трубу.

И тогда мир раскололся. Гул стал ревом, он захлестнул меня и опрокинул на спину. Широкая трещина расщепила пространство. В трещине этой что-то было – огромное тело, не то диск, не то остров... Я не мог понять, видел только, что оно парит высоко над землей, где-то под облаками.

Мир содрогнулся и пропал. Все пропало...

Глава 4

Я лежал на спине, закрыв глаза. Болел затылок, сверху тянуло сквозняком. Воздух прохладный, запахи непривычные. Влажно, душно. Под головой холодный металл.

Шелест. Что это шелестит? Знакомый звук...

Я открыл глаза.

Надо мной был потолок, расколотый широкой трещиной. Сквозь нее лился свет луны, он высвечивал толстые, неровные прутья арматуры, которые накрывали трещину. Между ними в зал свешивалось растение, смахивающее на лиану, покрытое крупными листьями. Оно тихо покачивалось на ветру.

Откуда в лаборатории взялась лиана?

Это была первая мысль.

И вторая: почему на потолке ржавчина?

Я медленно сел. Закружилась голова. Сглотнув, потрогал затылок – крови нет. Упираясь ладонями в пол, привстал и огляделся.

Площадка по-прежнему находилась в центре зала, но зал этот разительно переменялся. На месте двери, через которую меня ввели сюда, зиял пролом. Окна вверху были выбиты. Плитки на стенах потрескались, некоторые откололись. Сама площадка проржавела. Кое-как поднявшись, я оглянулся и шагнул к лежаку, с которого слез... когда? Казалось, всего

минуту назад, но почему же он так сильно изменился? Пластиковая обивка потемнела и лопнула, из-под нее вылезло что-то пористое, стойка покосилась.

Что происходит? Вернее – что произошло?

Подойдя к краю площадки, я увидел человеческий скелет, лежащий за трубой. Из дыры в лобной кости торчала короткая стрела со светлым оперением.

Я осторожно сел на трубу, перекинув через нее ноги. И услышал шорох.

В проломе на месте двери возник приземистый силуэт.

Должно быть, сейчас было полнолуние – в трещине я не видел луны, но свет ее, холодный и ясный, хорошо озарял зал. В этом свете возникло четвероногое существо. Один глаз светился красным, другой – мутно-желтым. Зрачки напоминали кошачьи, хотя тело больше походило на волчье, а уши были треугольными и с кисточками, как у рыси.

Поняв, что его заметили, этот странный гибрид глухо зафыркал, захрипел и пошел вокруг площадки, медленно приближаясь ко мне.

Ответом ему были далекое хоровое фырканье и утробный вой, донесшиеся сверху.

Я неподвижно сидел на трубе. Гибрид подходил все ближе.

Он прыгнул, когда нас разделяла пара метров. Я упал рядом со скелетом и выдернул стрелу из дырки в черепе.

Существо всеми лапами оттолкнулось от трубы и кину-

лось на меня. Привстав, я вцепился в его загривок, ткнул стрелой в морду.

Наконечник вошел между клыками, вонзился в гортань. Гибрид взвыл, толкнул меня, опрокинув на спину, но я вывернулся, подмял его, уселся сверху. Он бил лапами, царапая мне бока. Я вдавил стрелу. Что-то хрустнуло, она дрогнула в руке и рывком вошла глубже. Я нажал сильнее, навалился всем телом – и пробил гортань. Гибрид дернулся, оставив на моем боку глубокие царапины.

И умер.

Я моргнул, охваченный внезапным ощущением дежавю, повторения недавних событий – только тогда это был черный пес, в которого я воткнул нож, а теперь какое-то непонятное существо с разноцветными глазами, получившее удар стрелой. Я встал на колени, прижал ладони к вискам, зажмурился и сдавил голову. Быстро заколотилось сердце, волны дрожи побежали по спине.

Передернув плечами, я поднялся. Гибрид лежал неподвижно. Бледное гладкое брюхо без шерсти, длинная морда – не волчья, слишком узкие челюсти, но и не лисья, слишком уж она крупная для лисы. Рысьи уши и кошачьи глаза. Разноцветные. Может, это койот? Их-то я никогда не видел, разве что по телевизору... Да нет, они вроде совсем не такие. Даже мертвой тварь выглядела опасно и зловеще.

Я вытащил окровавленную стрелу из пасти, вытер о шерсть на шее гибрида и присел, заметив сыпь у него на бо-

ку. Она сплошной коркой покрыла ребра, тянулась по шее, по лбу и заканчивалась над правым глазом.

Кончиком стрелы – то есть куском заточенной арматуры, проволокой прикрученным к древку с пучком драных перьев на другом конце – я провел по ребрам существа. Покрывающая их корка была твердой, как дерево. На спине глубокие складки – вскоре выяснилось, что под шкурой там нечто вроде сегментированного панциря. Непривычное строение скелета у этой твари...

Я отошел от гибрида, залез на трубу и огляделся.

В зале царило запустение, казалось, что уже много лет ни одна живая душа не была здесь. Повсюду пыль и листья, ржавая площадка усеяна упавшими сверху сухими веточками. Железные шкафы у стен тоже ржавые, ни осциллографы, ни компьютеры не работают.

Сверху опять донесся приглушенный вой. Необычный звук – волки так никогда не воют, какой-то он слишком уж глухой, мертвенный, будто из могилы.

Я заглянул в пролом, куда свет луны почти не проникал. Подождав, когда глаза привыкнут к темноте, медленно зашагал вперед, выставив перед собой стрелу, но прошел недалеко – потолок впереди был обрушен, путь преградила гора камней. Разбирать завал не было смысла: черт знает, какой он ширины, может, засыпало весь коридор.

Пришлось возвращаться. Я дважды обошел зал и встал посреди площадки, задрал голову. Свет луны лился сквозь

арматуру, накрывавшую трещину в потолке. Вверху шеле-стела листва, иногда я слышал скрип и треск ветвей. Лиана чуть покачивалась на ветерке.

Решетка, возможно, ржавая, и мне удастся сломать один прут. В любом случае, другого пути из зала нет. Выкинув два осциллографа из шкафа, я затащил его на площадку, взгромоздил сверху железную тумбочку и залез на нее. Конец лианы висел на высоте моей головы. Я подергал – вроде крепкая. Ствол сухой и твердый, но листья не увядшие, растение живое. И никакая это не лиана, больше смахивает на виноградную лозу, только очень уж разросшуюся.

Я подпрыгнул, вцепился в нее и полез.

То, что я принял за арматуру, оказалось такими же лозами, стелившимися поверх трещины. Раздвинув их, я очутился на дне кривого оврага с крутыми склонами. Шелестела листва, в небе сияла полная луна, звезды в ее свете поблекли и стали почти не видны. Разглядев округлые плоды между листьями, усеивающими лозу, я сорвал один – это была виноградина размером чуть больше сливы. Твердая, как яблоко, и очень кислая.

Отплевавшись, я вылез из оврага. Среди деревьев впереди виднелась глухая стена одноэтажного здания, и я пошел к ней, ступая осторожно и тихо.

Стена оказалась кирпичной. Я зашагал вдоль нее, ведя рукой по кладке. Пальцы то и дело попадали на выбоины, какие остаются от выстрелов.

Хотелось пить и еще больше есть. Достигнув угла здания, я повернул. В другой стене было окно с разохшейся деревянной рамой без стекла. Большую комнату за ним озарял свет, льющийся сквозь дыры в плоской крыше. Кажется, это барак, вон двухъярусные кровати под стеной. Казарма, что ли? Может, лаборатория доктора Губерта занимала нижний уровень какой-то военной базы?

Где я нахожусь? Что со мной произошло?

Где Губерт, Элла, молодой ассистент, конвоиры? Где, в конце концов, весь персонал лаборатории?

Откуда взялось странное существо, гибрид волка, лисицы, рыси и койота?

Что за стрела у меня в руках?

Этот эксперимент... Может, меня забросило в параллельный мир? Я читал о чем-то таком в фантастических книжках – даже наемники иногда читают. Но почему тогда зал остался прежним, просто... постарел?

Постарел! Что, если...

В темноте между деревьями зажглись два мутно-желтых огонька. А потом еще пара, еще и еще – некоторые красные, другие желтые. Раздалось фыркание, сменившееся утробным воем. Зашелестела палая листва.

Я поставил ногу на нижнюю часть рамы, встал в окне и ухватился за жестяной козырек. Он тут же сорвался, но я успел просунуть пальцы в трещину, рассекавшую кирпичную кладку.

Оглянулся. Звери с придушенным хрипом и фырканием бежали ко мне.

Выбоины, дыры и трещины в стене помогли мне быстро забраться наверх. Когда я закинул ноги на крышу, внизу мелькнуло приземистое тело – гибрид вроде того, из зала, прыгнул в окно. Остальные, подвывая и фыркая, засновали у стены. Несколько заскочили внутрь, из барака донеслись шорохи, стук и тявканье.

В центре крыши что-то лежало, я шагнул ближе и остановился, поняв, что нахожусь здесь не один. На крыше спал человек.

Он лежал, вытянувшись на спине и подложив под голову руку. Я тихо позвал:

– Эй!

Человек не двигался. Хотя поза была такая, будто он спит, а не умер. Крыша на середине была совсем ветхая, так что я опустился на корточки и осторожно поковылял к нему, выставив перед собой стрелу.

Гибриды бегали по бараку и вокруг, фыркали, хрипели. На ходу я повторил:

– Эй, ты! Проснись!

Надвинутая на глаза драная фетровая шляпа почти полностью скрывала лицо. На незнакомце была куртка с большим сальным пятном на груди, короткие, до колен, штаны из светлой кожи и грязные сапоги. Под расстегнутой курткой виднелся широкий ремень с кармашками.

Я обогнул большую дыру, в последний раз повторив: «Проснись!» – и несильно ткнул его стрелой в плечо.

Человек дернулся, и шляпа слетела с его лица.

Я многое повидал в жизни – и все же отпрянул, едва не свалившись в дыру. Это было по-настоящему жутко. Лицо, озаренное холодным светом луны, покрывала крупнозернистая, твердая на вид корка, глаза были неестественно темными. Содрогнувшись, будто испугавшись меня, человек приподнялся, вытянул руку, согнул ее в локте, повел в сторону, словно показывая мне на что-то, и судорожно махнул другой рукой. Он двигался рывками, как сломавшийся автомат.

Я попятился. Что, если он сейчас сядет, повернет ко мне лицо и попытается заговорить?

Человек глухо фыркнул, захрипел, и мурашки побежали у меня по спине. Его губы раздвинулись, натянулась сухая корка в углах рта, наружу высунулся распухший черный язык.

Незнакомец завыл.

В звуке этом не было ничего – ни боли, ни страдания, там не было даже равнодушия, просто вой, будто он передавал какой-то сигнал. Снизу откликнулась стая.

Голова его стала мотаться из стороны в сторону – все быстрее, быстрее. Руки заколотили по крыше. Вой стих. Человек дернулся еще несколько раз и замер.

Да что же это такое? Я видел тяжело раненных, умирающих, контуженых, бредящих, видел предсмертные судороги и кататонию, но это было что-то совсем другое. Незнакомец

будто одержим бесом, который вселился в мертвое тело и пытается поднять его на ноги.

Переведя дух, я уже собрался отойти от неподвижного тела, когда мой взгляд упал на край рукояти под курткой. Какое-то оружие в кобуре на ремне... да и сам ремень интересно было бы осмотреть, там несколько кармашков, где может быть что-то любопытное.

Стук когтей о пол барака, шелест листьев, хруст веток и глухое фырканье доносились снизу – гибриды сновали вокруг дома, карауля меня. Некоторое время я раздумывал, потом осторожно протянул руку и коснулся широкой пряжки. Я ожидал, что человек вновь задергается, но он оставался неподвижен. Расстегнув пряжку, я потянул ремень на себя, постепенно вытаскивая его из-под куртки. Пришлось повозиться, тем более что я старался как можно меньше касаться одежды мертвеца, но в конце концов ремень оказался у меня, и я на четвереньках отполз подальше от тела.

Луна опустилась ниже и стала бледнее, у горизонта за кронами деревьев возникла едва различимая светлая полоска.

Когда я сел неподалеку от края крыши, вполоборота к незнакомцу, и расстегнул клапан кобуры, рычание и тьяканье смолкли.

В наступившей тишине стал слышен щебет птицы в ветках. Я вскочил, шагнув к краю, посмотрел вниз.

Гибриды под стеной повернули головы в одну сторону. Защелкали ветки, громко хрустнул сломавшийся ствол – что-то

большое перло сюда через заросли. Самый крупный гибрид бросился прочь, и следом, хрипя и сипя, рванули остальные.

Из-за деревьев выбежала здоровенная тварь, отдаленно напоминая быка, но слишком уж приземистая, коротконогая и с длинным толстым хвостом. Спину ее покрывала знакомая корка, а больше я ничего разобрать не смог. Двигалась она стремительно. Громко бухая короткими кривыми ногами о землю, пронеслась мимо барака и канула в темноту между деревьями вслед за стаей.

Еще некоторое время звучал треск веток, потом далекое фыркание, придушенный вой – и все смолкло. Я долго сидел на краю крыши, не шевелясь, сжимая в руках пистолет, который достал из кобуры на ремне. Ни одна зверь у барака больше не появился. Луна гасла, небо над кронами светлело. А мне все больше хотелось спать. Начался отходняк, организм реагировал на произошедшее ознобом и слабостью, глаза слипались, но, прежде чем заснуть, я все же решил осмотреть пистолет.

За свою жизнь я держал в руках много всякого оружия, но такого еще не видел. Наверное, эту штуку следовало назвать пороховым самострелом: короткий ствол, треснувший на конце, грубая деревянная рукоять, спусковой крючок из скрученной спиралью толстой проволоки, колесцовый замок – колесико и пружина с ключиком.

Он был заряжен картонным патроном с дробью. Сунув самострел обратно в кобуру, я стал проверять кармашки на

ремне. В одном оказался никелевый компас, в других – самодельная зажигалка без кремня, табакерка, бумага для самокруток, катушка ниток, завернутая в клочок ткани цыганская игла, карабин-защелка, обрывок железной цепочки, пара крупных деревянных пуговиц. В кожаных петлях сидели семь снаряженных патронов, верхняя часть их была плотно закрыта войлоком.

Я расковырял картонную гильзу, которую достал из ствола – внутри оказались гнутые ржавые винтики, шляпки гвоздей и кусочки железа.

В самом большом кармане обнаружилась плоская фляжка.

Я отвинтил крышку, осторожно понюхал, потом сделал глоток. Какая-то настойка, хотя и не очень крепкая – градусов тридцать, наверно. Ягодная, но вкус незнакомый.

В голове мутилось от усталости. Сделав еще несколько глотков, я закрыл флягу, оглянулся на незнакомца – он лежал неподвижно, – лег на бок и сунул свернутый пояс под голову. Зарядив самострел новым патроном, положил оружие рядом. Хмель ударил в голову, вокруг все плыло и качалось.

Почему зал лаборатории весь проржавел, а пластик лежака рассохся? Что это значит – прошли десятки лет? Сотни? Но откуда тогда этот допотопный самострел, да и мертвец одет как охотник века этак из девятнадцатого... Хотя бензиновых зажигалок тогда не было... Нет логики во всем этом, я не могу понять, что происходит, куда меня занесло... А что,

если... Додумать я не сумел.

Глава 5

Когда я проснулся, солнце стояло в зените, а человек, лежавший посреди крыши, исчез.

Я не сразу осознал, где нахожусь, что это за твердое и серое подо мной, почему вокруг шелестит листва, а вверху светит солнце. Сел, протирая глаза, огляделся. Вспомнил, что произошло вчера. В первый миг не поверил себе, осмотрелся еще раз. Убедился, что мертвеца на крыше нет, и вскочил.

Куда он делся?! Может, опять начал дергаться да свалился ненароком в дыру?

Но на полу барака мертвеца не оказалось, и вообще, как выяснилось при дневном свете, там не было ничего, кроме остатков двухъярусных кроватей да какого-то неопределенного мусора по углам.

Я представил, как ночью мертвяк ковыляет ко мне, спящему, склоняется надо мной и заглядывает в лицо своими темными глазами, и содрогнулся.

Хлебнув из фляги, сквозь дыру спрыгнул в барак. Осмотр его ничего не дал – там не сохранилось ни одной вещи, способной хоть что-то сказать о мире и времени, куда я попал.

Покрепче затянув пряжку ремня и проверив, в порядке ли самострел, я выбрался из здания и быстро пошел между деревьями. Впереди показался двухэтажный кирпичный дом с выбитыми окнами, перед ним была растрескавшаяся бетон-

ная площадка, где росли кусты и трава. Темные окна без стекол, осколки шифера на крыше, большая табличка над дверным проемом без створок. Я заспешил вперед, надеясь прочесть надпись и хоть что-то понять, но, увидев, что буквы начисто стерлись, замедлил шаг.

А потом и вовсе остановился, когда понял, что левая половина здания заросла уже знакомой серой коркой.

– Твою мать... – пробормотал я растерянно.

Такая же корка, как на гибридах и на лице мертвяка с крыши. Она частично покрывала площадку, взбиралась по стене до самой крыши. Корка была и на оконных рамах. Я подзревал, что внутри тоже все затянуто ею.

Она казалась немного темнее и более влажной, чем та, что я видел раньше. Словно жирная плесень, облепившая бетон и кирпич, дерево оконных рам и разбитый шифер крыши.

И траву справа от здания.

Если задуматься – не видел ли я темные лоснящиеся пятна на стволах и земле по дороге от барака? И в бараке на полу, где они почти сливались с бетоном? Просто там плесени было меньше, а здесь начиналась область, почти целиком захваченная ею.

Вдруг возникло ощущение, что я сплю... нет, не сплю, я все еще в эксперименте! Ничего не закончилось, откуда-то с неба за мной наблюдают, и я должен запоминать все странные вещи, происходящие вокруг, чтобы потом описать это доктору Губерту и его ассистентам.

Я мотнул головой. И понял, что возле дома под деревом сидит человек.

Подходить вплотную я не рискнул, остановился метрах в десяти. Незнакомец напоминал того, с крыши, но был в ботинках, а не в сапогах, да и куртка немного другая. Он сидел, привалившись спиной к дереву. Ствол над ним, плечи и голову незнакомца покрывала все та же плесень, лежащая толстым влажным пластом, который изгибался, переходя с дерева на человеческое тело – из-за этого казалось, что они составляют одно целое, вот почему я не сразу его заметил.

Дальше на затянутой плесенью поляне лежал еще один человек. Потом из зарослей появился третий – он прошел между заплесневелыми деревьями, дергаясь из стороны в сторону, то откидываясь назад, то накрываясь вперед, едва не падая, но все же каким-то образом сохраняя равновесие, размахивая скрюченными руками и качая головой.

Глаза его были темно-карими, почти черными. Даже отсюда я разглядел, что голова, лицо и шея сплошь затянуты плесенью.

Наверное, звери с разноцветными глазами прячутся где-то в глубине этой омертвелой области. Что, если изменение сыпи сопровождается обострение неведомой болезни и в конечном счете усиление паралича? Может, люди для меня не опасны?

Проверять я, конечно, не стал и пошел в другом направлении.

На то, чтобы миновать густые заросли вокруг здания, смахивающего на солдатскую столовую, и еще два барака потребовалось много времени – двигаться пришлось по сложной траектории, обходя захваченные плесенью участки.

Что бы там ни было, я окончательно убедился: это именно военная база, и она много лет как брошена. Судя по растрескавшемуся бетону, проросшим сквозь трещины в асфальте кустам и другим приметам – очень много лет. Скорее уж десятилетий...

По краю базы протянулась ограда из покосившихся бетонных плит. Некоторые попадали, и сквозь широкую прореху я выглянул наружу.

База занимала вершину пологого холма, взгляду открылись поросший травой склон и земляная дорога внизу. За ней поле, бурьян с кривыми деревцами, роща, а еще дальше – железнодорожный мост через сухое русло, заросшее кустарником.

Было жарко, по высокому синему небу ползло одинокое облако.

Я оглядел бетонные панели по сторонам от прорехи. Одну покрывали пятна плесени, другая вроде чистая. Я забрался на нее, сунув самострел в кобуру. Балансируя, кое-как выпрямился во весь рост.

Нигде снаружи плесени не было видно, она покрывала лишь вершину холма, во всяком случае, с этой стороны. Такое впечатление, что и другие склоны чистые, то есть зара-

женная область вполне четко очерчена.

В мире, раскинувшемся вокруг, было нечто одновременно и знакомое, и чуждое мне. Казалось, я попал куда-то в российскую глубинку, но все же присутствовало в окружающем что-то непривычное. А еще от этого с виду безмятежного пейзажа веяло опасностью.

Может, эксперимент и правда не закончился? Может, вилка, которой я откинул защелку, радужный купол, накрывший площадку, и расколовшая мир трещина привиделись мне? То есть это были галлюцинации, вызванные переходом в... конечную среду?

Или вокруг – виртуальная реальность, а я лежу на пластиковой плите, подключенный к компьютеру, который засылает прямо в мозг картины того, что кажется мне реальностью?

В училище мы много тренировались на боевых симуляторах, надев шлемы и сенсорные костюмы. Может эксперимент доктора Губерта быть связанным с виртуальной реальностью? Или все же вокруг нечто другое?

И как, черт побери, определить, что вокруг? Если имитация идеальная – как найти в ней червоточину? Дверцу, ход наружу?

Что там Губерт говорил про кодовое слово, пароль?.. Я ущипнул себя за щеку, подергал за нос, поморгал и произнес: – Вечность. Вечность!

Хотя это было глупо, но я почти ожидал, что окружающее растает, сменившись словами, сложенными из огром-

ных букв:

**НАСТРОЙКИ
УПРАВЛЕНИЕ
СОЗДАТЕЛИ
ВЫХОД**

Конечно, ничего такого не произошло. Может, Губерт имел в виду, что пароль нужно произнести в подходящий момент? Или в определенном месте? Или речь шла вообще о другом? Он вроде упомянул, что это просто кодовое слово для всех участников эксперимента...

Что мне надо сделать? Главное: определить, где я нахожусь, и найти путь из этого места.

Подул теплый ветер, я пригнулся, ухватившись за торчащую вверх арматуру, и тогда снизу донесся шум мотора.

Он усиливался. Я сел на ограде спиной к базе, свесив ноги. Из-за рощи на дороге под склоном холма выкатила необычная машина.

Она напоминала помесь грузовика-дальнобойщика и древнего паровоза. Из трубы над кабиной валил темный дым. Кузов покрывали клепаные листы железа, между ними были просветы для узких окошек, закрытых ставенками. Наверху – круглый люк.

Я соскочил с ограды и побежал по склону, размахивая руками.

Мотор загудел громче, машина поехала быстрее. Из-за поворота вылетели два черных мотоцикла.

Перемахнув неглубокую канаву, я выскочил на дорогу.

Раздался выстрел, над одним мотоциклом взлетело облачко дыма, и фургон качнулся. Пуля, кажется, попала в колесо – он накренился, сворачивая к обочине, водитель попытался вывернуть в другую сторону, машина снова качнулась.

Я отскочил назад. Железные ставенки на двух окошках откинулись, наружу высунулись стволы, один повернулся ко мне, другой – в сторону догоняющих мотоциклов. Щелкнули выстрелы, и рядом со мной свистнула пуля.

Фургон несся по самому краю дороги. Стрелявшему в мотоциклы повезло больше – он попал в водителя. Откинувшись назад, тот толкнул человека за спиной, и оба свалились на землю. Мотоцикл, проехав еще немного, упал.

Боковые колеса фургона сорвались в придорожную канаву, машина накренилась, взвыл мотор, и с тяжелым лязгом она перевернулась на бок.

Второй мотоцикл несся прямо на меня. На нем сидели двое бородачей с ружьями, одетые в длинные черные рубахи и брюки-галифе. Второй поднял оружие над плечом водителя и выстрелил. Я присел, пуля пролетела над головой. Когда мотоцикл пронесся мимо, я вскинул самострел и вдавил спусковой крючок.

Ствол у самострела был слишком короткий для такого патрона, порох не успевал сгореть полностью. Оружие грохнуло так, что заложило уши. Отдача бросила меня на землю, из ствола плеснулся язык огня, и дробь изрешетила бок обер-

нувшегося стрелка.

Часть ее досталась водителю. Руль свернуло набок, мотоцикл занесло, и на полном ходу он врезался в днище грузовика.

Наступившая после этого тишина показалась оглушающей. Кулаками я протер глаза от пыли, поднял самострел и медленно зашагал к машине, перезаряжая его.

Один мотоцикл валялся посреди дороги, другой дымил возле фургона. Искрила свеча, выпавшая из гнезда, переднее колесо отлетело, рулевая вилка погнулась, кожаное сиденье валялось в стороне. Бачок от столкновения мог треснуть, как бы горючка не взорвалась... Я остановился. Двое в черном неподвижно лежали рядом с мотоциклом. Наверняка оба мертвы, не выживают после такого выстрела и такого удара.

А что с людьми в фургоне? Там как минимум трое – водитель и те, что палили из кузова. Я обошел машину. Раздался скрежет, потом удар, на землю свалилась сорванная с петель крышка люка. Из машины на четвереньках выполз человек. Выпрямился...

Темные волосы, смуглое лицо с восточными чертами, ссадина на лбу. Худая, среднего роста. Совсем девчонка – лет пятнадцать, наверное. А может, и больше, иногда трудно разобрать.

На девушке были кожаные штаны, жилетка, короткий брезентовый плащ с капюшоном и сапоги.

Она с натугой подняла длинноствольное ружье и попыталась выстрелить в меня. Ружье клацнуло – то ли разряжено, то ли патрон перекосило.

– Эй, эй, стоп! – сказал я, вскинув самострел. – погоди! Я не...

– Не подходи! – крикнула девушка, пятась. – Ты... симбиот... Не подходи!

– Но я...

– Ты был в некрозе! Не подходи, я сказала! Ты заразишь меня!

Вскочив, она бросилась за фургон, и я побежал следом, чтобы девчонка не успела схватить оружие мотоциклистов.

Из-за машины донесся вскрик.

Выяснилось, что один из бородачей жив. Незаметно пробравшись за кабину, он сбил девушку с ног, вывернул ей руку за спину и схватил за волосы. Когда я оказался там, она стояла на коленях, выгнувшись, запрокинув голову. Хрипя и дергаясь, пыталась вырваться.

Я медленно пошел к ним. Стрелять нельзя, дробь накроет обоих. Длинная, почти до колен, черная рубаха бородача, похожая на обрезанную рясу, порвалась на груди и плече, из садины на лбу текла кровь, во рту не хватало зуба. На шее висела железная цепь с амулетом. Вроде распятие, но крест напоминает скорее букву «Х», да и распятая фигура не похожа на человеческую.

Слегка присев, бородач сильнее отогнул назад голову

пленницы и стал поворачиваться так, чтобы девушка оставалась между нами. Она застонала от боли.

– Именем Ордена, наемник! – произнес он хрипло. – Уходи! Ты что, не понимаешь, с кем связался?!

В его голосе были гнев и возмущение. Я приближался, не опуская оружия. Что этот мужик способен сделать? Ствола у него не видно, значит, я смогу подойти вплотную... Бородач тоже понял это – и толкнул девушку на меня.

Я отскочил, она растянулась на траве. Прыгнувший вперед бородач ударил меня по руке короткой дубинкой, которую прятал в рукаве. Самострел громыхнул, но ствол качнулся в сторону, и дробь попала в лежащий на боку фургон.

Стволом самострела я ударил бородача в живот, бросил оружие, широко развел руки и врезал противнику ладонями по ушам.

Говорят, при достаточной силе такой удар разрывает барабанные перепонки, хотя мне подобное никогда не удавалось. В любом случае даром это не проходит. Бородач застонал, разинув рот, из глаз брызнули слезы. Я рубанул его ребром ладони сбоку по шее и тут же костяшками пальцев – в кадык. Раздалось чавканье, будто камень упал в густую грязь, и тихий хруст. Из широких волосатых ноздрей плеснулась кровь, струйка потекла изо рта в темную бороду. Здоровяк упал навзничь.

Я отступил, тяжело дыша. Повернулся, услышав щелчок. Девушка лежала на боку, целилась в меня из моего же са-

мострела и раз за разом вдавливала спусковой крючок.

– Эй, подруга... – начал я, шагнув к ней. – Я ж тебя спас, а ты...

– Не подходи! Не подходи! – Она все еще пыталась выстрелить.

Я схватил самострел за ствол. Девушка ахнула, отдернув руки, на спине поползла от меня. Медленно шагая следом, я перезарядил оружие.

– Не подходи! – повторяла она почти в истерике. Большие светлые глаза наполнял ужас. – Ты... Некроз...

– Да что за некроз такой?! – не выдержал я. – О чем ты? Я ничем не болен, что ты несешь!

– Ты спустился оттуда, я видела в бойницу! – Она ткнула пальцем вбок, и я повернул голову.

Фургон лежал вдоль дороги, над бортом виднелся пологий холм. Внезапно я понял, что он отличается цветом от всего окружающего ландшафта – словно пятно темной жирной грязи посреди серого, в желтых и зеленых разводах, покрывала.

Когда я перевел взгляд обратно на девушку, она, привстав, взмахнула длинной кривой палкой, которую нашла в траве, и врезала ею мне по плечу.

Я покачулся. Палка треснула и сломалась.

– Ну ты вообще охренела! – Я сунул самострел за ремень, сграбастал ее и поднял на руки. Она задергалась, голова откинулась назад, смертельный ужас исказил лицо – девчонка

и вправду боялась меня, очень боялась. На лице к тому же было омерзение, словно я какая-то опасная ядовитая мокрица.

– Слушай, подруга! – рявкнул я. – Я не болен ничем! Все нормально, успокойся! Ну! Или прекращай дергаться, или я тебя свяжу!

Она замерла, уставившись мне в глаза. Наверное, только сейчас увидела, что они обычные.

– Отпусти меня!

– Ладно, ладно! Но ты веди себя нормально, иначе сделаю, как сказал.

Я поставил девчонку на землю, попятился, чтобы не поворачиваться к ней спиной, к бородатому, присел над ним, пощупал шею. Мертв. Я не собирался убивать его, просто в тот момент все очень быстро произошло и сработали рефлексы. Ситуация из тех, про которые я говорил генералу на допросе: если не ты, так тебя... А этот мужик явно хотел разделаться с нами обоими. Со мной так уж точно. Как он меня назвал... наемник? Наемник! Это что – судьба такая? Почему бородач не сказал «прохожий», «путник» или хотя бы просто «бродяга»? Почему именно «наемник»?

– Ты долго был в пятне? – спросила девушка, и я поднял голову.

Она поправляла одежду, настороженно разглядывая меня.

– В каком еще пятне?

– Да в том, что этот холм накрыло! Оно старое?

Я пожал плечами:

– Не знаю. Я... не местный.

– Твое имя?

Я хотел ответить «Егор», но что-то будто подтолкнуло изнутри, и с языка сорвалось:

– Разин.

– Разин... – повторила она. – А я – Юна. Юна Гало.

– Это что еще за имечко? – удивился я.

Девчонка гордо вскинула голову:

– Думай, что говоришь! Я из Меха-Корпа!

– Да мне-то что? – Я зашагал в обход фургона, чтобы осмотреть тела других преследователей. Наверняка все трое мертвы – этот, последний, сидел на мотоцикле позади водителя, которого подстрелили из бойницы фургона, и его просто сбросило на дорогу, а вот остальным точно конец.

Так и оказалось. Я быстро вернулся обратно и увидел, что Юна Гало, забравшись на кабину, пытается открыть дверцу.

– Ты наемник? – спросила она.

– С чего ты взяла?

Она повела подбородком в сторону бородача.

– По повадкам видно. Хотя не обычный, кого попало такому не обучают... Если бы в Механической Корпорации состоял, я бы тебя знала. Значит, или бывший солдат из Замка Омега, или тебя долго натаскивали в какой-то бригаде охотников за головами.

Я полез на кабину, не обращая внимания на то, что де-

вушка отстранилась – она все еще старалась не касаться меня, – присел над дверцей, широко расставив ноги, вцепился в ручку, поднатужился и распахнул ее.

Что ответить? До сих пор непонятно, что вокруг – то есть какое это *время* и какое *место*, – но моя история будет выглядеть фантастической в любом месте и времени. Можно соврать, что у меня амнезия после ранения, память отшибло... Но это сразу даст девчонке преимущество надо мной. Потому стоит пока прикидываться, что я все понимаю. До поры это будет удаваться, ну а дальше, когда она меня раскусит, стану действовать по обстоятельствам. Главное – тянуть время подольше, сбивая ее с толку.

Я ответил:

– Не имеет значения, откуда я. Кто за вами гнался?

– Как – кто? – удивилась она. – Сам не видишь? Монахи.

Усевшись на краю дверного проема, я свесил в кабину ноги, нагнулся и заглянул внутрь.

– Ясно, что монахи. Я имею в виду: почему они гнались?

Что им от вас надо?

Водитель был мертв – когда фургон перевернулся, ему разможило голову о боковую стойку. Интересно, почему лобовое стекло не разбилось от удара? Я потрогал его, и оно прогнулось под пальцами. Оказалось, что там не стекло, а какая-то пленка, покрытая составом вроде лака.

Заметив кобуру с ремешком, висящую на крюке под рулевым колесом, я спрыгнул в кабину, взял оружие и полез

обратно.

– За этими монахами едут другие, – сказала Юна Гало. – Скоро здесь будут. Надо уходить.

– Так почему они гонятся за тобой? – повторил я, выходя на кабину.

– Не твое дело, наемник. Слушай, что это за странная одежда на тебе? Это же пластмасса? Где ты такой комбинезон нашел, в развалинах?

Спрыгнув на землю, я пошел вдоль фургона. В кобуре оказался револьвер, чем-то напоминавший «кольт» времен Дикого Запада. Я переломил ствол, тронул капсули, торчавшие из барабана. На патронах не было маркировки, обычной штамповки завода-изготовителя, – они явно кустарного производства.

Защелкнув ствол, я вытянул руку, прицелился... А неплохая штука. Вес что надо, рукоять удобно лежит в руке...

– Кто в кузове? – спросил я, опустив револьвер. – Вас там минимум двое было.

– Михай, мой слуга, но он тоже мертв. – Она произнесла это равнодушно, будто Михаю на роду было написано отдать жизнь за свою хозяйку. – Монах попал в него сквозь бойницу. Наемник, ты меня слышал? Надо побыстрее уходить отсюда.

Я застегнул пояс, сунул в кобуру револьвер.

Мне надоел ее командирский тон – не знаю, кем была Юна Гало, но она явно привыкла помыкать людьми, а еще при-

выкла, чтобы ее слушались беспрекословно. И мне это не нравилось. Я полез в люк, бросив через плечо:

– Ну так уходи. И не приказывай мне что делать, ясно?

К полу, ставшему теперь стеной, были прикручены две железные лавки, лежанка и шкаф. Остальное ссыпалось вниз – посуда, пара сундуков... и тело седого мужчины с дырой в голове.

Я поднял ружье Михая. Оглядевшись, раскрыл один сундук – там лежала одежда, за ним второй, где оказалась всякая снедь: хлеб, нанизанные на веревочку куски вяленого мяса, банка с какой-то приправой, две большие тыквенные фляги, что-то еще... Банка была разбита, и в кузове запахло так, что я чихнул.

Стало темнее – в люке появилась голова девушки.

– Наемник! – позвала она.

Я повесил за спину ружье, прицепил к поясу подсумок с патронами и стал переключать еду из сундука в котомку, которую нашел в нем же.

– Что?

– Я благодарю тебя, – произнесла Юна Гало сухо. – Я должна была сразу поблагодарить тебя, но слишком растерялась. Ты спас мне жизнь. Теперь нам надо уходить отсюда. Если останешься, монахи будут пытаться тебя, чтобы узнать, куда пошла я, а потом убьют.

Пожав плечами, я выпрямился, закинул котомку за спину и полез наружу. Юна шагнула в сторону.

– Сколько их еще сюда едет?

– Я точно знаю про самоход вроде этого и два «тевтонца».

Возможно, их больше.

Значит, самоходами здесь называют такие фургоны... А «тевтонцы»? Уточнять я, конечно, не стал. Сжимая в руках ружье монаха, девушка смотрела на дорогу. Не оборачиваясь, сказала:

– Я богата, наемник. Хорошо заплачу тебе. Не знаю, могу ли тебе доверять, но... Я нанимаю тебя. Пять золотых. Два вперед, три – когда дойдем до места. Ты будешь сопровождать меня и охранять. А теперь идем, монахи вот-вот будут здесь! Пока ты был внутри, я осмотрела мотоциклетки. Они сломаны, придется идти пешком. – Она показала в сторону моста над пересохшим руслом.

– С чего ты взяла, что я соглашусь охранять тебя? – спросил я.

– Но ты же наемник! А я – дочь Тимерлана Гало!

– А мне что с того?

– Ты... но ты... – Юна задохнулась от гнева. Тряхнув головой, хотела что-то сказать, но передумала. Достала из кармана серебристую заколку и стала укладывать свои темные волосы.

Покопавшись в котомке, я сорвал с веревочки кусок вяленого мяса, понюхал, откусил и стал жевать. Сильно перченое, но вкусное... Впрочем, сейчас мне показалось бы вкусным все что угодно. Покончив с первым куском, я принялся

за второй; достал флягу, открыл и понюхал – обычная вода. Сделал несколько глотков.

Юна Гало вытащила из-за пояса серый берет и надела поверх собранных в узел волос.

– Пять золотых – это серьезные деньги, – сказала она холодно.

– А монахи – серьезные ребята. Ты это и без меня знаешь.

– Сколько ты хочешь? Или вообще не согласен? Думаешь просто ограбить фургон?.. Ограбить меня?

– Нет, – ответил я с набитым ртом. – Тебя я грабить не собираюсь. Но...

– Молчи! – Она вскинула руку, и я прислушался. Издалека доносился гул двигателей, пока что едва различимый.

– Надо уходить отсюда, наемник! Ты сможешь мне или нет? Сколько ты хочешь?

Я прикинул варианты. За спиной висели ружье Михая и котомка с едой, на поясе – самострел и револьвер, у меня была вода и патроны, в фургоне нашелся нож. Положение явно получше, чем полчаса назад, когда я бродил по какому-то странному холму с неказистым самострелом в руках. И все же я понятия не имел, где нахожусь и что вокруг. А с этой девчонкой... По крайней мере, я буду постепенно вытягивать из нее новые сведения про окружающее, осваиваться. Пока что надо держаться ее, а потом решу, что делать.

– Семь золотых, – сказала Юна Гало, с тревогой глядя поверх моего плеча на поворот дороги. – Семь, Разин! За эти

деньги можно купить ферму!

– Ну хорошо, – решил наконец я. – Три вперед.

Она схватила меня за плечо и потянула прочь от фургона, в сторону моста. На ходу вытащила из-под куртки кошель, достала три большие круглые монеты и сунула мне в руку.

– Быстрее, наемник! Надо уйти за мост, пока они не появились. Дальше Кевок и Серая Гарь, они не будут знать, куда мы свернули...

– Но куда мы идем? – перебил я, продираясь вслед за Юной Гало сквозь заросли бурьяна. – Куда тебе надо попасть, в конце концов?

– В Москву, – сказала она.

Глава 6

Жалким зрелищем был этот мост – рельсы проржавели, шпалы сгнили, между ними нанесло земли, откуда проросли трава с кустами.

Перед тем как ступить на него, мы не сговариваясь оглянулись. К перевернутому фургону подъехал другой, черный, рядом стояли две приземистые машины, похожие на багги, только гораздо больше.

– Сейчас они разберутся, что к чему, и поедут сюда. – Юна шагнула на мост и остановилась.

– В чем дело? – спросил я.

– Будь осторожен. Достань оружие, охраняй меня! Для чего я тебя наняла?

Я окинул взглядом пустой мост.

– Там никого нет, идем.

– Мне говорили, такие мосты часто выбирают... то есть под ними живут... – Она замолчала.

– Тролли, что ли?

– Что такое «тролли»?

Юна все еще стояла на месте, и я зашагал вперед, потянув ее за рукав:

– Идем, говорю.

– Не трогай меня, наемник! – отчеканила девчонка, отдернув руку. – Не прикасайся ко мне, если я не прикажу! Ты

понял?!

Я пошел дальше, не оборачиваясь. Юна Гало догнала меня и вдруг ударила кулаком между лопаток. Схватила за воротник, рванув, выкрикнула:

– Ты слышал, что я сказала?! Смотри на меня! Я плачу тебе, и чтобы ты не смел прикасаться...

Я развернулся, оттолкнув ее, она споткнулась о шпалу и едва не уселась между рельсами.

– Слушай, подруга! – Я достал две монеты и швырнул ей под ноги. – Мне плевать, кто у тебя стоит за спиной и чья ты там дочь. Одну монету оставляю себе, за то что спас тебя на дороге. Теперь катись куда хочешь. – И зашагал дальше.

За спиной было тихо. Заметив тело, лежащее в зарослях на краю моста, я вытащил револьвер.

Я был уверен, что там лежит мертвый человек, и не ошибся. То есть наполовину не ошибся – он таки был мертвый. Но только это оказался не человек.

Я раздвинул кусты и стволом револьвера осторожно повернул бугристую, поросшую короткой темной шерстью башку. Существо, одетое лишь в подпоясанные веревкой короткие штаны из мешковины, напоминало обезьяну. В розовом морщинистом лице уродливо соединялись человеческие и звериные черты, отчего выглядело оно жутковато. Из левой половины груди торчала загнутая крюком арматура – должно быть, конец ее, глубоко ушедший в тело, хорошо заточен. Другой конец был обмотан веревкой, поверх шли ак-

куратные витки проволоки.

В правой руке существо сжимало конец длинной берцовой кости. Человеческой.

Скрипнул гравий, над ухом раздалось дыхание. Помедлив, я протянул в сторону руку. Спустя несколько секунд ощутил на ладони холод металла и сжал пальцы. Сунув две монеты в карман, встал.

– Это мутант, не мутафаг, – тихо сказала Юна Гало. – Его убили кетчеры, такими штуками они любят пользоваться.

– Кто такие... – начал я и замолчал.

– Что? – спросила она после паузы. Я не отвечал, и девушка добавила: – Идем, монахи уже, наверное, сюда едут.

Мы сошли с моста. Вдоль этого берега тянулись холмы, от русла отходила тропа, едва заметная среди зарослей и густой травы.

– Ты бывал в этих местах? – спросила Юна Гало, и я покачал головой. – Откуда ты?

Помедлив, я сказал первое, что пришло в голову:

– С побережья.

– Откуда? – Она явно не поняла. – С какого еще... А, с берега Донной пустыни? С горы Крым или с Моста? Вроде больше там нигде не живут.

Быстро шагая, я сделал неопределенный жест. Пусть думает что хочет. Хотя странно звучит – «гора Крым». Что это значит, как полуостров мог стать горой?

Наверно, это все же виртуал. Какая-то большая локация,

и программисты с дизайнерами, или кто там еще создает такие вещи, использовали для нее привычные названия. Может, доктор Губерт исследует влияние полного погружения в искусственную реальность на человеческую психику. Здесь есть Москва, есть Крым... А еще какие-то мутафаги и кетчеры. И мутанты. И странная плесень, которая заставляет мертвецов ходить. Кажется, именно ее Юна Гало и назвала некрозом? Для чего ее ввели в виртуальную локацию? И что означало все то, что случилось, когда я встал с лежака? Может, программный сбой? Или это был способ сбить меня с толку, создать впечатление, будто что-то пошло не так, чтобы подопытный решил: он вырвался из-под контроля экспериментаторов и вокруг настоящая реальность?

Но если так, то что представляет собой некроз? Мутант – ладно, но некроз выглядел слишком уж фантастично, именно из-за него у меня впервые возникло впечатление нереальности происходящего. Для чего его ввели в локацию?

Мгновение казалось, что я понял, догадка будто скользнула по самому краю сознания... И пропала. Я даже плюнул в досаде.

Солнце клонилось к горизонту, стало прохладнее. Снова захотелось есть. Не останавливаясь, я достал кусок мяса с хлебом и посмотрел на шагающую рядом Юну.

– Будешь?

Не глядя на меня, она покачала головой. Я стал жевать, запивая водой из фляги. Шум моторов пока не доносился –

монахи еще не подъехали к мосту.

Холмы скрыли русло пересохшей реки, мы шли дальше. Дорога впереди раздваивалась: один рукав, более широкий и хорошо утоптаный, вел влево, к большому полю, другой – едва заметная извилистая тропа – вправо, туда, где виднелась роща.

– За полем слева Кевок. – Юна остановилась. – Он далеко. А справа Серая Гарь, она ближе. Кевок просто городок посреди Пустоши, а Гарь находится на старой свалке. Надо решить, куда дальше.

– Зачем идти в одно из этих мест, если монахи и там, и там могут найти нас? И потом, они ведь могут разделиться... Значит, опасно и в Кевоке, и в этой Гари. Надо заночевать где-то еще.

Она посмотрела на меня как на идиота:

– Что ты говоришь? Мы же на северо-востоке Пустоши! Это днем здесь только панцирники ходят да мутанты вроде того, который на мосту. А ночью и ползуны из холмовейников вылезают, и гиены горбатые появляются, и ежи... Да тут в каждой норе мутафаг сидит! Ночью, без сендера, только вдвоем... Нет, надо туда, где люди.

Я чуть было не спросил, что такое «сендер», но вовремя прикусил язык.

– Ну хорошо, так куда нам лучше повернуть?

Юна задумалась.

– Ну, Кевок больше, более обжитой, там даже радиостан-

ция есть... – Она вскинула голову. – Точно! У них же передатчик, причем мощный. Монахи смогут связаться со своими. Поговорят с каким-нибудь форпостом, и им пришлют подмогу. А в Серой Гари передатчика нет.

– Значит, от Кевока надо держаться подальше, – решил я, но затем покачал головой: – Хотя нет, если он больше, то нам в нем будет легче спрятаться.

Она возразила:

– С чего ты взял? Что там, что там... Нас увидят при въезде в город, и если монахи следом войдут, то быстро узнают, где мы. В таких местах незнакомцы всегда на виду.

– Значит, идем в Серую Гарь. – Я зашагал по узкой тропке, ведущей вправо. – Расскажешь о ней по дороге.

Холмы остались позади, мы приближались к роще, на краю которой дорога обрывалась. Возле тропки высился холм, покрытый кривыми наростами, словно большими бородавками. Он состоял из глины и камней, а еще из кусков шифера, железного лома, досок и колотых кирпичей. Проходя мимо, я искоса, чтобы не показывать любопытства, разглядывал его. Девчонка произнесла одно слово: «холмовеиник»... Это он и есть, что ли? Если так, то внутри живут те самые ползуны, которые, по ее словам, выбираются только по ночам.

Роща с виду казалась неопасной, но что, если в ней прячется стая гибридов вроде тех, с холма? Решив, что туда лучше не соваться, я зашагал в обход, и Юна Гало поспешила

следом.

– Ты была в этих местах раньше? – спросил я.

Она покачала головой:

– Никогда. Просто, когда мы уже собрались ехать в Москву, я заставила Михая все рассказать о поселках, мимо которых будем проезжать. Он был следопытом, здесь много сезонов бродил. Он мне про Гарь и про Кевок рассказал.

– А кто там управляет?

– В Гари? Да никто. Просто люди живут...

– Но почему они именно там поселились?

– Как это почему? Иногда ты задаешь такие странные вопросы, наемник... Потому что в том месте водяная скважина. Воду нашли несколько сезонов назад, и вокруг сразу возник поселок. В Гари живут всякие бродяги, разорившиеся фермеры, старатели. Там у них огороды вокруг, а воду они продают проезжим.

Я остановился, увидев пересекающую наш путь цепочку следов. Непонятно, что за зверь их оставил, но он явно большой и тяжелый. Может, это тварь той же породы, что и та, погнавшаяся за стаей гибридов прошлой ночью, когда я сидел на крыше казармы?

– Странно, – сказала Юна. – Следы вроде как у маниса. Откуда здесь манис, они же на юге только живут? Если он в той роце прячется, может напасть на нас. Идем быстрее.

Я молча зашагал дальше. Манис... Наверное, мне еще долго предстоит слышать незнакомые слова, которыми мест-

ные называют всяких необычных тварей.

Солнце успело сползти к горизонту, когда мы обошли рощу. За ней открылась низина, полная всякого хлама. В небо торчал подъемный кран со сломанной стрелой, вокруг лежали цистерны, контейнеры, горы металлолома, битых кирпичей и треснувших строительных плит. В окошке кабины крановщика мелькнул силуэт, и я спросил:

– А они не начнут по нам с ходу палить?

– Нет. Вдруг мы хотим купить у них воду.

– Тогда могут попробовать ограбить, как только войдем.

– Ты что, боишься? – Юна покосилась на меня. – Ты же наемник.

– Дело не в том, боюсь или нет. Надо знать, чего ждать от них.

– Да того же, чего ждать от неудачников из любого другого поселка на Пустоши! Ты бывал в них тыщу раз! Это все трусливые хорьки, они укусят тебя, если ты слабый, и разбегутся с визгом, если показать им силу... У тебя вид что надо, наемник. Оружием обвешан, нож на ремне, морда зверская, комбинезон какой-то непонятный. Вот и шагай смело – никто тебя не тронет.

Слова ее не очень-то убедили меня, но я решил пока что не доставать оружия, чтобы не пугать лишний раз «хорьков». Они могут и разбежаться с визгом, как утверждала Юна Гало, а могут наброситься из-за угла... то есть выстрелить по нам откуда-нибудь с вершины мусорного холма.

Мы вошли на свалку. Подъемный кран высился над всей округой, теперь я хорошо видел человека, высунувшегося из окна кабинки с ружьем в руках. Он следил за нами, но оружие не поднимал. Одет во что-то бледно-рыжее, на голове желтая косынка, стянутая узлом сзади. Когда мы почти миновали кран, дозорный громко свистнул. Спустя несколько секунд донесся ответный свист.

Жара спала, но за день солнце успело разогреть свалку, и над холмами курились испарения. Пахло горелой резиной, гнилью и мазутом.

Впереди показались стоящие вплотную большие картонные коробки с криво прорезанными окошками. Сверху лежала черная от дегтя и машинного масла ветошь – что-то вроде соломы на крыше сельского дома. У последней коробки боковины не было, рядом на листе жести сидел, сложив ноги по-турецки, полуголый оборванец. Над всклокоченными волосами его вилась жужжащая стайка мух.

– Просто идем дальше, – сказала Юна Гало. – Не обращай внимания на эти отбросы.

– Вижу, сердце твое полно жалости и сострадания к ближним, – заметил я.

Оборванец смотрел на нас мутными глазами. Когда мы поравнялись с ним, он привстал, простер в нашу сторону руку, будто хотел предупредить о чем-то, но так ничего и не сказал – плюхнулся обратно на жесть. Я приостановился, но Юна решительно шла дальше. Человек, встав на четверень-

ки, полез в свой картонный дом.

За штабелем растрескавшихся бетонных плит горел костер, по сторонам его стояли рогатины, на них висела толстая ржавая пружина, прогнувшаяся под весом котла. В нем что-то булькало – съедобное, судя по запаху, хотя я бы не рискнул снять пробу. Рядом на перевернутых ведрах, на камнях или просто на корточках сидели люди, мало отличавшиеся от первого обитателя Гари, который попался нам на глаза. Женщина с черным от копоти лицом, забравшись на горку битых кирпичей, огромным половником зачерпнула из котла варево и стала нюхать, шумно втягивая ноздрями воздух.

При нашем появлении все повернули головы, а женщина едва не свалилась с кирпичей и выпустила половник, который с хлопаньем упал в котел. Выругавшись, она спрыгнула на землю и уставилась на нас, оперев руки в бока. На ней был короткий халат и ватные штаны, из-за пояса торчала обмотанная тряпьем рукоять.

– Эй, вы! – хрипло крикнула женщина, вытащила мясницкий тесак и потрясла им.

– Идем, идем, – поторопила меня Юна. – Не останавливайся и не обращай на них внимания.

– Стойте! – прозвучало сзади, но девушка не обернулась.

Люди пялились нам вслед, пока мы не миновали остов экскаватора, в ковше которого спал человек, и машина не скрыла нас от компании вокруг костра. Дальше был ряд автомобилей без колес, стоящих на столбиках из кирпичей.

Между холмами за ними раскинулись огороды. На кривых грядках зеленели кустики и хилые, нездорового вида побеги, подвязанные тряпками и проволокой к торчащим из земли палкам.

За следующим холмом открылась обширная земляная площадка, на краю которой стояла единственная в этом месте постройка, отдаленно напоминающая нормальный дом. Первый этаж – каркас из сваренных труб и решеток вместо стен, а второй дощатый, с квадратами неровно выпиленных окон и балконом. Там на высоком табурете сидел человек в широкополой шляпе, с винтовкой в руках.

Наверное, это место служило в Серой Гари центральной площадью. У дома между машинами с открытыми кузовами прохаживались люди, все в рыжей коже и с банданами на головах. Ближе к нам стояла водяная колонка, окруженная чугунной оградой с калиткой, висящей на одной петле.

Оглядевшись, Юна решительно пошла через площадь, и я сказал:

– Стой.

– Может, договоримся, чтоб нас подвезли...

– Подожди!

Она быстро шла вперед, не оглядываясь.

Сделав несколько шагов, я остановился. Повторил:

– Юна, стой.

Она упорно шагала к гостинице. Человек на балконе выпрямился во весь рост – даже отсюда было видно, что он здо-

ровый, как медведь, – и потряс винтовкой. Она тоже была здоровенной да к тому же с оптическим прицелом, необычно длинным и широким.

Люди у машин пошли навстречу Юне, еще несколько показались по сторонам площади.

Я достал револьвер, и здоровяк на балконе, вскинув винтовку, выстрелил. Пуля ударила в землю у моих ног.

– Медленно-медленно положи его! – крикнул он.

– Я из Меха-Корпа! – звонко прокричала Юна, быстро шагая через площадь. – Хочу нанять вас!

Вот стерва! Пришлось мне положить револьвер. Когда выпрямился, откуда-то сбоку выпрыгнул босой парень в закатанных до колен штанах из мягкой кожи и расстегнутой рубашке. Волосы на его голове были собраны панковским гребнем, да еще и выкрашены в темно-красный, почти черный цвет. Из гребня, будто иглы, торчали заточенные куски арматуры и обломки лезвий. На поясе висели цепи с грузилами на концах, в руке была загнутая крюком арматура с заточенным концом. Я сорвал ремень ружья с плеча, а он ударил меня своей железякой, целя в голову – хорошо, что не острым концом. Палец сам собой вдавил спусковой крючок, и пуля улетела куда-то в сторону. Панк замахнулся вновь, и тогда я врезал ему прикладом по впалому животу.

Сипло выдохнув, он согнулся пополам. Сзади раздался топот. Юна Гало прокричала:

– Я дочь Тимерлана Гало! Кетчеры, я хочу нанять вас! Эй,

ты! Ты главарь? Я из Корпорации, слышишь?!

Здоровяк с балкона зычно выкрикнул:

– Не трогать ее! Этого – не убивать, обоих в дом!

Бросив ружье, я выхватил из кобуры самострел. Сразу трое в рыжей коже подскочили ко мне, одного я встретил ударом кулака в лицо, на второго наставил оружие, но третий вмазал арматурным крюком по стволу, и дробь ушла в землю. На меня навалились со всех сторон, я отшвырнул одного противника, коленом наподдал под дых другому, а после меня перетянули железякой по плечам и сделали подсечку.

Топот и крики раздавались со всех сторон. Сбросив с себя кетчера, я вскочил, и рядом вновь появился панк с цепями на поясе. Гребень на голове содрогается, глаза выпучены, лицо совсем безумное. Он рванул цепи, закрепленные на короткой рукояти, но я двумя ударами сбил его с ног.

А потом, получив прикладом по затылку, сам упал сверху.

Глава 7

Меня разоружили, втащили в дом, который Юна назвала гостиницей, и бросили на земляной пол первого этажа.

Когда перед глазами перестали кружиться красные точки и звон в ушах стих, я сел. Вытер рукавом кровь под носом, потрогал ребра, подбородок. Огляделся.

Вечерний свет лился сквозь решетчатые стены, снаружи на мусорном холме маячила фигура часового. Всей мебели на первом этаже – приземистый стол, то есть лист ребристого железа, положенный на столбы из камней, несколько колченогих табуретов да лавка. На столе стояли бутылки, миски и стаканы.

Двое кетчеров, втащившие меня сюда, отошли к лестнице на второй этаж. На поясах висели самострелы, у одного в руках была дубинка, у другого тесак. Раздались шаги, и в комнату ввалился панк. Он гримасничал и часто облизывал губы. Глаза блестели, будто парень ширнулся какой-то наркотой. При виде меня панк ощерился, снял с ремня свои цепи и стал медленно приближаться, покачивая ими. Оружие напоминало плетку-многохвостку: короткая рукоять, с нее свисают четыре цепочки, на конце каждой грузило – шипастый шарик, ребристый брусок металла, клубок из спаянных крючков, кубик с острыми гранями.

Панк шел, безумно улыбаясь, качая своей цеповой пле-

тью, а я сидел и глядел на него.

В дверной проем за спиной панка втолкнули Юну Галло, следом вошли двое кетчеров. Один после знакомства со мной хромал. На плече другого, несшего керосиновую лампу, висело ружье, которое раньше было у девчонки.

– Эй ты, не трогай его! – крикнула она.

Панк, не обращая на нее внимания, шел ко мне.

– Ты слышал? Не трогай наемника!

– Пасть заткни! – прошипел он, не оборачиваясь.

Я прикинул, что надо будет откатиться вбок, когда панк ударит, схватить его за запястье и рвануть на себя, прикрываясь его телом от выстрелов тех двоих, что стоят у лестницы... Хотя ведь теперь в помещении появились еще двое, они с другой стороны, и шансов у меня нет...

Раздались тяжелые шаги, лестница скрипнула, и по ней спустился здоровяк с балкона.

– Ну, что тут у нас?

Этот парень напоминал атлета из цирка. На две головы выше меня и гораздо шире в плечах, ноги в огромных сапогах с отворотами как колонны. Небритый подбородок выпирает вперед, нос большой и горбатый, а лоб совсем низкий. Сдвинув на затылок широкополую шляпу, он спросил:

– Ты вправду дочь Тимерлана?

Здоровяк держал винтовку с оптическим прицелом, то есть закрепленной на стволе алюминиевой трубкой. Внутри, наверно, пара линз... Неужто такая штука действительно мо-

жет помочь при стрельбе на дальние расстояния? Хотя ведь положил он пулю аккуратно мне между ступней.

– Он мой отец, – подтвердила Юна. – Знаешь, что будет, если со мной что-то случится?

– Ну, думаю, из Арзамаса пришлют три сотни сабель и они перебьют здесь всех.

– Правильно!

– Только откуда в Арзамасе узнают про меня и моих парней, если я прямо сейчас пристрелю тебя и скажу закопать в мусоре?

– Местные видели нас. Когда отец пришлет людей, кто-нибудь расскажет...

Здоровяк сплюнул.

– Да мы перебьем их всех – вот будет потеха охотиться за вонючками по свалке, а?

Кетчеры согласно загомонили в ответ. Главарь поглядел на меня и ухмыльнулся:

– А это, стало быть, сын Тимерлана Гало? Где ему папаша такой комбез раздобыл? Из пластмассы!

– Нет, он просто наемник, – сказала Юна. – Я знакома с ним всего полдня.

– То есть он не нужен тебе?

Она молчала.

– Он не нужен тебе, он не нужен нам... – пророкотал главарь кетчеров. – Он никому не нужен. И он побил Сипа. Скажи, Сип, больно было? Я видел с балкона, как он тебе вма-

зал...

Панк в ответ что-то прошептал, злобно пялясь на меня.

– Стало быть, – продолжал здоровяк, – можно пустить этого парнягу в расход без лишних слов.

Он пошел ко мне, на огромных сапогах его тихо забряцали шпоры. Здоровяк пнул меня подошвой в грудь, и я повалился бы на спину, но успел вцепиться в его ногу, вывернул стопу и дернул.

Чтоб не упасть, он ухватился за плечо стоящего рядом Сипа.

– Как ты посмел к Бурносу прикоснуться?! – заорал тот и, подскочив ближе, замахнулся своей цеповой плетью.

Я отклонился, и удар вышел скользкий, хотя шипастый шарик распорол пластик комбеза на плече и глубоко порезал кожу. Сип нырнул вперед, и торчащие из гребня на его голове лезвия оцарапали мне щеку – еще немного, и я остался бы без глаза.

Отпрянув, панк замахнулся опять, но главарь оттолкнул его. Бурнос вроде едва коснулся Сипа, однако тот врезался плечом в решетку так, что с потолка посыпалась труха.

– Бурнос! – прошипел он. – Дай мне...

– Стой на месте, – велел главарь и направил ствол снайперской винтовки мне в грудь.

– Убьешь его – тебе же хуже будет, – сказала Юна Гало.

Бурнос замер, помедлил и вдруг широко улыбнулся:

– Ну, красавица, ты знаешь, что сказать в нужный момент! –

Не опуская винтовку, он кинул взгляд через плечо. – И чё это значит? С чего мне хуже будет?

– Я встретила его, когда он вышел из пятна, – сказала Юна. – Это было еще в полдень. И он до сих пор не болен, видишь? Он выжил в некрозе. Не заразился. А теперь подумай, как ты сможешь использовать его.

* * *

– Тут за пустырем пятно некрозное есть. – Присев на краю ямы, Бурнос смотрел на меня сквозь решетку. – Там когда-то Надим Тесак жил. У него в хибаре стволов немерено. Но накрыло хибару его – и всё, и нема Надима! Пару раз видали, как он там ходил, дергался, весь в коросте. Потом пропал... может, в доме у себя лежит, сгнил уже. А стволы до сих пор внутри. Вот ты нам их и принесешь, парняга. – Настроение у главаря кетчеров было, судя по всему, отменное, отчего он стал разговорчивым. – Думаешь, не знаю, о чем щас думаешь? Знаю! Но пятно там небольшое, ты из него никуда не денешься, мы вокруг будем. Заляжем и целиться в тебя станем, ничего не сделаешь. И еще на цепь тебя посадим, на длинную, с ошейником, чтоб чуть что – назад выволочь. Да и монеты у Надима в подполе наверняка заныканы. Некроз к железу не липнет, так что они до сих пор целехоньки, и ты мне их, значит, доставишь. А потом мы тебя еще...

– Оружие у Надима, выходит, целиком железное было? –

перебил я. – Интересно, хочу посмотреть.

Он озадаченно спросил:

– Чё?

– Ты говоришь – некроз только железо не трогает. Но хочешь, чтоб я оружие Надима принес. А оружие из чего? Ствол там, затвор... А приклад? А ложе? Они ж деревянные, Бурнос.

Он покрутил головой, почесал выступающий вперед подбородок и заключил:

– Соображаешь, наемник. Ну, вообще, некроз не только железо, он и еще кое-что, говорят... Стекло там... Не, точно, пропало Надимово оружие! Ладно, не важно, монеты все одно нам доставишь. А потом мы тебя в другие места свезем. Говорят, некроз на Пустошь наступает, пятен все больше. Будешь хорошо работать – буду тебя кормить и почти не бить, сечешь?

Я покачал головой:

– Ты меня не заставишь на себя пахать, Бурнос.

Он засмеялся:

– Заставлю. Ты не знаешь еще, на чё Сип наш способен.

Он, понимаешь... – главарь кетчеров доверительно склонился ниже, упершись руками в прутья решетки, – людей мучить очень любит. Такой от нрав у мальчика. Как-то фермера одного покалечил, кожу с него... Мои уже говорят: «Сип, добей его, чё он орет, спать же мешает», а этот садюга... Три дня фермер орал. И ты орать будешь, тем паче зол он на те-

бя. Слезами кровавыми умоешься, шкуру он с тебя живьем снимать станет, суставы дробить... Сам умолять меня начнешь, чтоб пустил в пятно, работать позволил и от Сипа защитил. Ну ладно, парняга, до утра тут сиди, а потом решим, чё да как.

Он встал, шагнул прочь, и тогда я сказал:

– А ты ей поверил, да, Бурнос?

Главарь вновь показался над краем ямы.

– Чё? – подозрительно спросил он.

– Девке поверил, что она дочка Тимерлана?

– А почему бы мне ей не поверить?

– Ну ты наивняк, кетчер! – Я насмешливо смотрел на него. – Да ты на нее глянь: шлюха обычная. И вот такая вот – дочь самого Тимерлана?

Я понятия не имел, кто такой этот Тимерлан, то есть ясно было, что он главарь Меха-Корпа, но что это за Меха-Корп, я не ведал, а раз так, то не знал ничего и про Тимерлана. Но надо было что-то делать, а других путей, кроме как сбить кетчера с толку, пока что не наблюдалось.

– Одето нормально, – возразил он, – говорит умно, шлюхи дорожные так не болтают складно. Главное, деньги у нее есть. Откуда у шлюхи деньги? Врешь, наемник.

Я поднял руку, собираясь покрутить пальцем у виска, но сообразил, что для Бурноса этот жест может оказаться бессмысленным – вдруг здесь так никто не делает? – и сплюнул на дно ямы.

– Болтает складно, потому что любовник у нее из этих... Короче, лекарь он был, ученый сильно. Книжки всякие читал, в науках соображал, а она с ним жила. Ты знаешь, что такое «науки», Бурнос? Сам подумай: ну откуда дочка самогó Тимерлана здесь возьмется? Как она попала на эту свалку вашу? С каким-то наемником, без охраны, без ничего...

– А ты мне, значит, объяснишь щас? – прищурился он.

– Объясню, – уверенно сказал я. – Уже объяснил: она шлюха обычная. Последний год с одним лекарем богатым жила...

– Чё? – перебил кетчер.

Я быстро повторил про себя только что произнесенные слова. Что не так? Слово «лекарь» ему знакомо, а больше вроде ничего такого...

– Чего это ты щас сказал, наемник? Что это за... этот... год?

– Год... – Тут я слегка растерялся. У них что, вообще другое исчисление времени?

– Да, вот оно. Чё оно такое?

– Ну... Так в местах, откуда я, время меряют.

– А откуда ты?

– С побережья.

– Откуда? С какого еще по-бе-режья? Ты дурман-травы, часом, не курил сёдня с утра, парняга? Такое несешь... И хочешь, чтоб я тебе верил?

Решив, что единственное спасение для меня сейчас – ре-

шительность, я заявил:

– Хочу – не хочу, а главное, что правду говорю. Юна последний... последнее время с богатым лекарем жила. Потом мы с ней сошлись. Я всякими разными делами промышлял... На мутафагов охотился, ну и другими. И мы ее любовника грабанули. Хотели только денежки унести ночью, но так вышло, что убили его. Проснулся старик не вовремя, пришлось мне его пристукнуть. В ту же ночь ушли, сам понимаешь: оставаться после такого нельзя было. В Москву пошли. То есть сначала ехали, потом шли... А когда она вас увидела – решила предать меня. И тебя потом так же предаст. Она та еще стерва, Юна моя. Понял, кетчер?

Несколько мгновений он смотрел на меня, потом развернулся и ушел.

* * *

Солнце село, в яме стало темно, но вскоре наверху зажгли факелы, и отблески огня упали на отвесные земляные стены. Яма эта находилась сразу за большим мусорным холмом позади двухэтажного дома. Я слышал приглушенные голоса кетчеров и обитателей Серой Гари, треск факелов, даже тихий скрип лавок и звон посуды, доносящиеся из дома.

Приподнявшись на цыпочках, я вытянул руки – до нависающей яму решетки всего ничего, если подпрыгну, ухватюсь за прутья... Но что дальше? Углы решетки приварены к

железным столбам, врытым в землю, ее не поднять. Ближе к краю – люк, закрытый на засов с большим висячим замком. Отсюда я смогу дотянуться до него, если повисну на одной руке, а вторую просуну между толстыми квадратными прутьями, только толку от этого никакого...

Факел загудел на ветру, в яме стало светлее, и на фоне неба возникла голова с гребнем волос, украшенным лезвиями и заточенными кусками арматуры.

Сип присел на краю ямы с факелом в одной руке и цеповой плетью в другой и стал покачивать ею. Грузила на концах зазвенели, залязгали, ударяя по прутьям.

Я уселся на дне, поджав ноги, привалился спиной к стенке. Сип наблюдал за мной. Глаза, поблескивающие в свете факела красным, напоминали звериные.

Раздались шаги, и на краю ямы появился Бурнос.

– Паскуда! – выдохнул он. – Мутафага тебе в задницу, наемник... Сбрехал мне! Девчонка печать Корпорации показала! И свиток... Я-то читать не умею, но Манок наш в грамоте соображает! Она из Меха-Корпа, точно это! И она нам все объяснила... Ты на самоход ее напал, убил охранников, ее саму хотел продать в бордель в Кевоке, да с пути сбился! Ну, паскуда, радуйся, что неохота мне щас в яму лезть... Утром тебя отделаю – в пятно на карачках поползешь, понял?!

Он отскочил и снова появился на краю ямы с большим камнем в руке. Замахнулся. Я нырнул вперед, и камень врезался в землю, едва не задев мою спину.

– Сип, сторожи! – приказал Бурнос. – Вниз не вздумай лезть! Сам видел: наемник махаться горазд. И девка говорит, он двоих ее людей голыми руками положил, третьему башку с самострела разнес. Я знаю, тебе его цепями погладить своими хочется, но чтоб здесь сидел! Ты понял? – Он схватил Сипа за шиворот, притянул к себе и выдохнул в лицо: – Понял, спрашиваю?!

Панк что-то прошипел в ответ.

– Вот так! – сказал Бурнос, оттолкнул его от себя и ушел.

Стало тихо, только факел гудел на ветру. За день яма успела нагреться на солнце, но теперь земля быстро отдавала тепло – становилось прохладно.

Сип принялся расхаживать вокруг, потом исчез из поля зрения. Я опять сел, размышляя, что делать дальше. Закрыв глаза, но тут словно что-то подтолкнуло изнутри. Поднял голову – и вскочил, уставившись вверх.

В темном небе одна за другой гасли звезды. Что-то огромное летело над редкими облаками.

Я подпрыгнул, вцепившись в прутья, подтянулся и приник лицом к решетке, пожирая глазами... что? Ничего подобного я не видел никогда.

Одно ясно: эта штука округлой формы и очень-очень большая. Но из чего она сделана? На железо вроде не похоже. Слишком высоко и слишком темно, невозможно определить. Все же, наверное, какой-то металл...

Я не мог понять, есть ли на дне объекта выступы и впа-

дины или поверхность гладкая. Не мог разобрать, какого он размера и на какой высоте движется. Я вообще ничего не мог понять! Этот летающий остров полностью выпадал из всей картины окружающего, которая очень медленно, нехотя начала складываться в моей голове. Он будто прилетел сюда откуда-то совсем из другого места...

И вдруг я понял, что уже видел нечто подобное.

Точно! Когда после начала эксперимента попытался сойти с площадки, пространство расколола трещина, и в трещине этой показался остров наподобие того, что парил сейчас над редкими облаками в тишине ночного неба.

Раздалось едва слышное звяканье, и я скосил глаза вправо. Сип крался к яме, занеся руку с плетью, цепи покачивались, грузила слабо постукивали одно о другое.

Я висел в том же положении, не поворачивая головы. Ступая медленно и осторожно, он подошел еще ближе и с размаху ударил.

В последний миг я сунул правую руку между прутьями, удерживая вес тела левой. Грузила лязгнули по железу в том месте, где только что были мои пальцы, а я вцепился в одну цепь и что было сил дернул.

Висел я почти на середине решетки – чтобы ударить, Сипу пришлось встать на самом краю и наклониться вперед. Запястье его было продето в темляк на рукоятке плети, и после моего рывка кетчер, потеряв равновесие, плашмя упал на прутья. Он зашипел и попытался встать, проваливаясь коле-

нями и локтями между прутьями. Я перехлестнул цепь через его шею, сжимая ее правой рукой, левой схватился за грузило и повис, вдавливая голову кетчера в решетку.

Он шипел и плевался мне в лицо. Я качался под ним, кровь из пробитой шипами ладони бежала по предплечью. Если бы Сип лежал на спине, цепь задушила бы его, а так она лишь стиснула шейные позвонки, не позволяя ему подняться.

Упершись в прутья одной рукой, он потянулся к ремню, на котором висел нож. Я глубоко вдохнул и согнулся, рывком поднимая ноги к прутьям.

Пластиковыми подошвами мокасин уперся в лицо кетчера. Он дернулся и наконец сумел вытащить нож. Повиснув вниз головой, я давил, медленно распрямляя ноги. Сип хрипел, его шея выгибалась все сильнее. Он попытался ударить, но из-за прутьев толком не смог этого сделать, клинок лишь надрезал пластик штанины.

Левая рука горела огнем, кровь стекала под рукав комбеза, к плечу. Зажмурившись, я с глухим рычанием распрямил ноги.

В шее Сипа хрустнуло, голова откинулась, едва не касаясь затылком спины между лопатками, и нож выскользнул из руки.

Опустив ноги, я свалился на дно ямы. Левая рука пульсировала болью, шипы оставили на ладони несколько рваных ран. Из таких кровь будет течь и течь, надо обязательно пе-

ретьянуть запястье, но пластик для этого не годится, нужна какая-то ткань.

Перед глазами все плыло. Сип лежал на решетке, голова и руки свесились между прутьями. Я подобрал нож, сунул его в зубы, подпрыгнул и повис на правой руке. Вцепившись в прут пальцами левой, но стараясь не налегать на него ладонью, подтянулся и стал шарить по одежде панка.

Ключ нашелся в кармане штанов. Раскачивая ногами и перехватывая прутья, я добрался до люка, некоторое время тыкал ключом в железо, потом попал в скважину, отомкнул замок, откинул люк и вылез наружу.

А после этого потерял сознание – слишком много сил и крови ушло, слишком большое напряжение понадобилось.

* * *

Когда я очнулся на краю ямы, нож лежал рядом, а кровь из ладони все еще текла. Кажется, я вырубился ненадолго, прошло не больше пары минут. Я взял нож, преодолевая слабость, дополз по решетке до мертвого панка и срезал рукав с его рубахи. Заметил пристегнутую к поясу флягу, снял ее, открыл, понюхал – и полил содержимым ладонь.

Запекло так, что я едва не взвыл. Когда розовая жижа на ладони перестала пузыриться, перетянул кисть рукавом и сделал несколько глотков из фляги.

Самогон более-менее привел меня в чувство. Я обыскал

труп, но ничего, кроме ножа, цеповой плети и фляжки Сип с собой не носил.

Тогда я сполз с решетки, встал на краю ямы и огляделся.

Неподалеку горел воткнутый в землю факел. Вокруг были мусорные холмы, над вершиной одного виднелась крыша двухэтажного дома, с той стороны доносились приглушенные голоса и лился тусклый свет. Я мог бы пойти туда, как-то пробраться внутрь, разделаться с часовыми и попытаться угнать одну из бандитских тачек. С виду они совсем простые, наверняка управление такое же: механическая коробка, три педали да рукоять передач. Но кетчеры услышат шум мотора, помчатся следом, а я не смогу долго петлять по ночному лабиринту – врежусь в склон холма или влечу в какую-нибудь яму, тем все и закончится.

Нет, надо уходить пешком, тихо, и надеяться на то, что Бурносу не скоро придет в голову отправить кого-то на смену Сипу или наведаться к яме с пленником самому.

А еще на то, что меня не сожрут ночные мутафаги, ползуны или горбатые гиены, о которых говорила Юна Гало.

Вспомнив о ней, я сплюнул. Чертова девчонка! Ведь всегда знал, что женщинам доверять нельзя, у них иначе устроены мозги, они могут выкинуть такой фокус, который нормальному мужику и в голову не придет...

Хотя в этом предательстве не было ничего необычного. Девчонка просто использовала обстоятельства в своих интересах. Кетчеры сразу бы схватили нас обоих, а так Юна стала

кричать, что она из Меха-Корпа, и бандиты взялись лишь за меня. Юне это даже на руку: несколько человек защитят ее лучше, чем какой-то подозрительный наемник. Хотя бандиты тоже не лучший выход – когда они вместе покинут свалку, Бурнос в любой момент может решить, что легче дать девчонке по голове, забрать все монеты, а ее саму закопать и уехать подальше из этих мест. Но если она посулила главарю кетчеров больше монет, чем у нее есть при себе, то жадность может удержать его от этого шага...

С такими мыслями я вновь залез на решетку, подтянул Сипа к люку, стащил с него рубаху и сбросил тело вниз, а после, закрыв люк, запер замок. Если даже кто-то подойдет к яме, он может решить, что человек внизу – спящий пленник, а Сип куда-то отошел... Надолго это никого не обманет, но еще немного времени я выиграю.

Рука ныла, пальцами я двигал с трудом. Хорошо хоть, кровь уже не идет. Обвязав рубаху вокруг поясницы, я сунул за нее плетень, хлебнул из фляги и быстро пошел прочь от двухэтажного дома, банды кетчеров и Юны Гало.

* * *

Длинный извилистый холм отделял свалку от большого пустыря. Я притаился на вершине, разглядывая происходящее внизу. Там сновали светящиеся создания, похожие на толстых червей этак с метр длиной. Кажется, у них бы-

ли ножи. Твари двигались вокруг большого черного пятна, некоторые исчезали в нем, другие выползали наружу, возникая на его неровных границах...

Наверное, это холмовеяник. А светящиеся существа вокруг – ползуны. Сталкиваться с ними совсем не хотелось: даже на таком расстоянии, даже в темноте, лишь слабо разбавленной светом луны, они казались мерзкими и опасными.

Последнее вскоре подтвердилось: справа донеслись подвывание, хрип, я перевел туда взгляд – большой отряд ползун тащил к холмовеянику кого-то живого. С первого взгляда я принял его за человека, но потом стало ясно, что это мутант вроде того, который валялся на мосту. Ползуны волокли его, окружив плотным светящимся кольцом. Не знаю, чем они удерживали тварь – вроде у них не было рук или лап, но мутант дергался и хрипел, а убежать не мог.

Он взвыл, когда ползуны подволокли его к холмовеянику. Твари исчезли, втянувшись внутрь через невидимую в темноте прореху. В последний раз донесся придушенный стон их жертвы, и все смолкло.

Я попятился, сползая со склона. Оставаться здесь было нельзя – кетчеры близко, – но идти мимо холмовеяника слишком опасно, надо обогнуть его по широкой дуге. Что мне сейчас нужно? Оказаться как можно дальше от Серой Гари. Выжить в этом незнакомом и явно опасном мире. Попробовать понять, что здесь к чему – и найти выход отсюда.

Ощущение нереальности происходящего все еще не

оставляло меня, иногда накатывало чувство, будто все это лишь большая виртуальная локация. Хотя рука ныла очень натурально, меня даже подташнивало от боли. Потрогал лоб – горячий. Очень реалистично для виртуала. Сейчас бы перевязать ладонь чистым бинтом, залив предварительно перекисью, выпить двести граммов перцовки, лечь под теплое одеяло и проспать до утра...

Над обиталищем ползунов мерцал блеклый свет. Решив, что они остались достаточно далеко в стороне, я перебрался через мусорный холм и побежал по пустырю, стараясь не наступать на битый кирпич, огибая торчащие из земли железяки. Иногда под ногами хлюпала грязь, потом стали попадаться автомобильные покрышки и остовы машин.

На краю пустыря я остановился, услышав шорох впереди. Там росла небольшая роща, и между деревьями кто-то стоял. Я остановился, сжимая нож. Луна как раз вышла из-за облака, и свет ее блеснул на чешуйчатой спине.

Это был ящер размером с новорожденного теленка, с толстым хвостом и плоской башкой на длинной шее. Нагнувшись к земле, он громко чавкал, пожирая что-то лежащее между деревьями.

Не подобная ли тварь бросилась за стаей гибридов у казармы? А следы, которые мы видели позже возле рощи?.. Как же тогда сказала Юна Гало... Да – манис. Может, эти манисы предпочитают жить в местах, где растут деревья, в таких вот рощицах? Интересно, чем они питаются?

Пока что он не видел меня. Надо обогнуть рошу и идти дальше, чтобы к утру оставить как можно большее расстояние между собой и свалкой.

Шагнув в сторону, я наступил на сухую ветку. Она треснула, и манис поднял голову.

Инструктор в Казахстане рассказывал нам, что у ящеров и подобных им существ иначе устроены мышцы, поэтому они способны на мгновенный всплеск энергии, очень быстрый рывок – это и произошло сейчас. Он понесся на меня, будто снаряд из пушки. Я вырвал плеть из-под завязанной на поясице рубахи Сипа и ударил что было сил в тот миг, когда манис был уже прямо передо мной. В свете луны мелькнули раскрытая пасть с раздвоенным языком, кривые короткие ноги, бешено топчущие землю, – и все четыре грузила врезались ящеру в голову.

Пронзительно шипя, ослепленный ударом манис сшиб меня с ног. Плеть вырвало из руки, нога твари гулко стукнула в землю возле моего уха, лицо засыпало землей, и он умчался прочь. Отплевываясь, я перевернулся и встал на четвереньки. Ящер несся к свалке, извивался длинный хвост, лязгали цепи – грузила все еще сидели в его башке.

От боли в руке я едва понимал, что происходит. Встал и побрел к роше, держась за грудь, в которую ящер врезался плоской башкой. Сердце бешено колотилось, ныли ребра, ночной мир качался и плыл вокруг. Вспомнив, что оставил позади нож, я вернулся, подобрал его, едва не упав при этом,

и опять побрел к роще.

Когда сзади донесся приглушенный гул, я оглянулся. Далеко-далеко над мусорными холмами свалки мерцал свет. Яркий луч взметнулся к небу, мигнул и погас. Донесся приглушенный взрыв, потом выстрелы. Некоторое время я пытался понять – это одиночные звучат так часто или там стреляют из автомата?.. Нет, слишком длинная очередь, получается, работает пулемет... У кетчеров такого оружия вроде не было. Может, это монахи? Напали на Серую Гарь, а бандиты отбиваются?

Если так – хорошо. Теперь им будет не до меня, ни тем, ни другим, даже если монахи каким-то образом узнали про наемника, который помог Юне Гало на дороге.

Вскоре я остановился под деревом с раздвоенным толстым стволом. Оно напоминало дуб, хотя ветви его были закручены спиралями. Тоже, наверное, мутант. Дерево-мутант. Все в этом мире не такое, как надо. Куда я, в конце концов, попал, мутафага вам всем в задницу?!

Покряхтывая от боли в ладони, я полез на дерево. Первая развилка находилась слишком близко к земле, но выше один из стволов снова раздваивался. Грудь уже почти не болела, но дрожали руки, я плохо видел – глаза застилала пелена. Только бы долезть и успеть привязаться...

Я успел, но едва-едва. Усевшись в пологой развилке между стволами, вонзил в дерево нож, стащил с поясницы рубаху Сипа, обернул вокруг ствола и стянул узлом на своем

боку. Завязал второй узел, третий. Хотел вытащить нож и воткнуть повыше, чтобы не порезаться, когда окончательно вырублюсь, но не смог. Откинулся назад, привалившись плечом к стволу, – и после этого потерял сознание.

Глава 8

Рокотал двигатель. Совсем рядом бахнул выстрел. За ним второй.

Я понял, что сижу, наклонившись вперед и едва не выскользывая из развилки, и от падения меня удерживает лишь натянувшаяся рубаха. Голова склонилась на грудь, руки свисали между колен. Левая по-прежнему болела. Было прохладно. Едва рассвело – sereneкий, какой-то жиденский свет проникал под веки.

Внизу гудел мотор, что-то часто стучало по основанию дуба. Я не шевелился, соображая: нож воткнут в ствол слева, значит, правой рукой я могу легко вырвать его и с ходу прыгнуть на того, кто стрелял... Нет, не могу, ведь я привязан. И привязан надежно – сам же вчера постарался. И выскользнуть из-под рубахи тоже не выйдет... Тогда так: выдерну из ствола нож, полосну по узлам и потом уж прыгну...

Прозвучал голос Юны Гало:

– Я видела, ты моргал. Хватит притворяться, Разин. Да сдохнешь ты или нет?!

Я поднял голову. Под дубом на боку лежал манис, с морды его свешивался обрывок цепи – шипастое грузило все еще сидело в глазнице, брюхо было разворочено пулями. Он бил хвостом по дереву и дергал кривыми ногами. Из разинутой пасти торчали кривые клыки очень внушительного размера.

Рядом стояла Юна Гало с хаудой в руках. Так называл короткие двуствольные обрезы англичанин-инструктор в нашем лагере на Тургайском плато. В стороне между деревьями виднелась приземистая машина с открытым кузовом и большими черными колесами.

Девушка подняла ко мне осунувшееся лицо.

– Манис хотел тебя сожрать. Не понимаю, откуда он здесь взялся? Я живых манисов видела только в Арзамасе, в загоне у наших охотников. Они же далеко на юге живут, в Донной пустыне, сюда раньше не забредали. Опасные твари. Слышишь, Разин? Он встал передними лапами на дерево и тянул шею. Схватил бы тебя клыками за ступни... Видишь, какие у него клыки?

– Вижу, – сказал я и стал развязывать рубаху.

Юна выглядела плохо – волосы растрепались, под глазами круги. На щеке царапина, правый рукав рубахи наполовину оторван. Взявшись за нож, я перевел взгляд на машину – на сиденье лежала брезентовая куртка, рядом винтовка с алюминиевой трубкой оптического прицела.

– Монахи? – спросил я, выдергивая нож.

Юна кивнула. Манис ударил хвостом в последний раз и затих.

– Посреди ночи напали, – пояснила девушка. – Бурнос этот, идиот полный, когда увидел, что Сип мертв, а ты пропал... Сип его брат вроде. Был. Бурнос решил тебя ночью искать. Я говорила: утра надо ждать, и вообще, зачем тебе

этот наемник, но он... Мы сели в машины, и только выехали, как напали монахи. Их немного было – наверное, разделились, половина в Кевок поехала, половина в Гарь. Поэтому они сначала выжидали в темноте – не знали, сколько людей у Бурноса. А как мы поехали, начали стрелять. Бурноса первого и пристрелили, потом других... Я едва ноги унесла. У Бурноса весь пояс гранатами был обвешан, я стала их кидать во все стороны, потом его наружу выпихнула, за руль перепрыгнула и рванула оттуда. Чудом вырвалась, только потому что темно было.

Я бросил нож на землю и сам полез вниз. Юна Гало, помолчав, заговорила опять:

– Разин, прости меня. Я не хотела тебя предавать. Просто моя миссия... дело мое, с которым я еду, очень важное. От этого много жизней зависит. Тысячи, понимаешь? Но все равно я поступила неправильно. Это... это было недостойно дочери Тимерлана Гало. Я прошу твоего прощения и...

Спрыгнув, я шагнул к ней, схватил за шиворот, дернув так, что она привстала на цыпочки, и занес кулак. Юна Гало закрыла глаза – не взвизгнула, не попыталась отстраниться или вцепиться в мою руку, просто зажмурилась, ожидая удара. Я впервые увидел ее лицо вблизи, впервые по-настоящему рассмотрел его: узкий подбородок с родинкой, тонкие губы, едва заметный шрам у виска. Смуглая, черные брови... Отец ее, Тимерлан этот, казах, что ли? Тут явно не обошлось без восточной крови.

Она стояла неподвижно. Я был все еще зол на нее, очень зол. Но рука опустилась сама. Забрав у девчонки хауду, я поднял нож с земли и пошел к машине.

Тачка казалась совсем простым механизмом: сваренный из труб каркас, движок, колеса, бак под жестяным колпаком да примитивное управление. Вместо лобового стекла – наклонная рама, в ней натянута пленка, покрытая чем-то блестящим вроде прозрачного лака. Два сиденья, сразу за ними багажник с железными скобами, к которым ремнями прикручена большая котомка. Над массивным бампером канистра в сваренной из арматурных прутьев корзине.

Я отстегнул ремни и открыл котомку. Внутри лежали всякие припасы – вяленое мясо, хлеб, завернутые в тряпицу яблоки, пара фляжек. В одной оказалась вода, и я напился.

Подошедшая Юна присела на капот.

– Далеко этот сендер не уедет, – сказала она устало. – Горючего – всего ничего, даже до люберецких кормильцев не дотянем. А канистра пустая.

– Не дотянем? – повторил я.

– Ты поедешь со мной?

Я покачал головой.

– Бурнос забрал у меня все деньги, – произнесла девушка, помолчав. – Сказал: за охрану. Но тебе заплатят все, что я обещала. Я клянусь, Разин! Клянусь... жизнью моего отца.

– А почему не матери? – спросил я, вытаскивая из котомки мешочек с какими-то склянками.

– У меня нет матери. Вернее, я ее никогда не знала. Послушай, Разин! – Она вскочила и порывисто шагнула ко мне. – Некроз наступает на Арзамас. Через два-три дня город погибнет. Я должна попасть в Москву как можно быстрее. В Балашихе меня ждут, помоги мне добраться хотя бы туда, я прошу тебя!

Подойдя ближе, она положила ладонь мне на плечо, снизу вверх заглядывая в глаза, но я отвернулся. Стал доставать склянки из мешочка, открывать, нюхать и ставить на багажник.

– Почему? – спросила Юна.

Я пожал плечами:

– Теперь я не могу тебе доверять. То есть я и раньше не доверял, но сейчас... получается, от тебя можно ожидать вообще всего что угодно. Любого поступка. Отвернусь, а тебе что-то стукнет в голову, и ты засадишь мне пулю в затылок. Короче, иди куда тебе надо. Вернее, езжай. Я возьму часть припасов, обрез и патроны к нему. Тебе оставлю винтовку и...

– Да что ты их нюхаешь? – перебила она и забрала у меня очередную склянку. – Ты что, не знаешь, что это такое? А ну развяжи руку... Так... Чем это ты проколол? Ладно, не важно.

Юна открыла пузатую баночку, намазала оставленные на моей ладони шипами раны густой пахучей мазью, потом обмотала мне кисть чистой тряпкой. Складывая склянки об-

ратно в мешочек, сказала:

– Я не доеду без тебя. До кормильцев, может, доберусь, но там...

– Ты говорила, тебя ждут в Балашихе.

– Да, но мне еще надо попасть туда! А теперь у меня даже нет денег, чтобы нанять кого-нибудь для охраны.

– Я не знаю этих мест. Никогда не бывал здесь. Поэтому ничем тебе не помогу.

– Это не важно! Ты умеешь драться. Драться и стрелять, мне это нужно.

Наверное, я и вправду был нужен ей. Но я совсем не был уверен в том, что раскаяние девчонки и те слова, которые она сказала перед тем, как я чуть было не ударил ее, искренни. Юна могла опять все рассчитать, как тогда, при виде кетчеров, и просто пыталась манипулировать мною.

Поэтому я покачал головой, забросил полупустую котомку на плечо и стал прилаживать ремень хауды так, чтобы она не болталась слишком низко на боку, но и не висела чересчур высоко под мышкой.

Юна Гало опустила голову, закусив губу. Кажется, в глазах ее были слезы, но я не приглядывался.

Я смотрел совсем на другое.

Она стояла боком ко мне. Правый рукав почти оторвался, воротник над плечом тоже, и в прорехе под шеей виднелась смуглая кожа.

А на коже татуировка.

Рисунок.

Человек внутри шестерни.

Точно такой же был на перстне доктора Губерта.

Глава 9

Тачка оказалась тяжела на разгон и плохо слушалась руля, двигатель тарахтел и часто кашлял, плюясь гарью из выхлопной трубы. Зато, хотя она выглядела приземистой, клиренс из-за больших колес получался высоким, да и сами колеса – будь здоров, так что проходимость у нее была приличная.

Покинув рошу, мы проехали глубокую лужу и перевалили через холм, а дальше потянулся пустырь с силуэтами зданий на горизонте.

Сидя за рулем, я размышлял над происходящим. Старые подозрения проснулись во мне. Что, если это виртуал, а человек в шестерне – знак, который подает мне Губерт, что-то вроде внутреннего пароля, который он упоминал? Вдруг по какой-то причине они потеряли возможность управлять своим виртуальным детищем и отправили меня сюда... ну как агента, чтобы я разобрался с проблемой? После подключения я должен был пройти инструктаж, но из-за системного сбоя меня сразу выбросило в эту локацию, и девушка с татуировкой – вроде программы-проводника, которую Губерт быстро инсталлировал в помощь мне?

Юна спала на соседнем сиденье с винтовкой Бурноса на коленях. Объехав торчащий из земли огрызок бетонной плиты с клубком ржавой арматуры на торце, я поморщился. Бред! Драка с Сипом, рана, боль в руке, манис, врезавший-

ся башкой мне в грудь... все слишком реально. Ни в какой виртуальной локации невозможно такое.

Хотя если поток сигналов идет прямо в мозг через какие-то нейрошунты, то всё, включая и боль, должно быть для меня абсолютно реальным. В том-то и дело: если это прямое подключение к зрительному, слуховому, обонятельному и прочим центрам, у меня нет возможности отличить, реальность вокруг или нет. Потому что в мозг поступают такие же сигналы, как если бы я видел обычные вещи в физическом мире, ощущал их, слышал звуки и чувствовал запахи. Ведь все это точно так же создает сигналы в мозгу. Я помню, как мы тренировались на летных симуляторах – без всякого «прямого подключения» возникала очень плотная иллюзия, все внутри екало и обрывалось, если машина падала, а от перегрузки сердце начинало громко стучать, разгоняя кровь... И этих эффектов в нашем лагере добивались лишь с помощью телешлема и сенсорного костюма не самой последней модели, что уж говорить о более сложных технологиях...

Я окинул взглядом пустырь. Какая-то Матрица, сто мутафагов вам в зад!

Одно я теперь понимал хорошо: мне ни за что нельзя упускать из вида Юну Гало. Что бы там ни было, она – мой ключ к дверце, за которой спрятана разгадка происходящего. У меня было четкое, ясное ощущение: если мы почему-либо расстанемся, если я потеряю ее, то никогда ни в чем не разберусь. Буду бродить между свалками и пустырями, населен-

ными кетчерами и бродягами, всяким зверьем, мутафагами, ящерами, пока в один прекрасный день кто-то не подстрелит меня или не отгрызет мне башку.

Не отводя взгляда от пустыря впереди, я нащупал фляжку между сиденьями, зубами сорвал колпачок, выплюнул его и сделал несколько глотков самогона.

– Рука еще болит? – сонно спросила Юна. – Сильно?

Я снова отхлебнул. Самогон был крепкий – в голове зашумело. Наплевать, тут нет гаишников и камер слежения.

– Возьми, – сказал я, не поворачивая головы.

Юна взяла у меня фляжку, сделала маленький глоток, нашла колпачок под ногами, завинтила ее и положила обратно. И снова откинулась на спинку сиденья, устало закрыв глаза.

Я с подозрением покосился на девушку. Что, если она все знает? Знает тайну этой реальности, причину моего появления здесь, знает, кто я на самом деле такой...

Нет, это уже паранойя. Но откуда тогда у нее наколка с рисунком?

Утром, заметив его, я едва сдержался, чтобы не схватить Юну Гало за плечи и не вытрясти из нее правду. Удержала меня одна мысль: если это какой-то заговор, то она просто соврет мне, а возможности проверить ее слова у меня нет. Действовать следовало осторожно, и лишь позже, согласившись охранять ее дальше и уже садясь в машину, я невзначай спросил про наколку. Девушка удивилась, потерла кожу у основания шеи и сказала, что татуировка у нее с детства.

А потом нахмурилась и добавила:

– Странно, теперь, когда ты спросил, я подумала... Ведь я несколько раз пыталась узнать у отца, откуда она взялась и что значит этот рисунок, но он всегда переводил разговор на другое.

Тимерлан. Тимерлан Гало, глава Меха-Корпа, то есть Механической Корпорации. Их база в Арзамасе, а мы сейчас между Арзамасом и Москвой. Мысленно представив себе географическую карту, я вспомнил, что где-то в этом районе находятся Владимир, Муром, Рязань... И Ока? Ведь к юго-востоку от Москвы протекает Ока. Или мы ближе к столице?

Или Ока пересохла?

Возможно, то русло с железнодорожным мостом – все, что осталось от Оки?

Я вел машину дальше через болотистые пустыри, объезжая рощи и остатки строений. Может, мне соврать Юне Гало, что после некроза я ничего не помню? Не помню даже, как забрел на тот холм? Чтобы она рассказала мне все про этот мир...

Нет, пока что я не настолько доверял ей. Мне казалось, что сегодня она не врала и была искренней, когда просила прощения, но если девчонка поймет, как мало я понимаю в происходящем, то сможет крутить мною как захочет.

Иногда машина ехала по твердой земле, иногда под колесами хлюпала грязь или булькала мутная вода в лужах. Я повернул, оставляя слева большой холмовейник, который вы-

сился на крыше здания, ушедшего в землю до самых окон, и тогда Юна сказала:

– Я расскажу тебе, что происходит.

– Давно пора, – проворчал я.

Не обращая внимания на мой тон, она продолжала:

– Чтобы доверять мне, ты должен понимать, во что ввязался. Я еду в Храм, чтобы...

– Храм? – перебил я. Как и огромное тело, летевшее в небе прошлой ночью, это слово – а вернее, то, что под ним обычно подразумевают, – выпадало из общей картины бесконечных пустырей, свалок, грязных оборванцев и бандитов на примитивных тачках. Хотя ведь преследовали фургон Юны Гало какие-то монахи...

– Ну да. – Она взглянула на меня. – Почему ты удивился? Храм Ордена Чистоты.

Чтобы как-то загладить оплошность, я спросил:

– Какие дела могут быть у Меха-Корпа с Орденом?

И, как выяснилось, угадал. Юна кивнула:

– Да, наверное, это непонятно. Орден не любит нас. Но мы обещали поддержать их в борьбе с мутантами, если они согласятся помочь. Некроз окружил Арзамас, в городе заперто множество людей. Мы связались с небоходами, но пока они пришлют свои дирижабли...

Небоходы, дирижабли? Интересно, а самолеты у них есть? Надо было как-то поддержать разговор, и я сказал:

– У дирижаблей небольшая скорость.

– К тому же их просто не хватит, чтобы вывезти всех! – подхватила она. – И потом, в Арзамасе все наши лаборатории, мастерские, если некроз накроет его, Меха-Корпу конец. А Владыка дал понять, что знает, как остановить некроз. Поэтому я и еду...

– Я не понимаю двух вещей, – опять перебил я.

– Ты можешь задавать любые вопросы, Разин. Я не буду ничего скрывать.

Впереди заблестели воды озера, затянутые радужной пленкой, через него вел широкий мосток. Направив к нему машину, я спросил:

– Почему на переговоры послали тебя? Ты...

– Я дочь Тимерлана Гало, главы Меха-Корпа!

– Но ты еще совсем молодая.

Она снова удивленно взглянула на меня. И заговорила сухо:

– Меня обучали этому с детства. Готовили к роли переговорщика. Четыре сезона назад я заключила свой первый договор с харьковскими Цехами на поставку нарезных карабинов. Теперь на всех переговорах Меха-Корп представляю я. Так кому еще ехать в Москву?

– Твоему отцу. Ведь решается вопрос жизни и смерти всей Корпорации...

– Но мой отец – не переговорщик! Разин, у вас на юге как-то странно ведутся дела... Отец в Арзамасе, сейчас там слишком много всего происходит, чтобы он мог покинуть

город, и к тому же он... – Юна замолчала.

Не дождавшись продолжения, я сказал:

– Ну хорошо, второй вопрос: почему за тобой гнались монахи? Если ты едешь договариваться с их Владыкой...

Я смолк, поняв, какую ошибку, возможно, допустил. Что, если этот Храм никак не связан с монахами? Может, в нем сидят какие-нибудь жрецы, а монахами тут называют особую банду...

– Я тоже не понимаю этого! – воскликнула Юна с горячностью, и я мысленно перевел дух. Девушка добавила уже спокойнее: – Они напали на нас, как только мы вылетели из Арзамаса. У нас с визитом был переговорщик от небоходов. На своем дирижабле он должен был довезти меня до Балашихи, где будет ждать Лука Стидич, посланник Владыки, а сам собирался лететь дальше в Минск и рассказать другим небоходам, что происходит в Арзамасе. Но как только дирижабль перелетел через полосу некроза, по нему открыли огонь с земли. Мы летели невысоко, дирижабль упал, появились монахи, началась стрельба. Большинство из тех, кто летел со мной, были убиты. И команда дирижабля тоже. Мы забрали самоход у какого-то торговца, который проезжал мимо. Вернее, Михайл хотел просто забрать, но я заплатила... На самоходе поехали дальше, а оставшиеся в живых монахи погнались за нами. Два мотоцикла вырвались вперед, почти догнали. Тут появился ты. Наверное, остальные монахи на самоходах и сейчас едут сзади. Кетчеров на свалке было

слишком мало, чтобы справиться с ними... – Замолчав, она вдруг повернулась и стала смотреть назад.

Машина съехала с мостка, и я покосился на девушку. Встав коленями на сиденье, она упиралась локтями в спинку. Иногда Юна Гало казалась зрелой и серьезной, опытной, привыкшей решать важные вопросы, а иногда взрослость будто слетала с нее... Вот как сейчас, например.

– Что там? – спросил я, кинув взгляд через плечо. Ничего интересного позади не было.

– Я вдруг подумала, что те монахи из Киева, – пробормотала она.

Не зная, что сказать на это, я молчал.

– Ведь они с москвичами... Мне говорили, что в последнее время, после того как в киевском Храме сменился Владыка, у них испортились отношения. Киевские немного другой знак носят на груди, он у них посеребрённый, а в Москве – медный. Ведь ты видел, да? Значит, это не те, к кому я еду... Но зачем киевлянам охотиться за нами?

Я спросил:

– Что конкретно Меха-Корп обещал Владыке в обмен на помощь против некроза?

– Московский Храм хочет выбить мутантов с севера Пустоши, а для этого его сил недостаточно. Монахи обратились за помощью к топливным королям, но кланы отказались... Они возьмутся за мутантов, только если те подойдут совсем близко к их скважинам и нефтяным полям. А Ме-

ха-Корп согласен помочь.

– Ты говорила, Орден с вами не очень-то дружен.

– Конечно, как и топливные кланы. Потому что в наших лабораториях делают такое... Мы единственные, кто пытается развить древнюю науку, которую до Погибели называли электроникой. Может, ты не знаешь этого, Разин, – перед Погибелью люди получали энергию не из нефти или угля, а от солнца и других источников. И топливные кланы боятся, что мы сможем возродить это ремесло. Тогда нефть упадет в цене или их скважины станут вообще не нужны. Ведь сейчас они заправляют на всей Пустоши, а так... Ну а Храм всегда выступал против техники, против наших изобретений, против всего нового. Там уверены, что именно из-за этого и наступила Погибель и теперь мутанты, порождения Нечистого, угрожают всем. Но если наша техника может помочь монахам уничтожить мутантов, они согласны поступиться принципами. Потому на переговоры пошли и они, и мы.

Погибель? Она произносила слово так, будто оно означало нечто очень важное. Я нахмурился, пытаюсь сложить из того, что узнал, общую картину. Значит, помимо банд кетчеров, здесь есть как минимум четыре серьезные силы: Орден Чистоты, небоходы, топливные кланы и Меха-Корп. И все они недолюбливают друг друга. Механическая Корпорация пытается развивать электронику и технику, Орден отвечает за идеологию и пытается уничтожить мутантов. Небоходы – либо перевозчики, либо... В общем, авиация всегда

была одной из решающих ударных сил в бою. Ну а топливные короли добывают нефть, перерабатывают ее в горючее, которым торгуют по всей Пустоши, и, судя по всему, не позволяют заниматься этим другим. Да, и еще Орден разделен на два Храма, московский и киевский, отношения между которыми тоже не ахти. Плюс есть еще какие-то харьковские Цеха, занимающиеся оружием... Политика! Знакомое дело, в моем мире было не лучше. Кажется, я попал в самый центр какой-то большой политической игры.

Непривычно только то, что решать такой важный вопрос послали молодую девушку, пусть даже она дочка очень важной персоны...

Голова гудела от всех этих сведений, и я задал последний вопрос:

– Так что такое есть у Храма, что может помочь вам справиться с некрозом?

Юна покачала головой:

– Я не знаю. Владыка Гест сообщит на переговорах, или Лука Стидич расскажет мне раньше, по дороге в Москву. Разин, ты проверял бак? Кажется, горючего было совсем мало. Нам надо туда, – она показала левее развалин, которые все четче проступали на горизонте.

– Что там? – спросил я.

– Разлом, что же там еще может быть? Перед ним нефтяная скважина Южного братства, рядом поселок и топливохранилище. Оттуда вдоль Ленинского тракта к Москве идет

их трубопровод. В хранилище сможем заправиться и ехать дальше в Балашиху. Только у меня совсем не осталось денег.

* * *

Двигатель кашлял и бурчал, словно сердился, что его не кормят. Мы ехали не останавливаясь, на ходу поели, потом Юна предложила сменить меня за рулем, но я отказался. Рука ныла, хотя и не очень сильно – мазь из склянки хорошо заживляла, – но пальцы еще слушались плохо.

Солнце только начало клониться к горизонту, когда машина выкатилась на сильно поврежденную асфальтовую дорогу. В паре километров впереди виднелось что-то темно-серое, некоторое время я не мог понять, что это там такое, потом вспомнил слова Юны про скважину и топлиохранилище... Значит, впереди нефтяное поле?

– Только бы дотянуть, – сказала она. – Может, как-то договоримся насчет горючего.

– Кому принадлежит этот поселок?

– Я же говорила, Южному братству. И скважина, и перерабатывающий завод.

– Богатый клан? – поинтересовался я.

И снова она взглянула на меня удивленно:

– Ну конечно. Он самый большой из топливных... Как ты можешь не знать этого?

– Не забывай, я с берега... с границы Донной пустыни. На

севере Пустоши никогда не бывал и плохо понимаю, что у вас здесь к чему.

– Но про топливных королей знают все! А Южное братство торгует по всей Пустоши, даже на Крыме. Разин, чем ты занимался раньше?

– Воевал.

– За кого, где? Ты был в том ополчении, которое крымчане послали против кочевников Донной пустыни?

– Да, – кивнул я, так как не знал, что сказать еще. – Меня взяли в плен, я несколько лет... то есть много сезонов жил у кочевников. Пока не сбежал. Потому-то и плохо знаю, что здесь к чему.

– И тебя не съели? – спросила она. – Ведь все кочевники людоеды. Каннибалы, так говорят. Это правда?

– Ну, не то чтобы все-е... – протянул я.

Мы подъезжали к поселку Южного братства, окруженному оградой из глиняных кирпичей. Перед ней землю залили цементом, из которого торчали осколки бутылок и заточенные концы арматуры. По верхнему краю ограды тянулась колючая проволока.

По сторонам дороги стояли две цистерны, между ними были железные створки, над цистернами торчали стволы пулеметов.

– Лучше я сама буду говорить, – сказала Юна. – Нельзя, чтобы они догадались, кто я. Останови сендер и не выходи.

Я притормозил, не глуша двигатель. В основании цистерн

были прорезаны двери – одна открылась, и наружу вышли двое с кобурами на ремнях. Юна, оставив винтовку Бурноса на сиденье, направилась к ним.

Впереди Балашиха, причем до нее, судя по словам девушки, недалеко. То есть мы в Подмоскowie – и откуда здесь нефть? Юна упоминала Погибель... Это что – как Рождество Христово, некое событие, от которого они ведут отсчет? До Погибели было одно, после Погибели – другое... Может, нефть в этих местах появилась в результате какой-то катастрофы? Я читал, что иногда крупное землетрясение выдавливает ее ближе к поверхности, из-за этого доступ к большим нефтяным запасам может появиться там, где раньше его не было. Если впереди Разлом – как и многие другие слова, это Юна выделяла голосом, – то есть большая трещина, расколовшая, возможно, даже часть тектонической плиты... Ну да, тогда возможно появление нефти и в этом районе.

Юна с одним охранником осталась возле цистерны, а второй направился ко мне. Я сидел неподвижно и глядел перед собой. Он медленно обошел машину, постучал кулаком по багажнику, похлопал по котомке. Взял винтовку Бурноса, оглядев, поцокал языком и небрежно бросил обратно. Когда охранник встал перед машиной, я поднял взгляд. Он смотрел на меня насмешливо и слегка презрительно.

– Говорят, с самой Донной пустыни к нам приехал, бродяга? – отчетливо акая, спросил охранник. – Там у вас все в такой одеже ходят?

Я равнодушно отвернулся. Он постоял еще немного – я буквально физически ощущал, как в нем усиливается раздражение, – но потом его окликнули от цистерны, и охранник пошел обратно.

Вернувшаяся Юна села рядом со мной. Охранники стали открывать ворота.

– Что ты им сказала? – спросил я, заводя двигатель.

– Что я с фермы из-под Арзамаса. Некроз накрыл ее, я одна спаслась. А ты мой брат, который жил возле Донной пустыни, но недавно возвратился к нам. Прикатили сюда, просто потому что больше нам некуда податься.

Ворота со скрипом открылись, и мы въехали в поселок Южного братства.

Глава 10

Машина едва дотянула до заправки – остановилась неподалеку от железной тумбы, чихнув напоследок гарью из выхлопной трубы.

Из гнезда в тумбе торчал пистолет, от него в основание уходил шланг. С другой стороны изогнутая рукоять – наверно, ее нужно качать, чтобы полилось горючее. Из будки под навесом показался человек в брезентовом комбезе, и выпрыгнувшая наружу Юна спросила:

– Где управитель?

– А там... – заправщик стал что-то говорить, подойдя ближе к девушке и откровенно пялясь на нее.

Рядом с заправкой стояли сцепка из трех цистерн на колесах и тягач, сплошь обвешанный броней. На кабине сидел мужик с ружьем и глядел на нас. С другой стороны была котельная, из трубы поднимался столб дыма. На крыше котельной на массивных железных козлах покоились две емкости, заляпанные мазутом, с пластинами застывшего дегтя на боках. От емкостей в крышу уходили толстые трубы.

Я вышел из машины, повесив хауду на плечо, и осмотрелся. Красотами архитектуры поселок нефтяников не блистал: пара длинных барачков с окошками, закрытыми пленкой, двухэтажный кирпичный дом с черно-желтым флагом на крыше. На первом этаже дома была, судя по всему, столо-

вая, оттуда доносились звон и голоса, а на втором, как я решил поначалу, комнаты для приезжих, но почему-то заправщик в ответ на вопрос про управителя показал именно в ту сторону. Может, там находится местная администрация?

Между бараками из огороженного участка торчала длинная железная труба с перекладинами лестницы, вверху вращался на ветру пропеллер. Труба, удерживаемая тросами-растяжками, покачивалась и скрипела, от основания ее жгут толстых проводов тянулся к стоящему прямо на земле железному шкафу трансформатора. Он громко гудел, сквозь решетку в верхней части вылетали искры.

Поговорив с Юной, заправщик ушел обратно в будку, где сидел еще один человек. Я снял котомку с багажника, девушка взяла ружье. Пара любопытных высунулась из окон барачков, несколько прохожих оглянулись на нас. Одевались нефтяники получше обитателей Серой Гари – оборванцев здесь не было, на людях брезентовые комбинезоны, штаны и свободные домотканые рубахи, кожаные куртки, сапоги и ботинки, шляпы.

Сразу за навесом начинался крутой склон, внизу протянулась кирпичная ограда с колючкой, над ней торчала вышка, где сидел часовой. А за оградой раскинулся нефтяной бассейн: черное, глянцево поблескивающее озеро с бурыми островками земли. На другом берегу виднелась труба, уходящая через поле, за которым били в небо факелы огня.

Сзади раздался треск, и я обернулся. Из решетки в верх-

ней части трансформатора повалил дым. Шкаф загудел, внутри замигало, и тут же погасли прожекторы, которые включили охранники на воротах.

Распахнулось окно на втором этаже кирпичного дома, высунувшийся наружу толстомордый усатый мужик пробасил:

– Вашу мать, опять? Где Чак?!

Дверь будки под навесом открылась, и оттуда, вытирая губы, рысцой выбежал карлик в комбинезончике с подпалинами и дырой на рукаве, с железным чемоданчиком в руках. Был он около метра ростом, может, чуть больше. На бритой голове татуировка – широко раскрытый глаз внутри треугольника.

– Издеся я! – крикнул карлик фальцетом и побежал к трансформатору.

Выглянул заправщик со стаканом в руках, увидел усатого в окне и побыстрее спрятался в будку.

– Опять пьете, сволочи? Если щас не починишь – отправлю ночью в патруль на тот берег! Ты понял?!

– Понял я, понял! – завопил в ответ карлик. – Но дюймового сечения нет! Если нет его – как чинить?

Усатый показал Чаку кулак, плюнул и закрыл окно.

Но тут же, высунувшись опять, стал с подозрением разглядывать нас.

– А где Разлом? – спросил я, повернувшись к Юне.

Она махнула рукой в противоположную от нефтяного бассейна сторону.

– Стой лучше возле машины, наемник. Я пойду к управителю, попробую договориться. Наверное, это он из окна смотрит.

– Зачем тебе управитель?

– В поселках нефтяников он всеми командует, без его разрешения никто ничего не сделает. Попробую обменять винтовку на топливо.

– И сразу двинем дальше?

Она покачала головой:

– Нет смысла. Лука Стидич будет ждать нас в Балашихе только завтра к вечеру, не раньше. Лучше переночевать здесь. Завтра поедем вдоль Разлома, через переправу на Щелковском тракте доберемся до Балашихи.

– Но здесь могут появиться монахи.

– Да, а если сразу выедем, могут догнать нас прямо в пути. В поселке Южного братства им, по крайней мере, не дадут поднять стрельбу. А могут и вообще внутрь не пустить, если они вправду из Киева, а не московские.

– Давай я сам с управителем поговорю, – предложил я. – Не нравится мне его рожа.

– Нет, ты возле машины стой. Ты плохо знаешь, что здесь к чему, лучше мне. Главное, если к тебе кто-то подойдет с расспросами, не разболтай, что я из Меха-Корпа. Если они узнают, кто я такая...

– Что будет? – спросил я.

Она покачала головой:

– Один Владыка знает, что будет. Например, они могут взять меня в заложницы, чтобы потом попытаться диктовать условия отцу. Или выкуп потребовать. Или управитель может испугаться, он же только здесь король, а так – мелкая сошка... Может испугаться и с почестями нас дальше в Балашиху отправить. Охрану дать, топливо бесплатно. Но при том послать в Москву побыстрее гонца, чтоб в Цитадель Южного братства доложил обо всем. Или по радио сообщить, если оно тут есть. Короче, они ничего не должны про меня знать. Просто мы беженцы с фермы, и всё, хорошо?

– Ладно, – согласился я, – но попробуй ружье продать, а не обменять. Потому что нам нужно не только горючее, надо еще поесть. Да и переночевать хотелось бы не в тачке.

– Гостиницы тут нет, только бараки нефтяников. И почему ты все время говоришь «тачка»? Это такая маленькая тележка, в которой ломщики возят камни и всякое другое. А это, – девушка постучала по запыленному борту машины, – сендер. Автомобиль, чтобы можно было ездить даже по песку в центре Пустоши. Видишь, какие колеса?

– Просто так иногда выражаются у нас на юге, – пояснил я.

Юна направилась к двухэтажному дому. Местные, наглазевшись на нас, разошлись, усатый – скорее всего, это и был управитель – скрылся в окне, заправщик из будки не высывался. Карлик, распахнув дверцу трансформатора, достал оттуда табуретку, залез на нее и начал копать в проводах, что-то бубня и ругаясь тонким голосом. Железный шкаф

плевался дымом, шипел и постреливал искрами.

Я взял фляги, сделал несколько глотков самогона из одной, запил водой из другой, сел на капот и стал разглядывать улицу.

Юна справилась быстро и, вернувшись, показала мне несколько монет. Одна была немного больше остальных – я взял ее, повертел в руках. Три золотых, которые у меня забрал Бурнос, я тогда так и не успел рассмотреть. На монете была неразборчивая мелкая надпись, с другой стороны отчеканен человеческий профиль, под ним распятие в виде буквы «Х», как на груди монаха.

– Не видел таких, что ли? – спросила Юна. – Это киевская гривна, она везде в ходу. Ладно, накачай дизеля, в канистру тоже залей, и идем. Спать придется в бараке, гостиницы тут нет, как я и думала.

Заправщик сказал, что машину можно оставить под навесом, взял деньги и помог мне залить горючее в бак. Потом мы поели в столовой нефтяников на первом этаже – нам выдали по миске с кукурузной кашей, хлеб и кувшин с кислым пивом, которое мне не понравилось, так что пришлось запивать ужин водой из фляжки.

Стемнело, в зале зажгли свет, но он часто мигал и в конце концов погас – вышедший из кухни дородный повар, ругая Чака, разжег масляные лампы.

Мы устали и после ужина сразу пошли в барак. Одна смена нефтяников еще не вернулась, другая еще не встала.

Длинное полутемное помещение с низким потолком оглашал храп, под койками, стоящими двумя рядами вдоль стен, валялись грязные сапоги и ботинки, на лавках у кроватей лежало шмотье. Запах в помещении был соответствующий.

Тут выяснилось, что нам выделили одно место на двоих. Койки-то были широкие, но это все равно очень не понравилось Юне Гало. Она стащила одеяло, положила на пол и объявила, что мне предстоит спать там. Я сказал, что не собираюсь этого делать. Она возразила, что не собирается спать с каким-то наемником. Я ответил, что если она не хочет спать с каким-то наемником, то может выбирать любую лежанку и спать с каким-то нефтяником. И что вообще я настолько вымотался, что меня сейчас совсем не тянет к ее полудетским прелестям.

Девчонка обиделась, и дело закончилось тем, что она сама улеглась на одеяло у койки, забрав подушку. Я лег и сказал, чтоб она не дурила и перебиралась сюда. В ответ донеслось сопение – Юна то ли делала вид, что уже заснула, то ли и вправду тут же вырубилась.

Я положил хауду на узкую шаткую лавку, стащил ботинки, но комбинезон снимать не стал, лишь скинул с плеча лямки. Лег, подложив руки под голову. Левая все еще болела, но теперь особо не досаждала. Перед ужином Юна еще раз помазала мне ладонь, сменив повязку.

Закрыв глаза, я подумал о том, что надо перебрать в памяти все произошедшее за сегодня, – и провалился в сон...

И рывком сел, уставившись перед собой. А что, если некроз – это вирус? Вирус, пожирающий виртуальную локацию доктора Губерта? Вот почему меня послали сюда – чтобы я справился с ним. Из-за вируса программы, отвечающие за поведение людей и животных, начинают сбоить, и в виртуале я вижу это как плесень, все эти странные дерганья, судороги и прочее...

В бараке было темно, одинокая лампочка под потолком не горела – карлику так и не удалось наладить трансформатор. Со всех сторон храпели нефтяники.

Повернув голову, я увидел Юну Гало. Ночью она вместе с подушкой и одеялом перебралась на койку, и теперь спала рядом, ко мне лицом. Одеялом она накрыла нас обоих. Профиль на фоне светло-серой подушки казался совсем детским и каким-то беззащитным. Ее куртка и штаны лежали на лавке рядом с хаудой, ботинки стояли на полу.

Что меня разбудило? Мысль о том, что некроз – это вирус? Но во сне не бывает связных мыслей... хотя догадка прийти могла, приснилась же, говорят, Менделееву его таблица.

В первую секунду я решил, что догадка эта гениальна и объясняет все происходящее, но теперь она не казалась мне такой уж убедительной. Скорее – нелепой.

Да и разве это она меня разбудила? Нет, тут что-то другое... Предчувствие. Хорошо знакомое мне предчувствие, которое не посещало меня с тех самых пор, как я очнулся

после эксперимента.

Что-то происходит. Или вот-вот начнется. Что-то опасное.

Снаружи донесся приглушенный шум двигателя. Я слез с койки, обошел ее и сел на той стороне, где спала Юна. Натянул пластиковые мокасины. Двигатель заглох, раздались голоса. Я подошел к окну.

Отсюда виднелись край заправки, склон, сторожевая вышка, ограда и нефтяной бассейн за нею. На вышке горели сразу три лампы, в свете их я разглядел спящего часового. Над озером нефти клубился плотный туман, в лунном свете казавшийся темно-серебристым, ртутным. Он полз из глубины озера, накатывая ленивыми волнами, подбираясь все ближе к берегу.

Голоса доносились с другой стороны, и я пошел к окну в противоположной стене.

Прожекторы на воротах не работали, но по всей улице горели масляные лампы на низких столбах с крюками. Возле трансформатора на табурете сидел карлик Чак и что-то угрюмо бубнил, перебирая железяки у себя на коленях. Я посмотрел в другую сторону – у приоткрытых ворот стояли две машины, рядом – люди в брезентовых куртках. Я прищурился. Из четверых трое бородатые, но это еще ни о чем не говорило.

Донесся акающий голос охранника, который днем пытался заговорить со мной:

– Долго ехали?

– Трое суток без перерыву, – ответил человек, сидящий в одной из машин. – Здесь тихо?

В разговор вступил другой охранник:

– Ты ж знаешь, Игнат, у Разлома всегда тихо. Мутанты сюда не забредают, монахи хорошо их в том сезоне припугнули.

Нет, это не наши преследователи, а люди из Южного братства. Отвернувшись от окна, я окинул взглядом барак. Нефтяники храпели и сопели, кто-то бормотал, кто-то ворочался во сне.

Что же меня разбудило?

Юна Гало приподнялась и посмотрела на меня. Я сел на край лежанки.

– Что случилось? – шепотом спросила девушка.

– Ничего.

– Почему ты проснулся?

– Не знаю, что-то разбудило. Но снаружи вроде все нормально. Приехал кто-то.

– Приехал? – повторила она, садясь.

– Это не монахи, какие-то местные. Еще туман там...

– Тогда ложись и спи... – Она вдруг уставилась на меня: – Какой туман? Где?

– Над озером, густой такой. Странно, откуда он там? Может, сырая нефть парит...

Она вскочила и босиком побежала к окну. На ней была

только светлая сорочка.

Взяв хауду с лавки, я пошел за Юной. Выглянув из окна, девушка тихо ахнула.

Туман успел накрыть вышку и вползал по склону. Как-то странно он двигался. Широкой полосой, которая грозила разделить поселок надвое так, что в одной половине останутся ворота, заправка и двухэтажный дом с парой барачков, а в другой – здание, где находимся мы, котельная и трансформатор с пригорюнившимся карликом на табурете.

Движение на вышке привлекло мое внимание, и я подался вперед, продавив лбом пленку в окне. Часовой дергался, лежа поперек дощатой площадки. Мы с Юной Гало сказали хором:

– Некроз!

Получилось громко, в углу заворочался нефтяник. На соседней койке сел другой, проворчал что-то сонно.

– Быстро одевайся, – прошептал я Юне. – Туман сейчас отрежет нас от сендера.

Девушка поспешила назад, я за ней, на ходу натягивая на плечи лямки комбеза. Нефтяник, пробормотав что-то, опять улегся, второй взял с лавки бутылку и стал гулко пить.

Пока я подпоясывался и доставал спрятанную под лежанкой котомку, Юна успела одеться. Нефтяники вроде успокоились, все опять улеглись. Мы на цыпочках подошли к двери, и тогда снаружи раздался истошный крик карлика Чака:

– Тревога! Некроз! Проснитесь, дурни!!!

Когда мы выскочили наружу, полоса низко стелившегося тумана уже разделила поселок на две половины. Свет луны будто отражался от длинного языка ртутной мглы, выползшего из нефтяного озера. Полоса расширялась, и с захваченным туманом пространством что-то происходило. Трудно описать, что именно... Мне вдруг пришло в голову необычное сравнение: пространство сворачивалось, будто прокисшее молоко.

Из барakov валили нефтяники. С другой стороны от стоящих у ворот машин к туману направились несколько человек. Ближе всех рискнул подойти высокий бородач, и я разглядел черные галифе на нем.

Монах? Выходит, это все же они. Но почему охранники разговаривали с гостями, будто они давно знакомы?

Полоса тумана, разделившая поселок на две части, быстро расширялась. Вокруг кричали, нефтяники выбегали из барakov, на ходу одеваясь. Один натолкнулся на нас, я отпихнул его плечом, другой зацепил стоящее у двери ведро и упал. Несколько человек побежали за барак. На второй половине тоже царила неразбериха.

– Как отсюда можно выехать? – спросил я, повернувшись к Юне. – Ворота остались на той стороне, есть другая дорога из поселка?

– Да, к Разлому ведет... Что ты говоришь, ведь сендер там!

– Точно, и еще там монахи. Но ты забыла кое-что...

– Монахи? – перебила она.

В этот момент тот, что стоял ближе всех к некрозу, заметил нас.

Вернее, меня-то он не знал – значит, увидел Юну. Монах закричал что-то остальным, пятась от наступающего некроза.

– Отойди назад. За трансформатор! – велел я девушке и бросился в ртутный туман.

Сзади завопили, кто-то изумленно выругался. Как только я нырнул в некроз, свет луны померк, звуки стали более глухими, далекими. На холме с лабораторией такого не было... Наверное, это связано с тем, что здесь некроз только разрастается, а там пятно было старым.

Из-под ног с хлопаньем взлетали влажные ошметки. Это что, молодая плесень, которая после затвердеет и станет коркой? Только бы за прошедшее время никуда не делся мой иммунитет к ней!

Когда я вынырнул с другой стороны, звуки сразу стали громче, а масляные лампы, которые из затянутой некрозом области казались размытыми блеклыми пятнами, разгорелись ярче.

Туман накрыл часть заправки, но тумба и сендер пока оставались на свободном от него месте. Ближе к воротам сто-

Яли четверо монахов, высокий бородач с ошеломленным видом показывал на меня пальцем.

Другой монах поднял ружье, но третий подбил ствол, и пуля ударила в навес над моей головой.

На бегу вскинув хауду, я выстрелил из одного ствола. Двое монахов присели, третий повалился на землю – дробь зацепила его бок.

Упав на сиденье, я рванул кольцо, от которого в панель уходил тросик. Хрипнул стартер, и двигатель завелся. Из будки, едва различимой во мгле, выбрела фигура, поковыляла к машине... Это был заправщик. Он тихо выл, запрокинув голову, качаясь, раздирал ногтями лицо. Я дал задний ход, стал разворачиваться, чтобы не сбить его, а он встал на колени и вытянул перед собой руки. Левый глаз исчез в темной пузырящейся каше, правый вращался, кожу на щеках заправщик разодрал так, что сквозь раны поблескивали зубы. И такие вещи вытворяет с людьми некроз? Ясно, почему его так боятся.

Щелкнул выстрел, пуля ударила в багажник. Монахи пытались пробить шины сендера, но почему-то не целились в меня. Я вдавил газ. Машина, выскочив из-под навеса, нырнула в ртутную мглу. Удерживая руль одной рукой, я развернулся на сиденье и выстрелил из второго ствола.

На секунду стало темно и тихо, а после огни масляных ламп вновь засияли, крики и топот донеслись сквозь рев двигателя. Я повернул, едва не сбив двух бегущих нефтяников,

проехал мимо трансформатора и ударил по тормозам. Когда машина встала, я, выпрямившись во весь рост на сиденье, крикнул:

– Юна!

Вокруг метались люди, в котельной кто-то отдавал команды. Двери ее открылись, наружу вывалились несколько человек. За полосой мглы монахи садились в свои машины и разворачивались к распахнутым воротам. Решили, наверно, объехать поселок, чтобы добраться до нас.

Беглого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: нигде на сендере не появилась влажная плесень. Я перегнулся через борт. На колесах вроде тоже ничего. Хорошо, что полоса еще узкая, машина проскочила через нее быстро.

Но где девчонка? Выскочив из сендера, я обежал трансформатор, и тут Юна появилась из-за барака. На одном плече висел ремень с кобурой, на другом – патронташ.

– Ты где была?! – крикнул я.

– Надо было... еще оружие... – Юна, пробежав мимо, полезла в сендер. – Разин, ты прошел через некроз! Теперь я сама видела! Это... это невероятно!

Я прыгнул на водительское сиденье, включил передачу и утопил педаль. За бараками начался пожар, загудело пламя, повалил такой густой дух паленой резины, что Юна закашлялась. Когда сендер проехал мимо котельной, девушка крикнула:

– Влево давай! За тот склад!

– Откуда ты знаешь? – спросил я, поворачивая руль. – Ты же не была здесь.

– Но Разлом в той стороне!

– Ага, тока выезда там нет, – раздалось сзади.

Мы обернулись. На багажнике, держась за скобы, распластался Чак. Темный, заляпанный смазкой и мазутом комбез сливался с тусклым грязным металлом, поэтому в суматохе мы и не заметили карлика. Его не было там, когда сендер ехал через некроз, – Чак залез на багажник позже, когда я остановился, чтобы найти Юну.

– Вправо надо, – уверенно сказал карлик. – Видишь, бревна там? За них ехай. Дальше холм, потом ограда. Стена с колючкой. Она низкая, а холм высокий. Разгонишься – так и перепрыгнешь с вершины. Ну, чё пялишься на меня, человеке? Ехай, ехай, там монахи эти, они ж сюда уже в обход жмут, сам видел!

Глава 11

– Та не может быть, человече, чтоб в сендере шлема не было. Ты пошукай, пошукай и найдешь.

Карлик сидел на багажнике, свесив ноги между спинками сидений, откинувшись назад и держась за скобы. Ветер бил ему в лицо, шевелил кусты белесые брови. Глаза у Чака были очень светлые, почти прозрачные, бритая голова поблескивала в лучах утреннего солнца. Разговаривал он непривычно, такого говора я тут пока ни у кого не слышал – и, судя по взглядам, которые Юна иногда бросала через плечо, она тоже.

Левое ухо Чака украшала большая золотая серьга, которую он часто теребил и дергал. На руках были шерстяные перчатки с обрезанными пальцами.

– Так что, найдете мне шлем или нет? – спросил он. – И очки. А то в морду дует сильно.

Перед Юной был приварен железный ящик вместо бардачка, и девушка, клацнув защелкой, открыла его. Пошарив внутри, вытащила свернутый кольцом резиновый шланг, моток ветоши и треугольный кусок ткани – рыжей, как банданы у кетчеров.

– Нет там ничего, – сказала она, закрывая ящик.

– Так хоть косынку мне дай, уши прикрою!

Она швырнула назад тряпку, карлик ловко подхватил ее

и стал завязывать на голове.

– Почему ты прицепился к нашему сендеру? – спросила Юна.

– Так все побежали, ну и я...

– Именно что побежали, а не стали на багажник запрыгивать. Отвечай на вопрос.

– Он от монахов хотел сбежать, – пояснил я, ведя сендер мимо заросшего травой холма.

Девушка оглянулась:

– Это правда?

Карлик, затянув узел на затылке, пожал детскими плечиками:

– Ну, правда, красава, не люблю я эти галифе с бородами. Увидал их, ну и решил – за мной приперлись...

Из поселка Юна унесла пороховой самострел, который теперь висел у нее на плече. Сняв его, девушка развернулась на сиденье. Широкий ствол ткнулся Чаку в нос.

– Еще раз так назовешь меня, – процедила она, – останешься без башки. Понял?

Я кинул взгляд через плечо. Карлик ничуть не испугался – слегка отодвинувшись назад, взялся за ствол короткими детскими пальчиками и отвел в сторону.

– Ладно, понял, – сказал он весело и вдруг подмигнул мне: – Ну, а ты чего пялишься, человек? Какая подруга у тебя боевая... Тебе говорили, девушка, что ты похожа на Юну Гало, дочку хозяина Меха-Корпа?

Опустив самострел, она уставилась на карлика.

– Потому что ты – она и есть, – заключил он.

– Откуда ты меня знаешь?

– Так а чего же, доводилось в Арзамасе бывать, там и сподобился, значит, лицезреть...

– Но я никогда... Если я выходила в город, то одевалась как все и никогда никому не говорила...

– Та я ж не в городе тебя видал, а в том домище на вершине, который вы Фортм зовете... – Карлик запнулся. – Да ладно, после разобъясню как-нибудь. Короче, рассказываю: принял я тех парней бородатых за монахов, а тут как раз этот на сендере прям из некроза вылетает. Ну от пока он тебя искал, девушка, я поглядел, что на машине плесени нет, ну и запрыгнул сзади. Слушай, человеке, а ты не мутант часом? Что-то я раньше такого не видал, чтоб люди так запросто по некрозу носились.

Холм остался позади, и перед нами открылся Разлом – широкое каменистое ущелье, в котором посвистывал ветер. На другой стороне раскинулись зеленеющие поля. Далеко слева через ущелье вел бревенчатый мост, а еще дальше виднелся второй, с полукругами опорных ферм, похожий на железнодорожный.

– А от монахов ты почему убежал? – спросила Юна.

– Ну, разъешь их некроз, не люблю я этих парней! Но это ж не монахи оказались, а? Я в том поселке недавно совсем, так, временная работенка, ихний электрик от лихорадки по-

мер... Потому я не сразу припомнил, что рожу одного из них раньше в поселке этом уже видал. Когда только приехал туда. Парень тот потом пропал куда-то, а вчера вот снова объявился, в компании. Только бороду отпустил, трудно признать.

– Так значит, это были люди из Южного братства? – поняла Юна.

– Ну, а я вам об чем толкую, девушка! Диверсанты, так их называть правильно, стало быть? Они, значит, сначала из поселка выехали, а после вслед за вами тудой взад вернулись... Они за вами гнались, верно?

– Разин, ты слышал? – спросила она. – Это были люди топливных кланов, то есть Южного братства! Диверсанты. Обычно кланы посылают их жечь чужие вышки, чтобы никто другой на Пустоши не добывал нефть. Просто в этот раз они переоделись киевскими монахами... Но зачем? Ты понимаешь, что это значит?

– Что все стало гораздо хуже. – Остановив машину, я взял хауду, лежащую между сиденьями, и вылез наружу. – Потому что до Киева далеко и у монахов здесь нет никакой поддержки. А топливные кланы в этих местах хозяева, и раз за тобой охотятся их диверсанты...

– Тут мы не сможем скрыться от них! Они в этих местах повсюду. И Балашиха принадлежит им, а там у меня встреча с Лукой...

– Ладно, надо осмотреться. – Я зашагал к холму. – Сидите на месте.

Было пасмурно и прохладно, порывами налетал ветер, с запада ползли темные тучи. Нефтяной бассейн остался далеко позади – улегшись на вершине холма, я разглядел лишь черную маслянистую лужицу. Жаль, бросили в поселке винтовку Бурноса, оптический прицел сейчас бы пригодился.

По пустырю в нашу сторону ехали три машины. Ненадолго мы от них оторвались, но время осмотреться и решить, что дальше делать, пока есть.

Раздался шорох осыпавшейся земли, звук шагов, сопение, и с двух сторон от меня улеглись Юна Гало и Чак.

– Эй, человеке, а как ты все же через некроз тогда прошел? – спросил он.

Голос карлика стал другим, и я повернул к нему голову. Чак смотрел на меня серьезно, взгляд прозрачных глаз был острый и внимательный. И око внутри пирамиды, вытатуированное на лбу, тоже будто смотрело на меня.

Усевшись, я схватил карлика за шиворот, и тогда он ударил меня. Костяшками пальцев саданул по почкам, отбил мою руку, сорвав со своего воротника. Это было неожиданно – я не думал, что мелкий засранец проявит такую прыть. Он попытался вмазать мне ребром ладони по шее, но я закрылся локтем, навалился на него, прижав к земле, ударил пару раз по лицу. Опять схватил за воротник и упер стволы

хауды в подбородок.

– Разин! – растерялась Юна. – Зачем ты...

Чак подергался еще немного и затих. Разбитые губы быстро распухли, из носа текла кровь.

– Теперь отвечай, только говори правду, – сказал я. – Ты нам не нужен, Чак, понял? Только обуза. Поэтому, если реши, что врешь, сразу пристрелю. Откуда ты? Говори!

– А вот неправда, нужен я вам, нужен, – просипел он. – Я эти места хорошо знаю... В Балашиху вам? А как туда поедете, разумники?

– Через переправу по Щелковскому тракту, – сказала Юна.

– Дура девка! – фыркнул он. – Это ж переправа топливных королей! Они даже плату берут за проезд через нее. Если вы от них тикаете – там вас и накроют. А я знаю другое...

– Сейчас не о том речь, – встряхнул я его. – Может, ты сам шпион топливных королей. Отвечай!

– Да какие короли! С Крыма я! Слышь, человек, я тут подумал: если те парни видели, как ты через некроз бегал, так они теперь тебя уж с таким старанием искать начнут... Да за тобой все кланы московские охоту устроят! Тебя пытать будут, чтоб узнать, как ты научился по плесени шастать, они тебя...

– Ты – вор, – перебил я уверенно, и Чак затих. Прищурившись, поглядел на меня. Струйка крови стекала по щеке.

– Ну так и чё? – спросил он. – Ты сам, что ли, святой от-

шельник из катакомб киевских? Убийца, по роже ж видно. Я таких скока перевидал... Наемник, э? Не из Замка Омега, часом, дезертир? А то выправка у тебя такая... Да ладно, отпусти меня уже, расскажу, расскажу!

Юна Гало положила руку мне на плечо. Помедлив, я отодвинулся от карлика. Он сел, потрогал шею, рукавом вытер кровь из-под носа.

– Хотя что тут особо говорить? Вор, да. Я ж мелкий, могу во всякие щели просачиваться, в трубы, окошки слуховые... Ну и в механике разбираюсь, в электрике. Приспособы мастерю себе разные. Один раз ранец такой с пропеллером склепал, прикинь? С ним на крышу взлетел... Ладно, то старое дело. Хотя после него меня монахи и могут искать, бо крыша то была киевского Храма, ага, Лавры ихней. А ранец взорвался, понимаешь, не вовремя, мне спину обжег, рвануло на всю Лавру – так они меня и засекли. Ну от и все, больше-то и нечего рассказывать.

– До Крыма далеко, – сказал я. – Почему ты здесь?

– Ну так я сбежал оттудова. Ограбил там одного типа важного с Южного базара. Сбежал с добычей. А по дороге и меня ограбили. Кетчеры. Бросили подыхать на Пустоши, но я выкарабкался как-то. Потом здесь бродил, вдоль Разлома. Долго бродил. У люберецких кормильцев промышлял, на скважинах... Эх, на Крыме хорошо было! Нет там некроза этого вашего, теплее и манисы бегают, мясо у них вкусное...

Я перебил:

– А в тот поселок пришел, чтоб ограбить, да?

Чак ухмыльнулся:

– Соображаешь, человек. У старшого их, управителя то бишь, сейф в комнате, в стене, а унутрях там монеты звонкие, которыми он с нефтяниками расплачивается. Только на сейф сигналка навешена. И вот...

Поверх его головы я кинул взгляд на пустырь. Преследователи почему-то остановились и вышли из машин. Что бы это значило? Заметили нас?

– Какая еще сигналка? – спросила Юна.

– Ну ты... несведущая девушка, даром что дочь такого большака важного! Сигнализация, значит. Гудок. Сирена. Которая вмывается, ежели кто сейф без кода начнет открывать, подбирая циферки, либо стенку ему резать. От я там пошуршал в трансформаторе... Короче, отключилась сигналка на ночь вместе со всем электричеством. Той же ночью хотел дело провернуть. А тут вы! И некроз! И монахи! Которые и не монахами вовсе оказались... Ну дела! Пришлось тикать, конечно. – Чак обернулся. – О, встали. Ха! У них же горючки нет.

Диверсанты суетились вокруг машин. Я никак не мог понять, что они делают. Не пешком же за нами дальше пойдут, глупо это, если мы на сендере. Тогда что? Тачки стояли почти вплотную, борт к борту.

– Ладно, пошли, что ли, – сказал Чак. – Покажу дорогу через Разлом.

Разглядев в руках одного из диверсантов шланг, который тот перебросил с кормы своей машины на соседнюю, я вспомнил, что видел подобный в бардачке нашего сендера, и выпрямился.

– Сейчас они сольют остатки топлива в одну тачку, потом дальше за нами поедут. Идем, быстро.

Мы сбежали со склона. Сев в машину, я схватил Чака за воротник и притянул к себе:

– Если окажется, что соврал и не знаешь этих мест, пристрелю.

* * *

По небу ползли облака, было свежо и ясно, вдалеке за Разломом стояла темная стена дождя.

– Все, сезон дождей начался, – сказал Чак. – Теперь зальет треть Москвы. Как у них там восточная сторона просела, так каждый раз потоп...

Покосившийся старый мост без ограждения скрипел и дрожал под колесами. Над Разломом дул сильный ветер, казалось, он вот-вот сорвет машину с моста и бросит на далекое, скрытое в густой тени дно.

– Это дело когда-то Лига построила, – рассказывал Чак по дороге. – Та, в которую фермеры объединились, что на юге, у Крыма да вдоль берегов Донной пустыни живут. Хотели тут товары свои провозить, чтоб в Лужниках торговать. Но

люберецкие стоворились с братвой Ильмара Заклепы, самым сильным бандитским кланом во всей Большой Московии, и те стали караваны фермеров разорять. Так и не вышло у Лиги с торговлей. А переправа, вишь, осталась, ветшает только без догляду... – Сидя на корточках и держась за скобы, карлик перегнулся через край багажника. – Глядите, красотень какая! Высота, эх... Люблю высоту! И простор! Вот заради этого жить стоит, а не заради домишек ваших вшивых, улочек, стен да подворотен гнусных.

Мост глухо скрипел и покачивался на ветру, а дно каменного ущелья было далеко-далеко, и когда колеса сендера коснулись земли, мы с Юной облегченно вздохнули.

Остановив машину, я открыл железный ящик перед Юной, достал шланг и ветошь.

– Это ты чего удумал, наемник? – спросил Чак.

Я выпрыгнул из сендера и, обойдя его, вытащил канистру из корзины.

– А! – Он похлопал себя по карманам и вынул зажигалку. – Во, держи. Сам из гильзы склепал. Только взад вернуть не забудь.

– Идем, – сказал я.

Юна непонимающе смотрела на нас. На ходу откупорив канистру, я подошел к мосту, плеснул на доски, потом на ветошь. Поболтал в руках, слушая, сколько осталось внутри. Надо еще немного слить, чтобы пары в верхней части скопились.

Щелкая зажигалкой, подошел карлик. С холма за переправой донесся слабый рокот двигателя. Я быстро зашагал по настилу, поливая доски. Скоро диверсанты увидят нас, а с вершины холма смогут и достать из ружья с оптическим прицелом, если у них такое имеется. Проверять это мне не хотелось.

– Эй, давай тут! – сказал спешивший за мной Чак.

Он пару раз врезал каблуком по треснувшей доске, выломал ее из настила и до пояса пролез в щель, подняв руки. Я шагнул ближе.

– Дальше лезь.

Карлик опустился ниже. Забив горлышко канистры ветошью, я сунул в щель шланг, и когда Чак ухватил его, сказал:

– Примотай к балке, только понадежней.

Чак что-то пробурчал. Шум двигателя стал громче, но я, сидя на корточках спиной к приближающейся машине, не оглядывался.

Когда просунул под настил канистру, снизу донеслось:

– Принял.

– Подожди, – подняв голову, я крикнул: – Юна!

– Что?

Она стояла на багажнике, глядя в сторону холма, на котором в любой момент могли появиться диверсанты.

– Принеси пару патронов от обрезка!

Подгонять ее не пришлось. Взяв у девушки патроны, я ножом срезал верхушки с картонных гильз.

– Чак!

– Да не вопи ты. – Карлик высунулся из щели в настиле.

– Держи. – Я протянул патроны. – Ты понял, что надо сделать?

Он кивнул и снова полез под мост.

– Только смотри, чтоб порох сразу не занялся. Патроны куском ветоши прикрой, когда в горлышко всунешь, а то...

– Без тебя знаю, умник, – донеслось снизу.

– Ну так быстрее давай, они сейчас здесь будут.

Схватив Юну за руку, я потянул ее к машине. Когда мы забрались на сиденья, Чак, смешно подпрыгивая, уже бежал в нашу сторону. Взлетев по бамперу на багажник, он бросил:

– Гони!

Я завел машину. Двигатель диверсантов рокотал совсем близко.

– Ну, поехали!

На вершину холма за мостом выкатил сендер.

– Ты все правильно сделал?

– Обижаешь, челове...

Под мостом грохнуло, вздыбился настил, полыхнул огонь, и густой едкий дым потащило ветром вдоль Разлома.

Кивнув, я повел машину вперед. Заметил краем глаза, что Юна до сих пор смотрит в сторону Разлома, и спросил:

– Что там?

– Обвалился мост с нашего края, – ответил карлик. – Во, встали они. Теперь назад сдают... Поняли, умники, что те-

перь никак. Ехай спокойно, человече. Не, тормозить нельзя все одно, но где-то до вечера у нас время появилось, пока они по Щелковской переправе объедут.

* * *

Впереди лежали квадраты возделанных полей с наблюдательными вышками по углам. Границами полям служили ровные полосы земляных дорог. Когда Юна показала на одну из них, Чак замотал головой:

– Не-не, вон туда езжай! На ту, что правее, вишь? По ней ближе ехать, точно говорю.

Повернув, куда он сказал, я спросил, ни к кому не обращаясь:

– Зачем ехать в Балашиху, если там хозяйничают топливные кланы? В городе уже могут знать про нас.

– Ясное дело, знают, – согласился карлик. – Ты что же думаешь, эти, что вам на пятки наступают, не связались с ними? Кинули объяву по радио... А нет!

– Из сендеров? – спросила Юна.

– Точно, точно! – замахал руками карлик. – Я и сам понял уже! На машины сильные передатчики не поставишь, а слабые до Балашихи не добьют. К сендерам если станции и прикручивают, так чтоб самим внутри отряда переговариваться, да и то только если машины близко... Но, с другой стороны, мы ж не знаем, как оно там в поселке ночью обернулось.

Некроз мог весь его захватить, а мог и остановиться. А монахи те поддельные могли управителю рассказать что к чему, прежде чем за нами дальше ехать. Там-то у него точно станция хорошая есть, и управитель мог в Балашиху доложиться.

– Мне надо встретиться с жрецом из Храма, то есть Лукой Стидичем, – сказала Юна. – А он будет в Балашихе. Значит, едем туда.

– Но там может быть ловушка, – возразил я.

– Балашиха – это ж вам не поселок нефтяников, – опять вклинился в разговор Чак. – Она под топливными кланами, да, но все же не целиком им принадлежит. И людей своих они там на каждом углу не поставят. В Балашихе вон сколько этажей... Не, в ней затеряться можно, если нужда есть.

– Каких еще этажей?.. – начал я, но не договорил, увидев людей впереди.

Они шли через поле с корзинами в руках, что-то доставали из них и разбрасывали вокруг широкими круговыми движениями. За полем стояла вышка с часовым, а рядом три ветряных мельницы. Лопасты их медленно вращались.

– Влево поворачивай, наемник, – велел Чак. – Вон на тот мосток через канал. Вишь, какую кормильцы себе эту... ирригацию устроили? Здесь этих каналов с сотню, в сезон дождей так и бурлят.

Когда сендер миновал мост, стало видно, что по соседней дороге двигаются груженные мешками подводы, которые тянут низкорослые бесхвостые лошади. Впереди и сзади ехали

мотоциклы с колясками. Водитель первого привстал, повернув к нам голову. Плюнув клубом дыма, мотоцикл поехал быстрее.

Дождь впереди усилился, я видел темные и светлые столбы там, где сквозь облака пробивались лучи солнца. Было прохладно и очень свежо, ветер, задувающий над рамой с пленкой, шевелил темные волосы Юны, давно потерявшей свой берет, и охлаждал мою бритую голову.

И все это – виртуальная локация? Не может быть, слишком плотная, насыщенная иллюзия, никакие программы не способны создать такое. Или способны? Что я знаю о возможностях современного софта? Бессмысленно думать об этом дальше. Можно до бесконечности ломать голову, пытаясь понять, куда попал... Пока она совсем не сломается. Сейчас главное – добраться до этого Тимерлана и выяснить, откуда у его дочери татуировка с таким же рисунком, как на перстне доктора Губерта. У меня было ощущение, что это ключ ко всему.

Тучи в небе клубились, и когда мы проехали следующий мост, на поля впереди упали лучи солнца. Что-то засверкало там, и я удивленно спросил:

– Это солнечные батареи?

– Какие батареи? – не поняла Юна.

– Это теплица, челове... – начал карлик. – Как ты сказал?

Как ты сказал, спрашиваю? – Ухватив меня за плечо, он подался вперед.

Стряхнув его руку, я ответил недовольно:

– Солнечные батареи.

– Это чего такое значит?

– Слышал, есть такие штуки, которые перерабатывают... ну, переделывают свет в электричество. Вернее, были до Погибели.

Юна покачала головой, а Чак надолго задумался.

– Наемник, да ты у нас ученая башка! – воскликнул он наконец. – Это ж... это ж гениально, разъеешь меня некроз! Электричество от солнца получать... Лучи – их же вправду можно в электричество обратить! Детальки только особые нужны, и эти... ну как лупалки у пчел всяких... фасеты такие...

– Фотоэлементы, – перебил я и прикусил язык.

– Фото... А ты откедова знаешь?

Я сказал первое, что пришло в голову:

– Читал в одной старой книге.

– Ты умеешь читать? – удивилась Юна.

Я кивнул. Карлик не отставал:

– Читал, говоришь? Все запомнил? Тормози, расскажешь шас мне про эти батареи. Бумага есть тут у вас какая в сендере? Карандаш? Записать все надо, нарисовать... Это ж как зажить можно... Слышь, человеке, тормози!

– Нет, – сказала Юна. – Мы едем дальше.

– Не, послушай...

Я прервал его:

– Заткнись, Чак. Может, я тебе расскажу, что помню про солнечные батареи, но только если ты нам поможешь... Почему он едет нам навстречу?

Оказалось, что охраняющий подводу мотоцикл где-то впереди развернулся и катит теперь обратно по нашей дороге.

– Ну так чё, смотрят, кто это через их территории гонит, – пояснил Чак.

– У них пулемет, – сказала Юна.

Человека в коляске защищал выгнутый железный лист, из которого под смотровой щелью торчал длинный ствол.

– Не обращайтесь внимания, они нас не тронут, – успокоил карлик.

Свернув к обочине, мотоцикл притормозил. Я ехал дальше, не замедляя ход, человек в коляске привстал, наблюдая за нами. Чак помахал ему рукой.

– Ехай себе, – сказал он мне. – Перед теплицами правой возьми, видишь, домишки там такие приземистые с ветряками? Это склады. За ними холмы будут, потом брошенные поля, где земля не родит уже, а дальше и Балашиха. Только к вечеру до нее доберемся. Ты, гляжу, совсем этих мест не знаешь. Ты откедова вообще, человеке?

Поскольку я молчал, на вопрос ответила Юна:

– Он с берега Донной пустыни. А ты слишком много болтаешь, Чак.

– Ну так что же, и болтаю... – согласился карлик. – Надо ж

как-то скрасить скуку поездки с такими двумя весельчаками, как вы. Так чего, наемник, ты у нас южанин, стало быть? А откуда ты точно? С Моста? Из Херсон-Града? С Крыма?

– С Моста, – сказал я.

– А! Я там много бывал. Плотника, хозяина Квадрата, знаешь? А Вонючку Погрыза? Где ты там жил, на Мосту-то? Чем занимался, небось разбойничал помаленьку?..

– Заткнись, – буркнул я, прислушиваясь к звукам, раздающимся под капотом. – Не знаю я никакого Вонючку.

К рокоту двигателя, ставшему уже привычным, добавилось тихое неприятное дребезжание.

– Человече, как это ты Вонючку можешь не знать, ежели он на Мосту ну вообще всем известен? Торговец там самый знатный, его водяные арбузы на всю Донную пустыню знамениты... Да про него самый распоследний торчок, у которого от маммилярия уже мозги свернулись, слышал!

– Заткнись! – повторил я.

Под капотом дребезжало все громче. Я оглянулся. Чак, поджав губы, недоверчиво качал головой, но вопросов больше не задавал. Видно, решил не раздражать меня лишний раз, чтобы потом услышать-таки рассказ про солнечные батареи.

* * *

Стемнело. Дождь стучал по крыше сарая, бил по земле,

вздымая фонтанчики воды, заросли бурьяна ходили волнами на промозгом ветру.

Сарай стоял на самом краю люберецких угодий, у заброшенного поля. Когда мы подъехали к наполовину обвалившейся постройке, под капотом раздался скрежет, наружу повалил дым, и сендер встал. Заглянув в мотор, я понял, что дело плохо. Топливный насос накрылся, и, похоже, шестерни в распредвалах полетели.

Чак предложил закатить машину в сарай – так и сделали.

Во влажной мгле далеко впереди горели размытые тусклые огни, мерцали, расцветивая струи дождя радужными кругами. Как я понял из рассказа карлика, люди в Балашихе обитали только в бывшей промзоне, на территории двух давно заброшенных заводов, сталелитейного и еще какого-то, соединенных теперь висячими коридорами на штангах.

Перед тем как уйти на разведку, Чак сказал:

– Раньше тут опасней было из-за мутантов. Они по большей части в старых канализациях и подземных цехах жили. А потом Орден с топливными королями их потравили да сожгли. Залили в канализации химикалии всякие из цистерн, которые на складах нашли, после бензинчику еще сверху, да и подожгли. Я сам не видел, но говорят – знатно горело, прям факелы такие огневые били, зеленые да синие от химикалий этих, а смрад такой стоял, что и людишек много потравилось до смерти...

С тех пор развалины жилых домов вокруг промышлен-

ного района стали менее опасными, однако люди, привыкшие обитать в старых цехах, мастерских и складах, не спешили переселяться, и в последнее время мутанты появились вновь.

Как и мутафаги.

Мутантами – это я понял из рассказа Чака – здесь называли тех существ, которые внешне напоминали людей, как мертвая тварь с железнодорожного моста. А мутафагами – всякое зверье вроде панцирных волков (одного из них я встретил в лаборатории, а после видел стаю на вершине холма), горбатых гиен, ползунов и прочих.

С час назад Чак ушел в сторону огней, горящих на заводских этажах. Кому, как не бывшему вору, привыкшему незаметно пробираться во всякие места, проводить разведку? Меня не оставляло подозрение, что больше мы карлика не увидим, но Чак заверил: он непременно желает узнать все, что мне известно про солнечные батареи, так как абсолютно уверен, что на этой идее можно разбогатеть. Кроме того, Юна Гало пообещала заплатить ему, если карлик поможет нам добраться до Москвы.

Правда, топливные кланы могли пообещать карлику еще больше, если тот выведет их на нас.

Так или иначе, выбора сейчас не было – мы не могли соваться в обитаемую часть Балашихи, не зная, ждут нас там или нет, но не могли и обойти ее, так как Юна желала обязательно встретиться с Лукой Стидичем, жрецом из Храма,

посланным Владыкой Гестом навстречу ей.

К тому же сендер сломался. Я еще раз заглянул под капот, когда двигатель остыл, убедился, что починить его можно только в мастерской, захлопнул крышку и сказал:

– Нельзя просто так сидеть и ждать.

– А что еще делать? – спросила Юна.

– Надо осмотреться, а потом как-то наблюдать за окрестностями.

Под стеной сарая валялась приставная лестница, по ней мы забрались на чердак. Я обошел его, поглядывая в щели, и лег на гнилые доски возле пролома.

Когда мы доели все, что оставалось в котомке, Юна села у стены со стороны полей и Разлома, прикинув к щели, спросила:

– Разин – это первое имя или второе? Скорее второе. А как тебя звать?

– Егор, – сказал я.

Она помолчала.

– Станный ты человек, Егор. Иногда я тебя не понимаю... Ты будто не из этих мест.

– Ну да, – согласился я. – С юга.

– Нет-нет, я имею в виду... Будто вообще не из этих мест, а откуда-то совсем... издалека.

Я молчал. Юна, повернувшись ко мне, продолжала:

– Ведь я переговоришник. Меня учили понимать людей, следить за всеми их жестами, взглядами, как они держат голову,

куда смотрят, когда отвечают тебе, каким голосом говорят. Все это важно, по этому можно понять, о чем на самом деле думает человек. Но с тобой я иногда ничего не понимаю... Нет, не иногда, а почти всегда. Не понимаю, о чем ты думаешь, чего хочешь. Откуда у тебя эта способность ходить по некрозу? Я только тогда, в поселке, по-настоящему поняла... ведь это невероятно! Карлик прав: тебя попытаются захватить все местные кланы, настоящая охота начнется... Как ты попал в то пятно, расскажи.

– Не знаю, – ответил я.

– Что? – удивилась она. – Почему не знаешь? Ты...

– Я не помню ничего, что происходило раньше, – сказал я. – Вернее, помню, что очнулся в каком-то месте под землей. Внутри того холма, накрытого пятном. Там был зал с железной площадкой. Ржавой. Стены, в потолке трещина. Я вылез через нее. Была ночь, я заснул на крыше какого-то барака, а когда утром вышел из пятна, увидел твой фургон и монахов на мотоциклах. Вот и все.

Юна изумленно глядела на меня:

– Это на самом деле так? Ты не помнишь ничего, что было раньше?

На секунду мне захотелось рассказать ей правду про то, что было на самом деле, – про свою жизнь до встречи с доктором Губертом, про войны, в которых я участвовал, про мой самолет, Казахстан, Киев, разговор с Губертом и генералом, эксперимент... Нет, бессмысленно. Слишком длинная

история, слишком трудно Юне Гало будет понять и поверить в нее. И даже если она поверит – что это даст?

Поэтому я сказал:

– Почти ничего. Хотя я сразу вспомнил свое имя.

– А еще ты умеешь читать. И писать?

– И писать.

– Редкое умение в наше время. И драться, хотя это как раз умеют многие. Но ты дерешься необычно. Ты водишь машину. И знаешь про солнечные батареи... Теперь мне кажется, что... ведь ты соврал Чаку, про них ты тоже помнишь, а не вычитал в какой-то старой книге?

– Помню.

– И можешь ходить по некрозу.

– Да.

– Так кем же ты был, Егор Разин?

– Не знаю, – сказал я и сквозь пролом посмотрел на мерцающие в дожде огни Балашихи.

Юна, оттянув ворот, провела пальцами по основанию шеи над плечом.

– А почему ты спрашивал про мою татуировку? Ее ты тоже помнишь из прошлой жизни?

– Я помню такой рисунок: человек в шестерне. Может, это как-то связано с тем, кем я был раньше. Нет, не может – я уверен, что связано.

– Тогда тебе надо обязательно поговорить с моим отцом. Я устрою вашу встречу. Если... если только он... – Девушка

замолчала.

– Что? – спросил я.

– Нет, ничего.

– Не говори никому того, что сейчас услышала от меня. И этому карлику тоже не говори. Я не доверяю ему. Не хочу, чтобы он знал...

Сквозь шум дождя донесся рокот мотора.

– Свет, – сказала Юна. – Это фара.

Перебравшись на ее сторону, я выглянул в щель. В темноте двигалось размытое белое пятно. Шум двигателя усилился, и оно стало ярче, но потом исчезло, когда машина повернула в сторону от сарая. По мокрой траве скользнули слабые отблески. Гул почти стих, потом зазвучал опять.

– Они нас ищут, – шепнул я.

– Но откуда они знают, что мы еще не в Балашихе?

– Может, уже побывали там? Хотя тогда им бы дали подмогу и здесь крутились бы несколько тачек.

Внизу раздался шорох, и я повернул хауду в сторону приставной лестницы. По ней влез мокрый с ног до головы Чак, держа в руке длинную кожаную куртку. Швырнув ее мне, карлик заговорил, поглаживая серьгу в ухе:

– Надень, чтоб внимания не привлекать, а то больно у тебя комбинезончик дивный, южанин. Я ее спер там у одного... Короче, я все разузнал. В городишке был переполох, потому что недавно из-под земли вылезли мутанты, которых уже три сезона как не видели. Местные-то в основном с чего живут?

Одни в мастерских работают, делают узлы всякие для скважин нефтяникам, а другие на мутафагов охотятся. Здесь панцирников полно, охотники их пластины добывают, ну и жир. Его люберецким на удобрения продают или меняют, пластины – купцам, а те потом их оружейникам для доспехов везут... Ну вот, пошли две бригады охотников недавно за стаей панцирников – а тут откуда ни возьмись мутанты. Половину охотников поубивали, другая еле назад успела вернуться. Ворота заперли, стали на тварей сверху деготь горячий лить да стрелять в них. Те вроде ушли, но кто их разберет? Теперь народ внутри сидит, наружу носу не кажет. Так что в Балашихе... – Чак подергал серьгу. – Как бы сказать... обстановка настороженная. Но нас вроде пока не ищут, не заметил я ничего такого, так что можем ехать.

Я покачал головой.

– Ага, машине совсем каюк? – понял он. – Значит, пойдем. Когда этот жрец храмовый объявиться должен?

– К утру, наверное, – сказала Юна. – Или даже днем.

– Плохо, лучше бы он раньше пришел. Стало быть, так: я там местечко одно подыскал тихое, и до утра нам в нем надо будет сидеть. А дальше поглядим. Но только вы ж не забудьте оба... Ты, человек, мне про батареи все, что знаешь, расскажешь. А с тебя, девушка, два золотых рубля. Но только чтоб московской чеканки, натуральной, поняла? Значит, теперь спускаемся да идем скорее. Холодно и жрать охота.

Глава 12

Это казалось невозможным, но дождь еще усилился. Даже если бы сендер не сломался, дальше мы бы на нем не проехали – по улицам Балашихи неслись потоки воды, она хлопотала в подворотнях и вокруг куч мусора, которым были забиты все канализационные люки, ходила волнами внутри развалин, взрываясь фонтанами брызг.

Хорошо, что до промзоны идти оказалось недалеко. Чак, как вскоре выяснилось, не ощущал никаких комплексов по поводу своего роста. Нимало не смущаясь, он велел мне посадить его на плечи и теперь вещал, болтая ногами:

– Вот если бы мы в Москве были, я б вас в кварталах у Ферзя спрятал. Там никто не найдет. А щас лучший способ у тех, кто вас ищет, прям под носом укрыться. Потому слушайте внимательно... Южанин, значит, я – твой слуга. А она – твоя женка молодая. – Тут Юна фыркнула, но карлик не обратил внимания. – Ты, стало быть, техник у нас классный, прибыл с Харькова, Южное братство тебя купило. Ну, в смысле перекупило у одного оружейного Цеха, чтоб ты здесь работал. Будешь якобы им технику всякую для вышек налаживать. Ты молчи, я говорить буду, но если спросят, вырази всяческое недовольство – мол, напали в пути на нас кетчеры, караван, с которым мы двигались, разорили, мы свалили на сендере, но он потом сломался. Критикуй, значит,

Южное братство за то, что не обеспечило такому важному спецу, как ты, должную охрану в пути. Понял, южанин? Ты в оружии сечешь, сойдешь за умного. Только, я тебя прошу, не делай ты морду кирпичом! Расслабься хоть чуток, а то я вообще ни разу не видел, чтоб ты улыбнулся. Помни: ты – важная персона, вокруг тебя все плясать должны.

Улица упиралась в стену цеха с воротами на первом этаже и тускло светящимися окнами на втором. Я остановился, увидев у стены слева от ворот три пары перекрещенных балок, торчащих из земли. На них висели тела.

Чак сказал:

– Тут стойте, я поговорю. Наемник, вниз меня.

Я все еще не очень-то доверял карлику, но сейчас выбора не было. В любой момент тот сарай могли найти диверсанты, нам пришлось уйти оттуда за Чаком и дальше позволить ему командовать нами, вести за собой.

Когда я опустил его на землю, карлик побежал через лужи к калитке в створке ворот. Промок он весь до нитки и вид имел жалкий. Хотя мы с Юной, скорее всего, выглядели не лучше.

Донесся стук, скрипнуло железо, в калитке раскрылись два окошка, из нижнего показался ствол, в верхнем – лицо. Чак что-то забубнил, но я не слушал – смотрел на большие Х-образные кресты, где висели распятые тела.

– Кто это? – спросил я. – Мутанты? У вас распинают мутантов?

– У нас? – ответила Юна непонимающе.

– В смысле, почему они распяты?

– Ну... их так убивают.

А ведь на груди у монаха висел похожий крест. Интересно, как изменились религиозные символы после Погибели, чем бы там она ни была. Они теперь распинают мутантов – и монахи носят на груди изображения такого распятия. Надо позже расспросить Юну обо всем этом.

Переговоры завершились. Чак отступил, лязгнули засовы, и калитка в воротах открылась.

* * *

– Топливные короли за порядком следят, так что не бойсь, не нападут на вас, – заверил карлик. – За мной давайте.

Большой цех наполняли гул голосов, шарканье ног, кашель, смех, шум перебранок. В железных бочках у стен горел огонь, вокруг стояли люди, грелись, негромко переговариваясь, или сидели на корточках, играли в кости прямо на бетонном полу. Кто-то спал на длинных лавках, накрывшись тряпьем, один человек, забравшись на ржавый токарный станок, что-то вещал, на него со скучающим видом смотрели несколько слушателей. Рядом шли тараканьи бега, там кричали, размахивая руками, и звенели монетами.

Карлик быстро вел нас вперед. Под далеким потолком к стенам прилепились решетчатые настилы, на некоторых де-

журили охранники с ружьями, в брезентовых плащах и старых строительных касках.

– Здесь у них вроде центральной площади, – пояснил Чак. – А там улицы.

Улицами назывались идущие от цеха в разные стороны тусклые коридоры. Одни – пустые, в других под стенами сидели люди в лохмотьях. Мы прошли мимо входа в коридор, озаренный электрическим светом, который лился из раскрытых дверей вместе со звоном стаканов и женским смехом.

– Вот бы мне вас где спрятать. – Чак хмыкнул, потирая ручки в шерстяных перчатках без пальцев. – Лучший местный бордель. Наемник, ты б, думаю, заценил, да вот девушка наша не поймет.

Когда мы обошли темную дыру, накрытую решеткой, он добавил:

– От через такие дыры когда-то сюда мутанты и пролезли. Через дыры да через канализацию. Говорят, натуральная бойня тогда была.

Рокоча двигателем, из коридора впереди в цех въехал небольшой сендер. От борта к борту над головой водителя шла железная дуга, где ярко светились фары, еще три горели на бампере. Двое в сендере были одеты так же, как и те, с ружьями, наблюдавшие за жизнью ночной Балашихи сверху: брезентовые плащи и помятые строительные каски. Должно быть, когда-то здесь нашли склад рабочей одежды, и она стала частью униформы местной охраны.

Машина медленно покатила по цеху наперерез нам.

– Идем! – прошипел Чак. – Спокойненько, не дергаемся...

Я запахнул куртку, под которой за поясом была хауда. Сидящий рядом с водителем человек, привстав, оглядел нас, тронул напарника за плечо и показал в нашу сторону. Мы приближались к двум открытым дверям в конце цеха. Машина стала поворачивать.

– Некроз вам в печень! – прошептал Чак.

Впереди раздался шум. Какой-то человек, оглядываясь на сендер, метнулся за ряд стоящих под стеной станков, между которыми на натянутых веревках сушилось всякое тряпье. Напарник водителя выкрикнул что-то, тот крутанул руль, и машина рванулась за беглецом. Карлик приказал:

– Вперед, быстро, но не бегите!

В один из дверных проемов вошли попарно шесть человек, тащившие на шестах большой заостренный бур. От раскаленного железа шел жар – наверное, только что из печи. На шеях и запястьях носильщиков были браслеты, скрепленные цепями. Когда рабы скрылись из виду, Чак сунулся за ними, но сразу попятился обратно. В грудь его упирался ствол порохового самострела.

– Куда прешь? – спросил охранник.

Разговор получился недолгий – карлику указали на соседнюю дверь, и он повел нас туда.

– Что это там за мастерские, почему в тот коридор не пустили? – спросил я.

Чак махнул рукой:

– Не знаю, что за мастерские. Небось секретное что-то клепают, оружие или оборудование какое новое... Не наше дело, главное – дальше можем идти, и хорошо.

– А куда дальше? – спросила Юна. Ей, как и мне, не нравилось происходящее. – Куда ты нас ведешь?

– Не бойсь, девушка, не в ловушку. Я ж знаю, о чем вы оба думаете: а не сдал ли Чак нас топливным королям? Так от знайте, Чак не предатель, за такое дело в воровской общине Крыма быстро бы... Раз – и нету у тебя головы. Если Чак за дело взялся, то до конца его доводит, вот так.

Вскоре мы вышли в крытый переход между двумя цехами – протянувшийся метрах в десяти над землей темный коридор.

Карлик спросил у Юны:

– Ты где с монахом договорилась встретиться?

– Он называл это место Обзором. Я никогда не была здесь...

– Ну от, а я был. Обзор – так крышу трубы называют. Большая такая, широкая очень, на колоннах стоит. Сверху ее перекрыли такой вроде крышей с дыркой посередине, а еще выше навес сделали, и там, вверху, теперь вроде кабака. Место людное, открытое, вам там показываться нельзя. А под Обзором, ближе к основанию, помосты на балках. Их листами железа разгородили и теперь называют Торговыми складами. Внутри трубы по спирали такой спуск идет широкий,

разбит перегородками. Между ними комнаты. Товар в складах можно оставлять, а самому на ночлег в комнатах устроиться. Кто, значит, для торговли в Балашиху приезжает либо же проездом в Москву – там и останавливается. Вот и вас я туда определю. Уже насчет комнаты договорился, ага.

– Но нам нечем заплатить, – возразила Юна.

Стекол в длинных окнах не было, по коридору гуляли сквозняки, покрывая рябью лужи у стен. Снаружи шумел дождь, в темноте светились огни других цехов-кварталов Балашихи.

– А сколько у вас денег? – спросил Чак, останавливаясь.

– У меня вообще нет, – ответил я.

Юна достала из кармана серебряную монету.

– Гри-ивна... – протянул карлик и сграбастал ее с ладони девушки. – А у тебя точно совсем ничего, южанин? Вечно с вами, большаками, проблемы... Ладно уж, я своими домажу, если что, ночь в одной комнате недорого стоит. – Он зашагал дальше.

– В двух комнатах, Чак, – поправила Юна.

– Не, девушка, на две точно денег не хватит. Это ж тебе не Арзамас какой провинциальный, а граница Большой Московии! Здесь всё дороже.

– Но я...

– Та ладно, не переживай ты так за свою девучковую честь. Вам-то всего ничего там пробывать придется...

– Нам? – переспросил я.

Карлик нырнул в широкий проем, которым заканчивался коридор, и с расположенной дальше лестницы донесся его голос:

– Ну так вам же там сидеть, а мне снова в разведку идти.

* * *

Комнаты тянулись вдоль внутренней стены трубы, двери их выходили в общий коридор, который спиралью шел вокруг центрального колодца, пронзающего ее сверху донизу.

«Трубой», как вскоре стало ясно, карлик назвал бывшую градирню, то есть охлаждающую башню, основательно перестроенную. В нижней части таких башен всегда полно воды, но сейчас резервуар был пуст. Судя по всему, люди внутри обосновались давно.

Одна стена комнаты была кирпичной, три других – деревянные перегородки. В той, что отделяла помещение от спирального коридора, имелись дверь и окошко, затянутое пленкой.

Юна лежала на койке, накрыв ноги одеялом. Когда я сдвинул засов на двери, она повернула ко мне голову и спросила:

– Куда ты?

– Хочу осмотреться, – сказал я. – Не нравится сидеть на месте, когда непонятно, что вокруг происходит.

– Мне кажется, Чак не предатель.

– Ты слишком доверчива для дочки такой важной персо-

ны.

Нахмурившись, она отвернулась:

– Это правда, тебе я поверила.

Положив хауду на сгиб локтя, я вышел из комнаты и встал у ограждения. За ним был центральный колодец, опоясанный коридором. Через равные промежутки горели масляные лампы на треногах, цепочка редких огней спиралью тянулась вниз и вверх. Одна такая лампа стояла неподалеку от меня.

К потолку шел ровный поток теплого воздуха, огромную трубу наполняли звуки. Эхо неразборчивых голосов, рокот, стук, далекий смех... Положив хауду на пол, я перегнулся через ограждение. Метрах в двадцати подо мной на другой стороне градирни коридор расширялся, там в центральный колодец выступала площадка, на которой стоял сендер. Рядом открытые стойла, в них лошади, дальше две повозки. Должно быть, на уровне земли есть ворота, через которые можно попасть в градирню и при необходимости заехать на помосты, где находятся склады.

Гулкие звуки донеслись сверху, и я поднял голову. Крыша не накрывала всю трубу целиком, в центре оставили круглый просвет, сквозь который внутрь попадал дождь. Похоже на выстрелы, хотя трудно понять, слишком уж тут все искажается.

Что-то мелькнуло в тусклом свете масляных ламп. Я шагнул назад, подняв на всякий случай хауду.

Сверху падал человек – воздушный поток развернул его

головой вниз, руки были прижаты к бокам, ноги сведены вместе. Полы куртки хлопали по спине и бокам. Он пролетел мимо, и я вновь шагнул к ограждению, провожая взглядом тело, то попадающее в свет ламп, то исчезающее в тени. В конце концов оно совсем пропало из виду, и вскоре снизу донесся едва слышный звук удара.

Больше с крыши в колодез никто не падал, так что я вернулся в комнату и запер дверь. Юна приоткрыла глаза и снова закрыла. Я сел на корточки под окном, плечом привалившись к перегородке, стал поглядывать туда. Черт его знает, имеет ли этот свалившийся сверху человек какое-то отношение к нам или нет. Самое плохое – это ждать и догонять... А мне уже второй раз за эту ночь приходится подолгу ждать, не имея возможности сделать что-то самому, как-то повлиять на события.

– Ты веришь в бога? – спросил я.

– Конечно, – ответила Юна после паузы. – Как можно не верить в того, кто создал мир?

Против такого довода возразить было нечего, и я сказал:

– А кто он? Я не помню...

– Что значит «кто он»? – Девушка села на койке. – Он – творец всего. Создатель.

– Это понятно. Но у вас... то есть у нас есть какие-то его изображения? Иконы? И как, в конце концов, его называют?

– Создатель. Что такое иконы, я не знаю, но никаких изображений Создателя у нас нет, потому что это святотатство –

пытаться изобразить его.

– Но почему? – спросил я, снова выглядывая в окно.

– Да потому что Создатель оставил нас в день Погибели! Так учит Орден. Ведь Погибель – это, на самом деле, и есть следствие того, что Он покинул нас. И Он возвратится, только когда мир будет очищен от скверны, семени Нечистого.

– А скверна эта – мутанты? – понял я.

– Ну да. Неужели ты даже всего этого не помнишь, Разин? Мутанты и мутафаги – богопротивные твари, вышедшие из чресл Нечистого.

– А кто такой этот Нечистый? – Мне хотелось добавить: «Самый главный мутант?», но я сдержался, решив, что девочка, раз уж она религиозна, может неправильно понять шутку.

Она так и не ответила.

Мы находились в комнате уже довольно долго, по моим подсчетам, близился рассвет. Карлик ушел и не показывался, а я все еще не настолько доверял ему, чтобы спокойно ждать, и расхаживал по комнате, то и дело выглядывая в окно.

– Если ты хочешь узнать что-то еще, спрашивай, – сказала Юна.

– Что такое некроз?

Она развела руками:

– Болезнь, насланная на мир Нечистым.

– Это ничего не объясняет, – проворчал я.

– Но больше мы ничего о нем не знаем. Никто не знает.

Он был всегда, но раньше лишь в виде пятен, которые появлялись и исчезали то там, то здесь. А потом одно пятно на востоке не исчезло. Разрослось и стало наступать на Пу-стошь, уничтожая все на пути.

– А других пятен после этого стало больше?

– Да, в последнее время их много. Они могут появляться в разных местах, никогда не знаешь, где и когда. Их только по этому необычному туману можно определить и спастись. Иногда они разрастаются, а иногда исчезают. Или остаются такого же размера на целые сезоны.

– Но с востока некроз идет сплошным фронтом?

– Да. Неровным. Арзамас он сначала как бы обтек с двух сторон. А потом быстро пошел вперед и сомкнул кольцо всего за ночь. Мы думали, у нас еще есть время, но некроз будто хотел обмануть нас. И обманул.

– Этот некроз как-то связан с... – Я ткнул пальцем вверх. – С теми, в небе?.. Прешлой ночью я видел там...

– Это платформы. Ты и про них ничего не помнишь?

Я покачал головой.

– Небесные платформы, так их называют. Мы ничего про них не знаем. Говорят, они появились вскоре после Погибели. Или даже сразу после нее. Они просто летают там, никогда не опускаются. Мы не знаем, кто там живет и есть ли кто-то вообще...

– Что такое Погибель? – перебил я.

И снова она развела руками:

– Погибель – это... Гибель старого мира. День, когда Создатель покинул нас. Когда появились мутанты, когда высохли реки...

– Но из-за чего они высохли? Из-за чего погиб старый мир и Создатель покинул нас? Да и мутанты не могли возникнуть за один день...

Я замолчал, услышав приглушенные шаги в коридоре. Поднял хауду, подошел к окну – снаружи к двери приближался Чак. Вид его мне не понравился: карлик воровато оглядывался и явно очень спешил.

– Что с ним такое?.. – пробормотал я.

Следом в коридоре появился человек в длинном плаще с капюшоном, накинутым на голову. Он догонял карлика, а тот, не замечая преследователя, спешил к нашей комнате.

– Что там? – Юна встала.

– Оставайся на месте! – Я подошел к двери. Выждав немного, ударом ноги распахнул ее прямо перед носом карлика и вывалился наружу с хаудой на изготовку.

– Берегись! – крикнул я, отпихивая Чака, чтобы выстрелить в его преследователя.

Неожиданно тот оказался куда ближе, чем я рассчитывал, – буквально в шаге за спиной Чака. Карлик обязательно должен был услышать его и обернуться, но почему-то не сделал этого.

Или прикинулся, что не слышит?

Так или иначе, выстрелить я не успел. Незнакомец мягко

и очень быстро скользнул в сторону, взметнулся широкий рукав плаща, под капюшоном мелькнуло узкое морщинистое лицо – и электродубинка вроде той, которой пользовались комендант казахстанской авиабазы и охранники в лаборатории доктора Губерта, ткнулась мне в лоб.

Глава 13

Юна склонилась надо мной, легко хлопая по щекам. Ее губы шевелились, она что-то говорила, но понять я не мог. Ощущение, будто под водой находишься – какие-то неразборчивые шумы со всех сторон, мерный рокот, скрип, глухое уханье...

Потом из ушей словно вытащили затычки, и я услышал:
– ...Лука Стидич. Егор, ты слышишь? Разин!

Девушка отступила. Я понял, что сижу у стены комнаты, вытянув ноги. Впереди Чак, он смотрит в окно, поднявшись на цыпочки, рядом приоткрытая дверь, возле нее человек в плаще. Капюшон откинут. Ежик седых волос, худое морщинистое лицо, круги под глазами, длинная борода клинышком...

Я знал его. Понимание этого пришло неожиданно, меня будто ледяной водой окатило: я знал это лицо! Когда-то видел человека в плаще... Когда, где? Невозможно вспомнить!

Тут все опять поплыло. Заломило в затылке, мир потемнел.

Во второй раз я пришел в себя, уже сидя на краю койки. Лука Стидич, помогавший Юне посадить меня туда, отступил. Губы его зашевелились, сначала я слышал все те же тягучие звуки, а потом разобрал:

– ...сейчас будут здесь. Надо уходить.

Юна бросилась помогать мне, когда я попытался встать, схватила за локоть и подперла плечом. Я сначала навалился на нее, потом оттолкнул, широко расставив ноги, развел в стороны руки и зажмурился так, что в ушах загудело. Открыл глаза.

Лука Стидич стоял передо мной, положив руки на ремень, и разглядывал в упор. Под плащом его был синий китель и брюки-галифе с лампасами, заправленные в черные сапоги.

– Имя? – бросил он.

Окинув взглядом переодетого жреца, я обошел его и спросил у Чака, по-прежнему глядевшего в окно:

– Что там?

– Пока тихо, – ответил он. – Но скоро прибегут, вижу их повыше чуток на другой стороне коридора. Уходить надо.

– Имя, наемник! – повелительно произнес Стидич.

– Слушай, заткнись, а? – буркнул я.

Он шагнул ко мне, я развернулся – ноги уже не дрожали, голова не кружилась, и теперь я готов был встретить его, даже азарт какой-то появился: пусть попробует махнуть своей дубинкой еще раз – тогда это неожиданно вышло, а сейчас я буду готов... Но тут между нами встала Юна Гало и уперлась одной ладонью в грудь жреца, а другой – в мою.

– Помолчите оба! – гневно сказала она. – Лука, он спас меня. Вы понимаете это? Если бы не он – я была бы мертва. Разин, это Лука Стидич, доверенный человек Владыки Геста. Относись к нему с должным уважением. Сейчас нам

надо действовать заодно. Вы оба поняли, что к чему? Поняли, я спрашиваю?

Лука, помедлив, кивнул:

– Хорошо, Юна Гало. Сейчас мы не будем ничего выяснять, но позже я займусь этим наемником.

Юна перевела взгляд на меня. Я тоже кивнул:

– Ладно.

– Эй, большаки! – Чак распахнул дверь и переступил порог. – Вон они, бегут сверху, уже рядом совсем. Вы как хотите, а я сваливаю. Но вы на меня не смотрите, можете и дальше болтать себе, пока вас не перестреляют тут всех.

* * *

Снизу невозможно было разглядеть, сколько человек спешит по спиральному коридору, но, судя по топоту, который эхо разносило по всей градирне, не меньше десятка.

Лука Стидич бежал первым, следом Юна, потом я с карликом на плечах. Меня не отпускали мысли о том, что когда-то я уже видел жреца – возможно, мельком, но при таких обстоятельствах, что все равно запомнил его лицо... Нет, не вспомнить, хотя это очень важно!

Уже трижды на пути встречались люди – кто-то выходил из комнат, другие как раз собирались войти. Большинство быстро ретировались, но какой-то здоровяк попытался преградить дорогу – и отлетел в сторону, получив удар дубин-

кой в лоб.

Карлик, пригнувшись к моему темени и обхватив за шею, болтал:

– Я на Обзор когда вылез, сразу этого большака увидел. Подружка ж твоя описала его... Ну, думаю, удачно, собрался уже было подойти, чтоб сказать, что она его ждет, но чую: не то что-то. Вроде большаки какие-то странные вокруг него снуют... то есть не снуют, а так, тихарятся... Трое за столом неподалеку сидят, еще один вроде через ограду смотрит, которая по центру там, над колодцем, а другие в стороне встали, за углом. Я Обзор обошел, ну, вроде шатаюсь там празднично и понимаю: точно, следят за Лукой этим. Но не нападают, ждут – а чего?

– Когда придут те, с кем у него назначена встреча, – пропыхтел я.

Хотя мы и спускались, бежать с карликом на плечах было тяжеловато. Хауда била по бедру, в конце концов пришлось достать ее из-под ремня и держать в руке.

– Правильно, чтобы всех вас сразу накрыть, – согласился Чак. – Там ведь что получилось? Ты вообще знаешь, кто таков этот Лука? Глава разведки Храма, первый помощник Владыки. Важный большак, его в лицо старшины топливных кланов наверняка знают. Тут у всех везде стукачи, понимаешь? В Храме – кланов, в Цитадели – Храма... Вот Луку и засек кто-то, когда он в Балашиху заявился тайно. А тут еще диверсанты эти прикатывают да говорят, что Юну Гало с ее

охранником они где-то в округе ночью потеряли. А потом топливным связать все легко было да понять, что у Луки тут с Юной встреча и назначена, ну и...

– Что дальше наверху было? – перебил я.

– Да что... Я, значит, только отвернулся, вдруг сзади звук такой, будто бы в ладоши хлопнули, потом звон, крик... Гляжу, а Лука-то, выходит, тоже соглядатаев заметил, просто виду не подавал! Он, значит, момент удобный подждал... Ну вот, сбросил в колодец того, кто возле ограды, по другим стрельнул пару раз из пистоля... Хитрый у него пистоль, с трубкой толстой на конце, тихо бьет, как хлопок такой. Лука, значит, стол перевернул, за ним укрылся. Тогда там пальба поднялась, большаки закричали...

– Так у него и другое оружие есть, кроме дубинки?

– Ну да. Я ж говорю: такой пистоль знатный, под плащом спрятан. Не иначе оружейники харьковские по особому заказу делали. Так вот, он к выходу прорвался, тогда я ему кричу, что от Юны, мол, за мной давай... Он меня чуть не прибил сначала, но после вроде как поверил, потому что ему деваться все равно некуда было. За мной побежал. Те, вверху, еще только очухивались, соображали, что к чему. А мы вниз. И тут ты как выскочил! – Чак издевательски хохотнул. – И враз по лбу дубинкой получил. Герой! Показал себя, наемник, во всей своей наемнической красе...

– Дурость – назначать встречу в Балашихе. – Я повысил голос: – Юна, почему у вас встреча на территории топливных

кланов? Вы ведь знали, что они будут мешать...

На ходу оглянувшись, Лука Стидич ткнул вниз пальцем и крикнул:

– Потому что там нас ждут!

– Где?.. – Меня прервал звук выстрела.

Пуля пролетела за спиной девушки. Несколько людей в брезентовых плащах и касках бежали по противоположной стороне градирни, среди них мелькали черные рубахи и бороды диверсантов. Щелкнул второй выстрел, потом громыхнул пороховой самострел.

– Наподдай, южанин! – Чак пригнулся, ударившись подбородком мне в темя.

– Не души! – Я вытянул над ограждением руку с хаудой, но стрелять не стал – расстояние было слишком велико.

Опять щелкнуло ружье, и Чак охнул. Я крикнул:

– Ранен?

– Та не, над самым ухом пролетела, прям чуть не по сережке моей... Эй, большаки! Дылды, вашу мать! Лука, Юна! – заверещал он.

На бегу оба оглянулись, и Чак прокричал:

– Не успеваем мы! Не успеваем спуститься, догонят раньше! А если и успеем, так все равно толку нет, там ворота запертые!

Впереди открылась площадка с повозками, стойлами и сендером, которую я видел сверху. Здесь вдоль стены тянулись не комнаты, а склады с воротами на засовах.

Спавший на повозке человек приподнялся, заслышав топот наших ног, и стал протирать глаза. Из-за другой подводы показалась всклокоченная голова. Человек выпрямился, подняв вилы, – решил, наверное, что мы хотим завладеть его добром. Заржали лошади в стойлах. Стаскивая с себя плащ, Лука побежал к дальнему краю, где стоял сендер, и мы с Юной поспешили за ним.

Сбоку вынырнули два здоровых парня с кобурами и тесачами на поясах, преградили путь, один крикнул, хватаясь за револьвер:

– Эй, стоять! Вы кто...

Я прыгнул вперед, чтобы Юна оказалась за спиной, но тут в дело вступил Лука Стидич. На этот раз он не стал доставать дубинку. Крутанув плащ через руку, швырнул в лицо охраннику и сразу хлестко врезал тыльной стороной ладони по носу другому. Человек упал, Лука дважды очень быстро ударил первого, сорвал с него свой плащ и, пока противник, держась за горло, валился навзничь, подбежал к сендеру.

– О дает! – выдохнул карлик. – Так, человек, а ну спусти меня!

– Наемник, за руль! – крикнул Лука, запрыгивая на заднее сиденье большого пятиместного сендера с широким багажником и броней на бортах.

Юна уселась рядом с ним, карлик забрался на переднее сиденье. Когда я, сунув хауду за пояс, завел двигатель, из ворот ближнего склада вывалились несколько человек. Девуш-

ка крикнула:

– Обрез! Разин, дай свой обрез!

Мне было не до нее – люди побежали к нам, и я, утопив педаль газа, крутанул руль, чтобы объехать их. Машина вылетела с площадки и понеслась вниз по коридору, сбив треногу с масляной лампой.

До земли – то есть до дна градирни – оставалась лишь пара витков спирали. Чак вытащил хауду из-за моего пояса и уже собрался передать назад, но я отобрал ее.

– Там, внизу! – крикнула Юна. – Разин, там люди!

Я оглянулся. Девушка, навалившись на низкий бортик сендера, глядела через ограждение, вдоль которого мы неслись.

– Много? – спросил я.

– Да. Поднимаются навстречу... Разин, они перегораживают проход телегами, не проедем!

Сквозь рев нашего двигателя донеслись звуки выстрелов. Я поднял хауду левой рукой, направив вперед сбоку от рамы с пленкой, заменяющей лобовое стекло.

– Тормози! – крикнула девушка.

– Держитесь все! – гаркнул я.

Впереди показались две телеги. Одна почти перегородила проезд, другую тщетно пытались развернуть несколько человек, но оглобли уперлись в ограждение, не давая передним колесам встать в нужное положение. Я вдавил оба спусковых крючка. Отдача вскинула стволы хауды, моя рука сама собой

согнулась в локте. Дробь сбила с ног одного человека, другие кинулись к стене, бросив телегу, и она покатила в сторону. Швырнув хауду под ноги Чака, я что было сил крутанул руль и проорал:

– Держитесь!

Наш сендер наискось вломился в ограждение, пробил его и вылетел в центральный колодец.

Забетонированное, накрытое сверху железными решетками круглое дно градири было недалеко. За пару секунд, пока машина падала, все сильнее зарываясь капотом, я разглядел штабель из рельс, скрепленных цепями, запертые ворота в стене, ряд приземистых будок из фанеры и жести, а еще – сендер, заезжающий в спиральный коридор, и бегущих за ним людей. Все это озарял прожектор на треноге, от которого толстый черный кабель, провисая, тянулся к железной штанге над крышей одной будки.

Потом передние колеса машины врезались в пол. Карлик как-то удержался, а меня швырнуло вперед, и я головой пробил пленку в раме. С хрустом сломался бампер, что-то заскрежетало сзади, и двигатель смолк. Сендер встал, причем передние колеса его ушли глубоко в корпус, а багажник приподняло.

Я лежал грудью на капоте. Ступни зацепились за рулевое колесо, руками я обнял машину.

– Слазь, южанин! – В поле зрения показался Чак с хаудой в руках. – Ишь, вцепился в нее, как в бабу!

Я заелозил животом по железу и стал съезжать головой вниз. С двух сторон Лука и Юна подхватили меня под мышки, сдернув с капота, поставили на ноги.

– Чак, хауду мне! – хрипло приказал я.

Подскочивший карлик вложил мне в руки обрез.

– Ты это хаудой называешь, наемник? – спросил он. – Никогда такого слова не слышал!

В нижней части спирального коридора началась давка – люди побежали назад, сталкиваясь, сендер преследователей пытался развернуться, буксуя и бешено ревя двигателем.

Из будок у ворот выскочили несколько человек. Я переломил стволы, достал два патрона из петель на ремне и стал заряжать. Лука Стидич вытащил из-под плаща оружие, похожее на армейский пистолет с глушителем. Потом на свет появилась алюминиевая трубка с прозрачной полусферой на одном конце. Под полусферой что-то серебрилось.

Жрец ударил трубкой о пол, раздался звон, полетели прозрачные осколки, и на конце ее с шипением расцвел факел магниевого огня. Одновременно он поднял пистолет и выстрелил в прожектор.

Раздался хлопок. Через мгновение в нижней части грядирни воцарилась темнота.

Стидич побежал вокруг штабеля рельс, подняв трубку над головой. Холодный серебряный свет магния превратил мир в мигающий черно-белый калейдоскоп.

– Куда теперь? – крикнул я, подталкивая Юну перед со-

бой.

– Нам надо вниз, – ответила она. – Лука сказал, там нас ждут...

– Но куда вниз, красава? – подал голос бегущий следом Чак.

– Тут есть подземные цеха. И канализация. Мы потому и встречались в Балашихе, что внизу нас ждет Почтарь, чтобы отвести в Храм...

– Но почему именно в Балашихе? – спросил я.

– Не знаю! Наверное, отсюда можно скрытно добраться до Храма.

Сзади раздались выстрелы. Судя по нарастающему шуму мотора, сендер смог развернуться в нижней части спирального коридора и ехал за нами, ориентируясь по свету химического факела в руках Луки. Я уже хотел крикнуть жрецу, чтобы он выбросил свою трубку, но решил, что тогда мы не найдем дорогу в темноте – свет масляных ламп, падавший сверху, был совсем тусклым.

Впереди раздались топот, крик, пятно серебряного света заметалось... Треснула электродубинка, блеснули искры.

Справа из темноты прямо на нас вылетел человек с тесаком, и я, вскинув хауду, машинально выстрелил из двух стволов. Человека отбросило назад, но рядом появился второй, и Чак метнулся ему под ноги. Зацепившись, он упал ничком, карлик вскочил на него, в маленькой ручке что-то блеснуло, хищно метнулось вниз, будто клюв... Человек вскрикнул, за-

дергался, Чак спрыгнул с него и побежал дальше.

Лука Стидич навалился на дверь будки, из крыши которой торчала штанга с проводом, идущим от прожектора, распахнул и нырнул внутрь.

Когда мы ввалились туда, в будке стало совсем тесно. Серебряный свет озарял железные ящики, торчащие из стен гвозди, где висели куртки, какие-то котомки, цепи, мотки проволоки. В углу был круглый люк. Лязгнув засовом, Лука откинул крышку и сказал:

– Вниз.

Девушка полезла первой, следом карлик. Жрец достал из-под плаща круглую ребристую гранату, разматывая тонкий провод, и положил ее на ящик. Перезарядив хауду, я встал у двери. Сендер приближался, но был пока не виден за штабелем рельс.

Лука повесил вторую гранату на торчащий из стены гвоздь, примотав к рычажку запала конец провода, велел:

– Лезь.

В этот момент из-за штабеля рельс вынырнули двое, и один из них сразу выстрелил.

Я отскочил в сторону, а жрец швырнул наружу трубку. Она с гудением пронеслась мимо меня, пятно света ударилось о штабель и разлетелось комками горящего серебра.

Захлопнув дверь, я на ощупь заложил засов. На четвереньках добрался до люка, спустил вниз ноги, нащупал верхнюю перекладину лестницы и полез. Снизу доносился стук

подошв о железо и звук дыхания.

– Лука! – позвала Юна. – Разин!

– Спускайтесь, – откликнулся жрец, – мы за вами. Там должен быть туннель, отойдите в сторону, может посыпаться.

Над головой стукнул люк, лестница тяжело заскрипела под весом четырех тел. Лука сказал:

– Наемник, я подложил под крышку ящик. Провод не длинный, скоро придется дергать. Будь готов.

Я позвал:

– Юна! Слышали?

– Мы уже в туннеле! – крикнула она.

– Отойдите в сторону! Быстрее, я прыгаю!

– Давай, человек! – пропищал в ответ карлик. – Не бойсь, я ее увел! Только пол тут бетонный, имей в виду...

Прыгать я все же не рискнул – заскользил по штангам, цепляясь за них ногами и руками, обдирая ладони о ржавчину. Когда ступни ударились о пол, сверху раздался взрыв.

* * *

– Такие вещи умеют делать в Меха-Корпе, – шепотом сказала Юна Гало. – Больше нигде, только в наших лабораториях. Не знаю, как это попало к Луке. Мы называем их факелы холодного огня. Ну или просто фаеры.

Лука Стидич шагал впереди, подняв над головой трубку,

испускающую холодный серебряный свет, за ним шли девушка с карликом, замыкал я. Скорее всего, взрыв двух гранат основательно завалил люк – мы двигались уже несколько минут, и пока что нас не преследовали.

Свет озарял низкие своды туннеля, по стенам которого тянулись провода на кронштейнах. Впереди капала вода, было сыро, я несколько раз наступал в маслянистые лужи, пахнущие мазутом.

Еще раз прислушавшись – в туннель сзади не проникало ни единого звука, – я обогнал Юну с Чаком и зашагал рядом с Лукой.

– Куда мы идем?

– Вперед, – сказал он.

– Зачем? Там ждет этот твой Почтарь? Кто он?

Лука молча шел дальше, трубка в его руке потрескивала и шипела, серебряный свет облизывал низкий свод в трещинах. Звук шагов изменился, появилось эхо – впереди туннель вливался в более просторное помещение.

– Ну так что впереди? – Я взял его за рукав.

Жрец развернулся, левая рука взлетела, но я был готов – и, поднырнув под дубинкой, ударил его кулаком в грудь. Лука Стидич отскочил, высоко подпрыгнув, в вихре взметнувшихся пол плаща. Шагнув назад, я слегка пригнулся и вытянул перед собой руки. В одной была хауда, но стрелять я не собирался.

И тут же между нами оказалась Юна Гало.

– Что вы двое опять делаете?!

– Просто хочу знать, куда мы идем, – пожал я плечами.

– Кто ты такой, чтобы задавать вопросы? – холодно произнес жрец.

– Я уже говорила тебе, Лука: он тот, благодаря кому я все еще жива, – сказала Юна. – Он заслужил право спрашивать. И тебе говорила, Разин: относись с уважением к...

– Спрашивать – но не получать ответы, – отрезал Лука. Дубинка будто по волшебству исчезла в рукаве плаща.

– Откуда мне знать, что ты не ведешь нас в ловушку?

– Разин! – Девчонка повысила голос: – Это же Лука Стидич, посланник самого Владыки, на встречу с которым я и спешила! Он сказал, что ведет нас к Почтарю, который должен проводить нас в Храм! Именно туда мы и направлялись с самого начала.

– Он ничего не хочет объяснять. Мне не нравится идти непонятно куда для встречи неизвестно с кем. Что это за Почтарь? Вдруг его давно пришили, а вместо него там ждут люди кланов?

– Да не ждут, не ждут, – прозвучал сиплый голос из темноты. – Я тут один, никого больше нет.

Я вскинул хауду, Лука Стидич поднял пистолет с глушителем. Голос раздался снова:

– Кто эти люди?

– Переговорщица Меха-Корпа и ее охранники, Почтарь. – Лука выпрямился, кивнув Юне, пошел вперед, и в серебря-

ном свете факела стало видно, что там находится большой зал.

Что-то знакомое, решил я. Сделал несколько шагов следом за жрецом – и понял, что туннель привел нас на станцию метро.

Глава 14

В Москве я бывал неоднократно, и на метро довелось поехать, но такой станции не помнил. Довольно быстро стало понятно, что это какая-то правительственная ветка или нечто подобное. Вроде я даже читал в Интернете, как ее отыскивали какие-то диггеры.

Серебряный свет озарил пассажирский перрон, рельсы и дрезину на них. На передке, за рычагами ручной тяги, виднелась тумба с кривыми рукоятками переключателей, двигатель и топливный бак, от всего этого хозяйства под днище уходили провода и шланги.

На дрезине стоял невысокий сухонький человечек в черной, наглухо застегнутой хламиде. С откинутого капюшона свисали концы шнурка. В руках он держал необычное оружие: трубка с прорезью и натянутой тетивой, кривая деревянная рукоять, на ней спусковая скоба. Похоже на ружье для подводной охоты, но слишком короткое.

– Ладно, не свети, не свети, – сипло произнес он, прикрывая глаза ладонью. Голос казался каким-то неуверенным, словно обладателю его не часто приходилось говорить. – Погаси штуку свою, говорю.

– Но тогда мы ничего не будем видеть, – возразила Юна Гало, подходя к дрезине.

– Да будете, будете, сейчас я... погоди...

Маленькое небритое личико с острым носом и вздернутой верхней губой напоминало крысиную мордочку. Невозможно было определить возраст этого человека – ему с равным успехом могло быть как тридцать пять, так и пятьдесят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.